

**АЛЪМАНАХЪ
» Г Р А Н И «**

**ПОДЪ РЕДАКЦИЕЙ
А. ЧЕРНАГО**

РУССКАЯ ТИПОГРАФИЯ Е. А. ГУТОВА
BERLIN S. 14, DRESDNERSTRASSE 82-83.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ
АЛЬМАНАХЪ
» Г Р А Н И «

КНИГА ПЕРВАЯ

Б Е Р Л И Н Ъ 1 9 2 2

Отъѣздъ.

(Изъ дневника)

15 августа 1914 г.

Сегодня, 15-го августа, я, можетъ быть, въ послѣдній разъ видѣлся съ Андреемъ. Былъ уже вечеръ, такой, какъ всегда у насъ въ домѣ: дѣти спятъ, мама что-то свое дѣлаетъ въ своей комнатѣ, вездѣ лампы, тишина и пустота. Только въ кухнѣ своя жизнь. Я съ болью въ рукѣ и мигренью сумрачно бродилъ по кабинету, тихо по ковру, среди трехъ лампъ, — и вдругъ вошла, задыхаясь отъ лѣстницы и отъ волненія, мама, присѣла на ступенькахъ и говорить:

— Андрей пріѣхалъ!

— Какой Андрей?

— Да нашъ! Нашъ Андрей!

Онъ стоялъ съ полкомъ гдѣ-то близко въ Финляндіи, и была маленькая надежда, что такъ и останется до конца кампаніи. Но тутъ я сразу понялъ, что ихъ гонятъ. А ужъ въ передней народъ, всѣ наши выскочили, и посерединѣ сѣрый солдатъ, Андрей, Андрюша, нашъ Андрей. Что-то развязываетъ, что-то снимаетъ: свѣту мало, и все точно не дорисовано.

Андрюша похудѣлъ, сѣрая куртка въ воротѣ и груди широка, вообще не нарядный, а трудовой солдатскій видъ. Оказывается, что только на часъ — къ двѣнадцати будетъ въ Райволѣ его поѣздъ, съ которымъ дальше. Его скорѣе кормить

и поить чаемъ, собирать носки и рубашки. Мама растерянно забѣгала вверхъ и внизъ; она еще прихрамываетъ, сегодня ушибла ногу, когда съ дѣтьми ходила за грибами. А мы въ Аниномъ кабинетѣ, гдѣ такъ тихо, красиво, удобно; и на все я смотрѣлъ его глазами, какъ онъ долженъ смотрѣть. Потихоньку въ самомъ началѣ, пока онъ мылъ руки, я спросилъ его, куда. Конечно, онъ улыбается той особенной улыбкой, какая въ этихъ случаяхъ: конечно, туда, за Варшаву, въ самое пекло.

Такъ.

Ихъ поздравляли съ походомъ, кричали ура. И онъ здѣсь, а тамъ по дорогѣ уже тянется ихъ полкъ, обозъ и прочее, и черезъ часъ онъ присоединится къ этому сѣрому, военному, идущему за Варшаву. И пока онъ ѣлъ и пилъ въ Аниномъ кабинетѣ, я говорилъ ему все только хорошее о войнѣ, а самъ смотрѣлъ вторыми, настоящими глазами, запоминалъ движеніе и лицо. Все та же бороденка, вообще Андрей, Андрюша, нашъ Андрей. И когда онъ попросилъ вядчины ему на дорогу, то я запомнилъ вядчину; на бѣлой тарелочкѣ полукруглые, съ жиромъ, дѣйствительно, пріятные ломти. Было очень радостно, что онъ попросилъ этой вядчины, точно въ чемъ-то и мы помогли, и тутъ же горько и стыдно, что такъ мало, — какой пустякъ: вядчины! А въ кабинетѣ двѣ красныхъ лампы, и я все время видѣлъ весь домъ, мой мирный кабинетъ и тишину. Говорили о многомъ, а самага главнаго — боится ли онъ итти и думаетъ ли, что можетъ быть убитъ и что это свиданіе можетъ быть послѣднимъ и что отсюда для насъ онъ, можетъ быть, идетъ въ безконечную смерть — этого нельзя было ни спросить, ни сказать. Въ дѣйствительности хотѣлось не говорить, а водить его по дому, по саду, по всѣмъ людямъ нашимъ, чтобы со всѣми онъ простился, на все посмотрѣлъ. И не утѣшать, а говорить: Андрюша, а вѣдь очень возможно, что тебя убьютъ, смотри, какъ тамъ бьютъ.

Потомъ очень въ скоромъ времени опять стояли въ полумрачной передней и прощались. Онъ одѣвался, подвязывалъ поясъ съ патронами, показывалъ, сколько еще патроновъ. Въ углу его ружье. Я посмотрѣлъ и взялъ на руку: очень краси-

вое, стройное, стройный, какъ барышня, штыкъ. Съ этимъ ружьемъ онъ пойдетъ, съ нимъ разстанется, только упавъ — тамъ, гдѣ-то въ Пруссіи, гдѣ падаютъ уже. Его ружье. И тутъ я вторыми глазами запоминать наши вещи и Андрея среди нихъ. Слова уже сейчасъ почти забылись и они не имѣли никакого значенія.

Когда мы поцѣловались, я чувствовалъ и помню навсегда твердое прикосновеніе его губъ: въ то же время отъ него пахло особенно, трудовымъ солдатомъ, похоже на запахъ трудового мужика. Потомъ при выходѣ второй разъ поцѣловалъ его, и оба раза съ большимъ трудомъ удержалъ слезы, чтобы не вытекли изъ глазъ; говорить — болтать не могъ. Мама, давно одѣтая и почему то низенькая, поѣхала провожать его на станцію. Когда вышли, я повертѣлся въ столовой и сталъ искать шапку, не нашелъ, и они уѣхали. Видѣлъ черезъ окно во дворѣ какой-то фонарь, слышалъ, какъ заскрипѣли колеса.

Что будетъ? Мнѣ кажется, что онъ не вернется; и эти мои мысли, уже не новыя, кажутся мнѣ страшными и недопустимыми: какъ будто этими мыслями я самъ его убиваю. Что будетъ, что будетъ!

Еще недавно будущее разгоралось издалека, а теперь къ нему приходишь вплотную, и передъ самыми глазами этотъ непроницаемо черный занавѣсъ, поднимающійся каждое утро.

Л. Андреевъ.

Гобелэнъ.

Не увядая, гобелэны
Хранять въ вѣкахъ увядшій цвѣтъ,
Всѣ встрѣчи, зовъ роговъ, измѣны,
Всю ворожбу сплетенныхъ лѣтъ.

Влюбленный рыцарь въ старомъ замкѣ,
Его надежды, нѣжный страхъ,
И двѣ смѣющіяся ямки
У нѣжной дамы на щекахъ.

Но онъ надѣялся напрасно,
Онъ счастливъ былъ лишь краткій часъ.
Надъ сердцемъ сердце развѣ властно?
Любовь не грустный-ли рассказъ?

И двое, рыцарей, что ту же
Любили больше, чѣмъ себя.
И, закрѣпивъ копье потуже,
Онъ мчится, вражій щить дробя.

Дабы не помнить о измѣнѣ,
Въ далекую онъ ѣдетъ даль.
И, кустъ роговъ поднявъ, олени
Глядятъ на странную печаль.

На нихъ онъ не натянетъ лука,
Имъ вольно быть въ родномъ лѣсу.
Его ведетъ въ скитанье мука,
Онъ злую полюбилъ красу.

О, нѣтъ, ея движенья гибки.
И зреть онъ, чрезъ дорожный прахъ,
Двѣ ямки, полныя улыбки,
У юной дамы на щекахъ.

Безстрашный рыцарь въ Палестинѣ,
За крестъ онъ поднимаетъ мечъ.
И сверху свѣтитъ воздухъ синій,
А снизу пыльный пурпуръ сѣчь.

И чѣмъ нѣжнѣе въ сердцѣ рана,
Тѣмъ рванѣй быстрый взмахъ меча.
И, крася бѣлизну тюрбана,
Онъ рубить голову съ плеча.

Бѣжали стаей Сарацины,
И къ дому — рыцаря полетъ.
Расцвѣтъ разлуки, цвѣтъ единый,
Надъ сердцемъ сердцу власть даетъ.

Изъ края къ краю духъ фіалки
Идетъ къ душѣ черезъ моря.
И звукъ жужжащей томной прялки
Поетъ, о счастья говоря.

Какъ сладко знать, что таютъ льдины,
Къ родной землѣ, вздохнувъ, припасть.
И цвѣтъ разлуки, цвѣтъ единый,
Даетъ надъ сердцемъ сердцу власть.

Онъ съ ней, счастливый рыцарь, въ замкѣ,
И будетъ видѣть онъ въ вѣкахъ
Двѣ засмѣяшіяся ямки
У юной дамы на щекахъ.

К. Бальмонтъ.

На мертвомъ якорѣ.

— Что-же дѣлать? Такъ оно и есть: теперь всего и утѣшенья — вспоминать да надѣяться . . . А если у насъ и это отнимутъ — ну, тогда, конечно, — будемъ догрызать другъ друга . . .

Генералъ прикрылъ босыя ноги грубымъ одѣяломъ изъ стараго шинельнаго сукна и пытливо поглядѣлъ на спутницу, сидѣвшую напротивъ, на верхней койкѣ грязной и тѣсной каюты.

— Вы вотъ лукаво улыбаетесь, а я вамъ говорю серьезно: мнѣ обидно не за себя, когда они меня выкрикиваютъ генераломъ Брюквинимъ, а за нихъ, за эту молодежь, у которой уже не осталось никакого чувства уваженія къ старшимъ. Не будемъ говорить о чиновочитаніи, Господь съ ними, съ чинами — я считаю, что я потерялъ свои чины вмѣстѣ съ Россіей. Нѣтъ Россіи — не надо и чиновъ. Такъ даже какъ то глубже и содержательнѣе скорбь о родинѣ . . . Энь! Вы опять лукаво улыбаетесь.

Генералъ помолчалъ, вздохнулъ, взглянулъ внизъ на лежащаго и блѣднаго князя-профессора и его жену, вѣчно занятую куклами.

— Это что-же, вы, княгиня, какую-то рязанскую Матрешку, что-ли, смастерили?

— Нѣтъ, это тульская. Видите, здѣсь сарафанъ безъ пояса и вышивка другая.

— Да вы такимъ манеромъ цѣлый кукольный этнографическій музей Россіи создадите?..

— Не смѣйтесь — я никогда съ такой охотой не играла въ куклы, какъ теперь.

Профессоръ проворчалъ со вздохомъ:

— Это она крѣпостныхъ своихъ возсоздаетъ....

Княгиня посмотрѣла на мужа съ упрекомъ:

— Положимъ, я даже не помню нашихъ крѣпостныхъ, но теперь-бы я съ охотой завела хотя бы только для того, чтобы вмѣстѣ съ ними на конюшнѣ и тебя выпороть.

— За что? — спросилъ генераль.

— Извѣстно за что. За сотвореніе революціи. Вы думаете, революцію матросы сотворили? Вотъ они, истинные прародители всероссійской пугачевщины! — Княгиня ткнула пальцемъ въ мужа. — Въ академіяхъ, да въ институтахъ, да въ своихъ редакціяхъ десятки лѣтъ ее лелѣяли.

— Продолжайте, генераль, рассказывать. Это гораздо интереснѣе, — попросилъ князь и болѣзненно закрылъ глаза.

— Нѣтъ, я хотѣлъ лишь рассказать, что этотъ поручикъ, что вызвалъ меня по списку давеча для полученія консервовъ, былъ мною же взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ цѣлой ротой красныхъ. Конечно, если-бы онъ полонилъ меня, вы знаете, какъ бы поступилъ онъ! — Но я оставилъ ему жизнь, и вотъ онъ надо мной же издѣвается. Имъ, видите ли, голова моя понравилась: вся голая и бѣлая, какъ брюква и вотъ они окрестили меня Брюквинымъ.

— Да, полноте, не придавайте этому значенія! — сказала съ верхней койки молодая спутница, и ея голосъ прозвучалъ какъ пѣсня, примиряюще и вольно и сердечно.

— А-а... Брюквинъ, такъ Брюквинъ! — махнулъ рукою генераль и, улыбнувшись синими, большими и выпуклыми глазами, забавно обскользнулъ ладонью свою крупную и круглую, совершенно безволосую голову.

Лицо у него было розовое, лишенное растительности, лишь на мѣстѣ бровей торчали два маленькіе бѣлокурые пучечка. Губы все время кривились не то въ улыбку, не то въ брезгливую гримасу.

— Вотъ вы, дамы, удивляетесь, что я такъ много и будто бы тамъ . . . складно, что-ли, вамъ рассказываю . . . А я удивляюсь, что вы въ этой поскудной нашей жизни совершенно не теряетесь и трудитесь и трудитесь . . . Мы болтаемъ, а вы слушаете и работаете . . . Княгиня куклы шьетъ, а Настенька все что-то чинить . . . Эхъ, жаль, что я генераль, а то бы я за вами, Настенька, на палубу сталь бы бѣгать . . .

— Чѣмъ же вамъ мѣшаетъ генеральскій чинъ?

— Тѣмъ, что старить. Полковникъ — это и звучитъ какъ то моложе и нѣсколько менѣе обязательно. А генераль — это уже — мертвый якорь . . .

— А вы попробуйте! — подбодрила княгиня.

— Ахъ, княгинюшка! Всѣ крахмальные воротнички, ужъ не говоря о прочихъ украшеніяхъ, гдѣ-то растерялъ въ горячихъ битвахъ . . .

Онъ сѣлъ на своемъ мѣстѣ по турецки и взглянулъ въ иллюминаторъ:

— Посмотрите, насъ опять повернули къ берегу. А и шелковый-же бережокъ! И тамъ эти кактусы и пальмы — точно на картинкѣ.

— Я уже любовалась-любовалась съ палубы! — пропѣла Настенька съ украинской повадкой и заспѣшила, выбрасывая накопившуюся грусть въ завистливыхъ словахъ: — и такъ завидовала осликамъ. Пасутся себѣ на землѣ. И такъ бы я хотѣла, шобъ была у меня хата и криница, и коровка и мужъ-бы дома . . . И больше-бъ ничего не надо мнѣ на свѣтѣ . . . Поприбрала бы все, поперемыла, поперечинила и — и ждала бы мужа съ поля! . .

Настенька покачала головой, и въ глазахъ ея, большихъ и темнокарихъ съ татарской прорѣзью, блеснули искорки влаги.

Генераль вздохнулъ и, повысивъ тонъ, продолжалъ, какъ будто сталь читать по книгѣ:

— Вотъ то-то и оно-то . . . И какъ посмотрю я въ эти ваши дѣвичьи глаза — передо мною такъ и оживаетъ все самое чудесное, самое мнѣ дорогое. Дочь вы мнѣ напоминаете. А дочь была вся въ мать, въ жену мою. А жена моя изъ тѣхъ же ва-

шихъ мѣстъ, хохлушка. Да . . . Теперь вы понимаете, княгиня, мою разговорчивость?

— Какъ дважды два! — басомъ отозвалась княгиня.

— Были когда-то и мы рысаками! — прибавилъ профессоръ.

А Настенька оставила работу и, вглядываясь через иллюминаторъ въ даль, какъ бы сама съ собой сказала:

— Бывало, у себя тамъ, дома, слушаешь подъ вечеръ пѣсни и все бы такъ смотрѣла, смотрѣла далеко. — И повернувшись къ генералу, она улыбнулась ему съ ласковой грустью:

— А-ну, расскажите чтонибудь про Бога! . .

— Ахъ, милая! . . Да я вамъ за это всю жизнь готовъ рассказывать . . .

Генераль поправилъ залоснившуюся грязную подушку, облокотился на нее и уперся строгимъ взглядомъ въ потолокъ

— Да, да . . . Теперь мы вотъ завидуемъ африканскимъ осликамъ. А что имѣли, что имѣли?!.. Боже мой, я помню свой ужасъ въ дѣтствѣ, когда не могъ постигнуть географіи Россіи . . . Вы понимаете — я такъ-таки и не могъ ея постигнуть! По географіи у меня всегда было три съ минусомъ, и вотъ только во время войны, когда ужъ я командовалъ полкомъ, и долженъ былъ по службѣ изучать нашъ фронтъ, такъ я часть, какуюнибудь сотую часть Россійской географіи и то слегка, слегка усвоилъ . . .

— Нѣтъ, нѣтъ, не будемъ о политикѣ . . . Я это только вскользь. А я хотѣлъ вамъ, собственно, что-то дѣйствительно про Бога . . . Нѣтъ, про осликовъ . . . Ахъ нѣтъ — про животныхъ вообще. Я до сихъ поръ не понималъ, какое огромное значеніе имѣли животныя въ нашемъ обиходѣ . . . То-есть, я опять таки не о матеріальномъ значеніи говорю, а прямо о духовномъ, объ этическомъ и именно о божескомъ . . . Помните, княгиня, себя въ дѣтствѣ: вы обязательно возились съ котенкомъ, тянулись къ циплятамъ, вели дружбу съ собаками, мечтали ѣздить на лошадакахъ . . . И вездѣ человекъ среди животныхъ какъ-то полнѣе, ярче, именно божественнѣе, что-ли . . . Я помню свою дочку. Жили мы тогда въ Крыму на берегу моря въ скромномъ домикѣ. Бывало, чуть свѣтъ, выпорхнетъ на свой

балкончикъ въ легкомъ платицѣ и такъ поспѣшно и озабоченно осмотритъ самодѣльный огородикъ, цвѣтничекъ и садикъ, разбитый между кипарисами.

— Глаза отъ солнца сначала жмурить, а потомъ они вдругъ вспыхнуть лаской, расцвѣтутъ. И голосъ зазвенитъ такой чудесной музыкой:

— «Цыпы-цы-пы — цы-пы! . . .» — Это восхитительно! Изъ помидоръ бѣгутъ цыплята, разноцвѣтные, пухленькіе, шустрые... Имъ двѣ недѣли, а они уже бойче матери. Мы тогда уже хлѣбъ получали по карточкамъ — она раскрошитъ свой паекъ. И броситъ имъ на ступеньки — ты-р-р-р! такая пойдетъ дробь и этакій сосредоточенный и заговорщическій общій хоръ: тили ти-ли! Прелестно! Я, бывало, любовался всей этой картиной и видѣлъ, какъ счастлива моя дѣвочка, и отъ этого былъ счастливъ я и все вокругъ, — включая пару сосѣдскихъ тупомордыхъ поросятъ, которые весь огородъ у дочки съ корнемъ вырыли, — все было дорого, божественно, благословенно! . .

— А вы знаете, гдѣ теперь ваша дочка?

— Какъ не знать! . . Въ Ростовѣ похоронена въ общей могилѣ... Что тутъ удивительнаго, — погибла за мои грѣхи . . .

Генераль долго и усиленно сморкался и пыхтѣлъ. Книжня поняла этотъ маневръ и, посмотрѣвъ въ иллюминаторъ, сказала, ни къ кому не обращаясь:

— Теперь я поняла, почему этотъ бедуинъ или арабъ проходитъ здѣсь по берегу . . . Онъ вылавливаетъ дары моря. Вонъ какую-то дощечку взялъ . . .

Настенька поспѣшно штопала холщевую рубашку, и тонкій смуглый профиль ея четко отпечатался на сѣрой стѣнкѣ.

— Да, кто могъ бы думать? — вымолвилъ профессоръ, чтобы нарушить молчаніе — что мы, сѣверяне, въ сосѣдствѣ отъ древняго Карѳагена найдемъ свои рѣки Вавилонскія?..

II.

Генераль оправился и какъ-бы спохватившись снова началъ:

— Да. Теперь я вспомнилъ то, о чемъ хотѣлъ вамъ разсказать. Только это очень длинно и касается опять-таки все тѣхъ же скорбныхъ дней Россіи.

Настенька тревожно поглядѣла на разсказчика. Она боялась всѣхъ «кровавыхъ», или «звѣрскихъ», или «политическихъ» разсказовъ, какъ дурного воздуха.

— Не бойтесь — успокойте генераль. — Все будетъ такъ лирично, какъ вы любите.

Глаза ея сверкнули, потемнѣли, стали глубже, а малокровныя губки улыбнулись и произнесли чуть слышно:

— А — ну! . . .

Генераль помолчалъ еще, какъ-бы отыскивая подходящія слова для начала, потомъ полузакрывъ глаза и вмѣстѣ съ шумнымъ вздохомъ произнесъ проникновеннымъ голосомъ одно лишь слово:

— Кіевъ!

И продолжалъ повѣствовательно, какъ съ книги.

— Вы не прислушивались, Настенька, когда-нибудь къ этому звуку? Произнесите вслухъ и прислушайтесь какъ-нибудь передъ закатомъ солнца, когда издалека доносится колокольный звонъ . . .

— Произнесите въ одиночествѣ, когда смотрите въ синюшція дали и вспоминаете дѣтство, или когда глубоко любите, или когда глубоко оскорблены.

— Замѣьте, что это слово невозможно произнести шумно и крикливо . . . плавное, вкрадчивое, оно, какъ возгласъ сладостнаго удивленія, или какъ случайно выпавшее слово изъ псалма, или какъ радостное обращеніе къ любимому, котораго давно потерялъ и отчаялся увидѣть.

— «Ты-ли?»

— Если бы когда-нибудь русскіе люди, больше чѣмъ на половину теперь неизлѣчимо обезумѣвшіе, по зову сердца, разума или иной какой либо чудесной силы смогли понять, по-

чувствовать и воспринять этотъ звукъ такъ же, какъ онъ навсегда запалъ въ моей душѣ, — Россія сразу вся преобразилась бы, и по всей великой Руси полилась оздоровляющая радость истиннаго Воскресенья . . . — генераль снова шумно выпустилъ изъ себя глубокой вздохъ и повторилъ еще разъ молитвенно, восторженно и грустно:

— Кіевъ . . .

— Да, я помню это утро на Днѣпрѣ . . .

— Все вокругъ казалось привольно, какъ всегда, какъ тысячу лѣтъ назадъ, сыто и покойно, когда здѣсь въ своей гридницѣ пировалъ Владиміръ Красное Солнышко.

— Просторно, солнечно, лазурно за Днѣпромъ. Съ высокаго берега, что надъ Аскольдовой могилой, открывалась стальная даль на сѣверъ, а весенній полноводный Днѣпръ неторопясь и величаво проходилъ мимо Печерскихъ витязей, одѣтыхъ въ кованное золото, мимо стройнаго и вѣчно юнаго Андрея Первозваннаго, туда, на западъ, къ Межигорью.

— Ахъ, милая Настасья Павловна! Вы на меня не обижайтесь, но вы, хохлы, съ вашей неподражаемой и пѣсенной души, никогда все же не сумѣете такъ глубоко понять и оцѣнить значеніе Кіева, какъ мы — кацапы! . . . Ну, хорошо, не надо! . . . Не буду задѣвать вашу щирую душу! . . .

— И вотъ я помню, Кіевъ тогда горячо и ярко зажегъ всѣ многочисленныя свои золотыя главы и рокотливо древними колоколами славословилъ Весенняго Николу.

— Кіевскія церкви — какъ всегда, свято и ненарушимо — исполняли въ тотъ день святцы. Службы, конечно, совершались съ благолѣпіемъ, духовенство облачалось во все бѣлое, акаѳистовъ было заказано гораздо больше, чѣмъ всегда. Для церкви въ это утро не было ни смуты, ни междуусобной брани, ни злобы дня. Она пышно чествовала древняго угодника и чудотворца Мирликійскаго и какъ бы совсѣмъ ослѣпла къ суетной и жуткой жизни, за которую такъ много пролито и слезъ, и крови этими ея сегодняшними сѣрыми, усталыми и хмурыми паломниками-богомольцами, не по своей волѣ собравшимися въ Кіевъ со всѣхъ необозримыхъ весей Руси сермяжной, каторжной и богомольной:

... И отъ Камы многоводной
И отъ синихъ волнъ Невы
И отъ Ладоги холодной
И отъ матушки Москвы.

— Да, впрочемъ, и гдѣ же ей, святой старушкѣ, загороженной отъ міра молодыми грѣшными служителями, разглядѣть было всѣ горечи и скорби и обиды этихъ оборванныхъ пришельцевъ съ желтыми лицами и лихорадочно горящими взглядами, тоскующими о далекой, быть можетъ, навсегда потерянной деревнѣ?..

— Господи!.. Да никому-бы изъ слугъ церкви въ это утро не пришло и въ голову пойти подъ яръ, что подъ Аскольдовой могилой, и присмотрѣться тамъ къ камнямъ, лежащимъ возлѣ самага Днѣпра.

— А тамъ, теперь я все такъ ярко вижу, — среди камней, такой же сѣрый, какъ они, и неподвижный, угловато-грубый, сидѣлъ человекъ въ истрепанной, прострѣленной, прожженной многими ожогами шинели и остановившимися тоскливыми, затуманенными слезою глазами смотрѣлъ на мутныя струи рѣки и, казалось, ни о чемъ не думалъ. Подъ шинелью онъ былъ голымъ. Волосатое, худое тѣло его синѣло, какъ у мертвеца, борода давно не брита, волосы не стрижены и клиньями вылѣзли изъ подъ замусоленной солдатской вязанки-папахи на худую шею. Возлѣ на камняхъ лежали влажные, только что вымытые безъ мыла рубашка, гимнастерка и дырявые штаны изъ дешевой полинявшей защитной матеріи. А за ними мордой къ городу сидѣлъ на поджатомъ хвостѣ песъ и, полузакрывъ глаза, дремалъ съ тѣмъ презрѣніемъ къ бѣлому свѣту, какое можетъ быть лишь у стараго испытаннаго циника... Да, — какъ бы съ самимъ собою продолжалъ генераль, — теперь, когда я знаю всю эту трагедію собачьяго сердца, я съ благоговѣніемъ расскажу вамъ все, какъ сказку или какъ сочиненную повѣсть. Я какъ сейчасъ вижу эту собаку. Въ ней смѣшаны были породы высшихъ ирландскихъ и пойнтерныхъ кровей съ самыми низшими пастушечьихъ овчарокъ. Судя по вялымъ и большимъ ушамъ, по острой шишкѣ на темени, по миндалевиднымъ гла-

замъ, — песь обладалъ большимъ аристократическимъ разсудкомъ, но грязные свалывшіеся клочья на шкурѣ и предательски свернувшійся въ кривой калачъ хвостъ, а также узкій и костлявый задъ съ негнуцимися, какъ у волка, задними лапами выдавали въ немъ воровскіе навыки и застарѣлое бродяжество.

— Вотъ и тогда — я видѣлъ, что ему до смерти опостылѣла рѣка, на которую они пришли, видимо, съ разсвѣтомъ. Въ городѣ давно звонятъ всѣ многочисленные колокола, а это бываетъ разъ въ недѣлю, и послѣ этого звона всегда такъ вкусно пахнетъ изъ всѣхъ кухонъ, въ эти дни такъ богаты всякой всячиной помойныя ямы. Это было ясно и по моргающимъ глазамъ собаки, и по судорожному подергиванью ноздрей.

— Итти бы надо, но почему-то въ первый разъ за послѣдніе четыре года, въ теченіе которыхъ песь, вмѣстѣ съ настоящимъ своимъ именемъ, потерялъ и настоящего хозяина, — не хотѣлось ему бросить этого новаго, такъ не похожаго на всѣхъ человѣка.

— «Что онъ сидитъ тутъ на рѣкѣ? все равно по ней не приплыветъ же завтракъ! Надо его самому итти разыскивать». — Казалось такъ долженъ былъ думать искушенный опытомъ песь, но сидѣлъ и терпѣливо ждалъ.

— Какъ бы почуявъ этотъ упрекъ, человѣкъ быстро заморгалъ глазами, провель по нимъ ладонями, обтеръ ладони о шинель, надсадно хоркнулъ носомъ, проглатывая удержанныя слезы, и оглянулся на случайнаго товарища.

— Песь медленно вытянулъ изъ подъ себя хвостъ и раза два крутнулъ имъ, пріоткрывъ глазъ, и подобралъ густыя слюни, побѣжавшія, должно быть, при воспоминаніяхъ о праздничныхъ запахахъ въ городѣ.

— Когда же человѣкъ сталъ надѣвать еще не высохшее платье, песь подошелъ къ нему и опять таки, видимо, въ первый разъ за всѣ послѣдніе четыре года изловчился и лизнулъ человѣка въ щетинистые рыжіе усы, пропахшіе махоркой.

— Потомъ молодо привскочилъ на мѣстѣ, когда человѣкъ сказалъ простымъ, но теплымъ голосомъ:

— Пойдемъ, братокъ, распродадимъ послѣднее, да хоть разокъ до-сыта поѣдимъ! . .

— И вотъ за это-то, то есть за то, что человѣкъ продалъ послѣднее съ себя бѣлье, купилъ мяса и сварилъ его въ своемъ закопченномъ, видѣвшемъ виды солдатскомъ котелкѣ, и отдалъ псу всѣ косточки, — песь окончательно и навсегда почувствовалъ къ нему привязанность, какъ къ настоящему, вновь отыскавшемуся, хозяину.

— И благодарно отвѣчалъ преданнымъ повизгиваніемъ, когда въ сумеркахъ, лежа въ оврагѣ въ своемъ логовѣ, человѣкъ грѣлся возлѣ пса, поглаживалъ его и говорилъ со всею задушевностью:

— Ну, вотъ, братокъ, и провели мы именины! . . Сорокъ мнѣ-ка стукнуло! — сказалъ онъ мнѣ тогда. — А приведетъ ли Господь до дому когда не то добраться? . . Дома-то, бывало, въ этотъ день сколько пироговъ настряпаютъ, да сколько родни перебиваетъ . . . — и я видѣлъ въ сумеркахъ, какъ глаза его остановились на далекихъ звѣздахъ, затеплившихся въ небѣ точно такъ же, какъ, вѣроятно, теплились они всегда въ родныхъ поляхъ и пашняхъ тамъ, въ привольной и родной сибирской сторонѣ . . .

И показалось тому человѣку недоступной, никогда не сбыточной теперь та жизнь, которая когда-то такъ счастливо протекала дома, и онъ затрясся, какъ въ ознобѣ, и запрыгали передъ глазами звѣзды, затуманились . . . Даже песь забезпокоился и заскулилъ.

— Надо вамъ сказать, что этого дебюта своего въ драматическомъ эюдѣ совмѣстно съ простымъ солдатомъ я никогда не въ состояніи забыть . . .

III.

— . . . А видите-ли, почему я это близко знаю. Можетъ быть, вы помните — тогда убили кievскаго митрополита Владиміра . . . Ужъ я не говорю, что въ тотъ разъ въ Кіевѣ убили нашего брата офицеровъ свыше пятисотъ. Это всѣмъ примелькалось. А убійство митрополита помнятъ всѣ. Вотъ въ то вре-

мя и я, грѣшный, былъ на учетѣ у убійць и, превратившись въ замухрышку-рядового — благо что мое обличіе помогло мнѣ въ этомъ, — я прятался въ оврагахъ за Аскольдовой могилой вмѣстѣ со всякими головорѣзами. И среди головорѣзовъ-то и отыскалъ этихъ чудеснѣйшихъ своихъ друзей — Пятаго и Акиндина. Пятымъ-то собаку звали, а Акиндинъ — солдатъ-сибирякъ, котораго этотъ песь избралъ своимъ хозяиномъ...

— Откуда про собачьи души знаю?.. Охъ, милая Настасья Павловна! Отъ того я, можетъ быть, и человѣчьими душами, когда это надо было, не интересовался, что слишкомъ много отдавалъ себя собакамъ...

— А теперь, какъ видите, черезъ собаку я позналъ и настоящую человѣческую душу и подлинную подлюю его природу... Профессоръ и князь! Вы слышите: я открываю для васъ новыя научно-біологическія предпосылки...

— Вы, видимо, охотникъ, генераль? — спросилъ профессоръ.

— Да, немножко... И я усвоилъ, что собачій законъ несложный: если есть имя — значитъ, есть и хозяинъ, а нѣтъ хозяина, нѣтъ и имени. А отсюда и собачья логика: безъ хозяина бездомность, нищенство, бродяжество и одичаніе... Хорошій законъ — не правда-ли?.. Прямо людямъ — заповѣдь!..

— Какъ звали Пятаго раньше, онъ, я думаю, не зналъ, позабылъ. Но если бы вернулся прежній хозяинъ — сразу вспомнилъ бы хозяина и свое имя. Однако, отъ новаго хозяина, можетъ быть, и не ушелъ бы, потому что вмѣстѣ съ нимъ нашель свое новое имя. А съ именемъ сразу стало легче.

— Это такъ же просто, какъ заблудившійся въ скитаніяхъ человѣкъ, не знающій чужого языка, всѣмъ чужой и отовсюду гонимый, вдругъ нашель бы свою родину, и языкъ, и свое имя, нѣкогда столь ласково произносившееся устами матери или возлюбленной. Мы это теперь съ вами хорошо усвоили... А Пятый, я думаю, хозяина утратилъ вмѣстѣ съ наступленіемъ войны, значитъ, года четыре.

— А четыре года собачьяго скитанья по чужимъ дворамъ — кто не пойметъ, какъ это унижительно и горько? Я представляю, какъ Пятый пытался найти хозяина, къ кому-нибудь

прислужиться, сколько разъ за случайно брошенную кость гнался десятки верстъ за обозами или за пѣшеходами, или приставалъ къ какимъ либо дворамъ. Но, вѣроятно, всякій разъ люди-хозяева въ отвѣтъ на это начинали швырять въ него камнями и палками . . . Гдѣ-нибудь даже бросили ему въ кускѣ хлѣба острый гвоздь или булавку. — Есть такіе люди!

— Я вижу всю эту собачью растерянность, все одиночество бездомнаго бродяги.

— Гдѣ-нибудь зашелъ нечаянно въ колбасную и взялъ безъ денегъ и безъ выбора свой завтракъ, и вотъ тутъ-то, вѣроятно, и ударилъ его злой хозяинъ, да такъ ударилъ, что у Пятаго и повисъ и потащился задъ.

— И долго Пятый тащилъ на двухъ переднихъ обѣ заднія ноги, пока доползъ до тихаго, глухого, укротнаго оврага. А это нужно было также по собачьему закону: если кто-либо отнял здоровье — надо отыскать его въ одинокой скорби гдѣ-либо вдали отъ хозяевъ и товарищей. Если надо умирать — тоже надо удалиться отъ всѣхъ, чтобы никто не видѣлъ послѣдняго издыханія.

— Подъ задними ногами его предательски шуршала старая трава и мелкія вѣтки деревьевъ . . . Тутъ-то онъ и услыхалъ впервые свое новое имя:

— «Пятый! . . .»

— Кто-то лѣзетъ пятый! — сказала гостепріимно Акиндинъ, теперешній хозяинъ Пятаго. Но я думаю, еще до этихъ словъ Пятый уловилъ пріятный запахъ господина. Не просто хозяина, какихъ всюду много, а именно хозяина-господина, къ которому такъ часто хочется подползти, повилять хвостомъ и, если хватить смѣлости, подпрыгнуть и лизнуть въ носъ.

— Несомнѣнно, степью и лѣсомъ, пухомъ и перомъ, вѣтромъ и рѣкой ударилъ въ носъ Пятаго отъ хозяина, сказавшаго это слово:

— «Пятый» . . .

— И когда на грубые окрики другихъ хозяевъ Пятый ничего не могъ отвѣтить, Акиндинъ поднялся съ мѣста и подошелъ къ Пятому близко, такъ близко, что у Пятаго потекли слюни отъ сладкаго, теплага запаха хозяина и господина.

— «Это онъ!» — подумалъ, вѣроятно, Пятый и просительно взлаялъ.

— И хозяинъ понялъ этотъ лай такъ, какъ не понялъ бы никто другой, кто не зналъ собачьяго закона.

— У Пятаго, я думаю, совсѣмъ пожелтѣло въ глазахъ, когда хозяинъ сразу нагнулся къ Пятому, потрепалъ по шеѣ и сказалъ:

— И впрямь товарищъ къ намъ явился!.. Глядите-ка, братаники, собака хвораая прилѣзла... Эка, кто-то ноги ей изувѣчилъ. А собака-то, видать, смышленная, охотная... У меня дома этакая же была...

— И ласково потрогавъ ноги, еще сказалъ:

— Ну, Пятый, дакъ Пятый!.. Такъ и будемъ звать тебя. Лѣзь ближе, потеплѣе будетъ. Блохъ-то поди, у те нѣту... Старый ужъ, не вкусный...

— Но я увѣренъ, что тутъ же вмѣстѣ съ пріятнымъ запахомъ добраго хозяина Пятому почуялся звѣриный запахъ отъ хозяина не добраго, лежавшаго поодаль. Потому что Пятый ощеринилъ волчью гриву и, ощеривъ зубы, сдержанно зарычалъ, но тутъ же захлебнулся, сконфуженный присутвіемъ добраго.

— А недобрый повернулся на бокъ и буркнулъ на собаку:

— Вотъ я те, сволочь, какъ пристукну!.. — и придвинулъ къ себѣ то гремучее и чудодѣйственное, отъ чего не могутъ уйти даже птицы...

— Лежавшіе межъ добрымъ и злымъ хозяевами два другихъ хозяина, въ томъ числѣ и я, курили, и Пятому было безразлично наше присутвіе.

— Онъ сразу сильно былъ захваченъ двумя противоположными чувствами: острой радостью, струящейся отъ добраго, и злобнымъ безпокойствомъ отъ раздражающаго запаха, идущаго отъ недобраго. Впрочемъ, послѣ онъ разнюхалъ и во мнѣ собачьяго хозяина. Очевидно, многолѣтніе вѣтры не сдули съ меня псинаго запаха многихъ моихъ бывшихъ сотоварищей по охотамъ...

— Въ Кіевѣ многіе тогда ютились по оврагамъ и трущобамъ. Мало-ли почему люди предпочитали жить звѣриной жиз-

ню, только бы избавиться отъ той, къ которой ихъ хотять принудить грубой силой...

— Были тутъ разбойники и офицеры, воры и дезертиры, шпіоны и просто нищіе. Акидинъ-же оказался просто робкимъ человѣкомъ, напуганнымъ своими же людьми, зарядившими одно:

— «Геть москаливъ!»

— Москалей тогда погнали отовсюду и москалямъ закрыли всѣ пути на родину. Вотъ и застряли на Днѣпрѣ десятки тысячъ москалей, беспорядочно бѣжавшихъ съ дымившихся еще полей войны и очутившихся безъ хлѣба, безъ работы и безъ документовъ... И Акидинъ — степенный земледѣлецъ съ привольной какой-то сибирской долины, искалѣченный солдатъ, отецъ семейства и хозяинъ хорошаго достатка, охотникъ и упрямый звѣробой — вдругъ превратился въ оборванца... Какъ вы сказали, княгиня?... Почему я сталъ такимъ демократомъ?... Да потому же, почему вы стали пролетаркой!... Напротивъ, я въ Акидинѣ именно почувствовалъ скорѣе богача, чѣмъ бѣдняка. Потому что, пріютившись въ рывтинахъ вокругъ Печерска, гдѣ прятались одни бездомные собаки да преступники, онъ не могъ съ этимъ мириться. Онъ все видѣлъ, испыталъ на фронтѣ, тамъ, гдѣ это было нужно. Можетъ быть, онъ и здѣсь въ оврагахъ бы терпѣлъ, потому что многіе терпѣли. Но вы понимаете — вдругъ возлѣ него появилась собака и, должно быть, принесла съ собой какой-то бодрый духъ, напоминала ему о прошлыхъ охотничьихъ скитаньяхъ по тайгѣ, о всѣхъ лишеньяхъ и опасностяхъ, изъ которыхъ не разъ вызволяли его вѣрныя собаки... Мало-ли почему, но Акидинъ преобразился — вотъ въ чемъ дѣло!

— Однажды я смотрю, онъ гладитъ пса и говоритъ ему:

—Погоди ужо, — дастъ Богъ, вызволимся изъ бѣды!..

— Да, если хотите, скажу прямѣе: въ то время, когда нельзя было положиться ни на друга, ни на брата, человѣка вызволяетъ звѣрь. Это очень существенное примѣчаніе, профессор!..

Не знаю отчего, но даже мнѣ около Акидина стало какъ-то легче и уютнѣе, и я все время держался возлѣ него. Онъ у насъ былъ кашеваромъ, и мнѣ было пріятно услужить ему, схо-

дить за водой, принести хворосту, прокрасться въ городъ за продуктами. И даже тѣ двое, наши сожители, стали какъ-то мягче и довѣрчивѣе возлѣ Акиндина. А ужъ я знаю, что они были насквозь пропитаны душегубствомъ...

— Акиндинъ нашъ не любилъ ходить въ городъ, не могъ просить подаянія, не могъ красть... Онъ все время копошился «дома», если можно было такъ назвать наше убѣжище. И всякій разъ, какъ мы вернемся на ночлегъ, — въ нашемъ жилищѣ какія-либо сдѣланы усовершенствованія. Либо крышу смастерить изъ стараго брезента, либо нары выложить изъ глины, либо гдѣ-то набереть старой соломы на подстилку... Удочку смастерилъ. Уху началъ варить намъ къ ужину. Но одинъ изъ нашихъ сожителей, тотъ, котораго терпѣть не могъ нашъ Пятый, однажды, вмѣсто спасибо, набросился на Акиндина:

— Ты тутъ скоро и печку выложишь!.. Хлѣбы печь начнешь, какъ баба. Смотри, — насъ изъ-за твоего хозяйства всѣхъ тутъ выслѣдятъ и переловятъ...

— И Акиндинъ притихъ. Сталъ молчаливѣе, сталъ уходить съ собакой на цѣлыя ночи. Потомъ какъ-то разговорился о томъ, что теперь на сѣверѣ уже отсѣялись, и пчела изо всѣхъ силъ сосеть медунку...

— Вижу я: говорить о пчелахъ, о цвѣтахъ, о разноцвѣтныхъ метлякахъ, а у самого опять глаза моргаютъ. Лицо улыбается, а глаза плачутъ, и голосъ прыгаетъ, срывается... О-о, какъ это, господа, ужасно видѣть плачущаго трезваго мужика!..

— А Пятый, вижу, лежитъ у ногъ, слабо бьетъ хвостомъ по землѣ и чуть-чуть повизгиваетъ. И глаза съ такою человѣческой любовью смотрятъ на хозяина, что... ну, вѣрите-ли?... я не могъ глядѣть на эту сцену... Отвернулся и... у самого къ горлу комокъ нервовъ подкатился.

— И вотъ дня черезъ два, смотрю, мой Акиндинъ, веселый и подобранный, съ котомкой за плечами, съ костылемъ изъ свѣжей ивы, поднялся отъ Днѣпра къ нашему убѣжищу и спрашиваетъ у меня:

— Въ путь-дорогу не пойдешь?

— Куда?..

— Фу-у, матушка Рассея велика!.. Пойдемъ!.. Гдѣ нельзя

будеть итти — къ мужикамъ наймемся, все хоть досыта накормятъ... А гдѣ можно, потихоньку пробираться дальше будемъ...

— Пѣшкомъ?..

— Ну, а больше какъ?.. Пойдемъ! Кто насъ тронетъ? А кто спроситъ: солдаты и солдаты... Я не хочу больше тутъ дуракомъ сидѣть...

— Да тебя первый нѣмецъ схватить! — говорю я ему... — Возьметъ и пристрѣлитъ...

— Значить, не идешь?.. А мы — пошли! — рѣшительно сказалъ онъ и потрепалъ по головѣ повеселѣвшаго, помолодѣвшаго Пятаго.

— Онъ забавно протянулъ мнѣ руку, какъ-то помазалъ по моей ладони и мгновенно оттолкнулъ ее.

— Дай Господь увидѣться! — сказалъ онъ, снялъ шапку и пошелъ по глинистому кособогу вдоль Днѣпра.

— Собака что-то поняла, нюхнула воздухъ, и весело пошла впередъ чуть припадая задомъ.

— Признаться, мнѣ было завидно, что Акидинъ уходитъ, что передъ нимъ открываются широкія, неизмѣримыя весеннія дороги, и что съ нимъ побѣждалъ испытанный и вѣрный пѣсь... Но все таки я не рѣшился, очертя голову, броситься въ опасное путешествіе. Впрочемъ, и въ оврагахъ жить было невыносимо, а явиться къ нѣмцамъ или къ Гетману у меня не хватало мужества... Я былъ безъ документовъ и оборванъ, какъ бродяга, въ Кіевѣ-же ни души знакомой... А надо было такъ или иначе ликвидировать себя... И вотъ безъ Акидина и безъ Пятаго я очутился въ положеніи, которому и по сейчасъ не подберу названія, и изъ котораго я выкарабкался, какъ съ того свѣта...

— Впрочемъ, про себя въ другой разъ — это и не интересно...

IV.

Генераль круто оборвалъ разсказъ и долго молча свертывалъ сигаретку. Потомъ спросилъ у княгини:

— Разрѣшите мнѣ на этотъ разъ здѣсь покурить!.. Мнѣ не хочется обуваться и итти на палубу... А курить ужасно хочется.

Онѣ закурилъ, затынулся, помолчалъ и свѣжимъ, еще болѣе пѣвучимъ голосомъ заговорилъ, снова обращаясь къ Настенькѣ:

— Знаете что?.. Мнѣ вотъ уже скоро пятьдесятъ лѣтъ, я успѣлъ вылинять и оплѣшивѣть. Меня била и мотала жизнь и такъ, и этакъ. Смерть заглядывала мнѣ въ глаза десятки разъ— это мнѣ извѣстныхъ... А сколько разъ она носилась надо мною невидимкой, — этого и счесть нельзя. Я много въ жизни видѣлъ горькаго и сладкаго, много дѣлалъ пакостей, въ особенности въ молодые годы въ нашихъ русскихъ захолустныхъ городкахъ, гдѣ мы, военные люди, были цари и боги... Я много читалъ, занимался литературой, писалъ и печаталъ стихи, лично произносилъ торжественныя рѣчи, у меня, какъ видите, языкъ привѣшенъ ладно... Словомъ, — все-таки я не такой ужъ круглый болванъ и вовсе не невѣжда, и все-таки я до этого случая, о которомъ я сейчасъ закончу въ двухъ словахъ, я — скажу прямо—не понималъ, въ чемъ настоящая привязанность къ жизни... и что значить духъ жизни, душа ея!.. Какъ?... А-а, будь они прокляты всѣ наши цивилизаціи съ ихъ дредноутами и Нью-Йорками, съ ихъ радіо и всемірной пляскою святого Вита—кинематогарфомъ!... Въ дни нашей глубокой скорби и нашего позора и изгнанія я особенно все это сильно чувствую и теперь, какъ никогда, все глубже и глубже задумываюсь надъ тѣмъ, что истинная красота жизни, ея смыслъ и оправданіе именно въ религіозномъ боготвореніи земли, въ томъ самомъ, что тогда такъ властно позвало Акиндина черезъ тысячи верстъ домой къ насиженному и благословенному молитвой и трудомъ родному гнѣзду...

Генеральъ вдругъ спустилъ голову съ верхней полки и посмотрѣлъ внизъ на закряхтѣвшаго князя:

— Вы, профессоръ, видимо, со мною несогласны?

— Нѣтъ, нѣтъ. Я слушаю! — со стономъ отозвался снизу длинный, тонкій, блѣднолицый челоуѣкъ. — Я нѣсколько иначе думаю о привязанностяхъ къ жизни. По-моему, онѣ разнообразны до безконечности... Мнѣ, напримѣръ, внѣ науки жизнь была-бы пустыней. Какому-либо композитору — безъ музыки... А литератору безъ книгъ, а воину безъ пороха или лука... Словомъ, безъ всей этой вами презираемой цивилизаціи. Ну, а

Акиндину вашему, конечно, безъ земли... — Профессоръ передохнулъ, какъ будто ему не хватало воздуха докончить свою рѣчь. — Но я съ нетерпѣніемъ жду финала вашего разсказа...

— А финаль разсказа моего весь въ томъ, что ровно годъ спустя, когда я съ небольшимъ повстанческимъ отрядомъ пробивался на юго-востокъ отъ Курска и задержался на недѣлю въ одной изъ деревень, мнѣ кто-то изъ младшихъ офицеровъ гредложилъ:

— Не хочу-ли я пойти и посмотрѣть на одну весьма, по мнѣнію офицеровъ, забавную сцену?..

— Они мнѣ не сказали, въ чемъ дѣло, а просто повели черезъ грязный переулочекъ за околицу, гдѣ поодаль отъ проселочной дороги, возлѣ огороднаго плетня стояло нѣсколько хохлушекъ и мальчишекъ. Всѣ они, какъ на молитвѣ, молча стояли темными силуэтами на угасающей зарѣ и смотрѣли черезъ плетень въ поле, укутанное въ сумерки.

— Я не понималъ, въ чемъ дѣло, и смотрѣлъ. И вотъ одна изъ бабъ, сморщивъ искаженное внезапной горечью лицо, подшибла одной рукой голову и проскрипѣла:

— Во, сычасъ опять завоетъ...

— И дѣйствительно, въ примолкшихъ робкихъ сумеркахъ раздался подавленный, протяжный и тяжелый вой собаки.

— Потомъ я рассмотрѣлъ и силуэтъ собаки. Она сидѣла на небольшомъ холмикѣ изъ свѣжей земли и будто жаловалась небу на неизбывное свое отчаяніе.

— А старуха между тѣмъ выдавливала изъ себя:

— Вѣдь вотъ тварь, а какъ убивается по хозяину... Може, гдѣ и мой Микитка такъ-то вотъ сложилъ головушку!..

— И почти въ тонъ собакѣ раздался и бабій придушенный, надсадный плачь.

— Кто-то изъ мальчишекъ швырнулъ въ собаку камень и закричалъ:

— Зусь, ты, окаянная!

— Но бабы заступились:

— Чего-жь ты ее трогаешь?.. Ишь, человѣка некому оплакать, — хоть собака пожалкуетъ...

— И тутъ же бабы разсказали:

— «Пробивался человекъ куда-сь до дому, жиль тутъ у мужаика, никого не трогалъ»... А вотъ дней восемь тому здѣсь нашли его убитымъ, какъ разъ въ тотъ день, какъ я пришелъ сюда со своимъ отрядомъ.

— «И вотъ — заговорили бабы — уже семь дней собака его ходитъ на могилу... Какъ солнышко закатится — прійдетъ и воетъ, и воетъ... Ажъ сердце надрывается!..»

— Пристрѣлить ее? — спросилъ у меня одинъ изъ моихъ офицеровъ.

— А у меня вдругъ сердце такъ и сжалось. Я спросилъ бабъ:

— А не знаете вы, какъ звали человекъ?

— А хто его знаетъ... Кажись, Ананиемъ, не то Агафономъ. Я подошелъ къ собакѣ и позвалъ:

— Пятый!

— И вдругъ собака прекратила вой, печально опустила голову и слабо раза два ударила хвостомъ о землю...

— Я наклонился къ ней... И вѣрите-ли: никогда въ жизни такъ не плакалъ я, какъ въ эту ночь, съ этой собакой на этой одинокой, безъ креста могилѣ!...

Генераль сдѣлалъ большую паузу, справляясь съ нервами.

— Бабы и офицеры мои ушли молча. Они поняли, что подъ землей лежитъ мой братъ или сынъ. А я всю ночь бродилъ вокругъ, манилъ съ собой собаку, но она не шла съ могилы и только виновато припадала къ холмику, вяло помахивала хвостомъ и чуть слышно посвистывала...

— Мы простояли въ этой деревнѣ еще дня три, но я не могъ отважиться пойти на могилу Акиндина. Боялся, что опять расхнычусь...

— И уже потомъ въ походѣ, послѣ одной ужасно неудачной схватки съ какимъ-то неизвѣстнымъ мнѣ противникомъ, одинъ изъ моихъ солдатъ впопыхахъ мнѣ доложилъ:

— Господинъ полковникъ! А собака-то та издохла...

— Мнѣ было не по себѣ послѣ неудачи, и я забылъ, о чемъ онъ говорилъ.

— Да вотъ, которая на солдатской могилѣ выла... Я хотѣлъ, признаться, взять ее съ собой... Пришелъ было передъ походомъ, а она лежитъ тамъ, еще теплая...

— И солдатъ этотъ напомнилъ мнѣ того самаго Акиндина, какимъ я въ первый разъ увидѣлъ его на Днѣпрѣ подь Кіевомъ...

Разказчикъ помолчалъ немного и закончилъ:

— Теперь я очень хотѣлъ бы умереть такой собачьей смертью...

И генераль замолкъ, усиленно моргая бѣлыми, чуть влажными рѣсницами. Онъ свертывалъ новую сигаретку и руки его тряслись и разсыпали табакъ...

Настенька застывшимъ взглядомъ смотрѣла черезъ иллюминаторъ такъ далеко, что не видѣла пасущихся на зеленомъ лугу осликовъ, и казалась изваяніемъ глубокаго и грустнаго недоумѣнія.

Княгиня держала въ рукахъ законченную куклу и смотрѣла на нее, какъ на врага.

А профессоръ робко кашлянулъ и, не нарушивъ общаго молчанія ни единымъ словомъ, закрылъ глаза.

1921 г.

Георгій Гребенщиковъ.

С. Маковскій.

ГОДЪ ВЪ УСАДЬБѢ.

Сонетъ.

Я не жила тамъ. Жила моя мечта
Съ тобой, съ тобой, невѣстой свѣтлою,
Надъ озеромъ, гдѣ шепчется съ осокой
Шершавый листъ ольховаго куста.

Потомъ всю жизнь — моей, тогда далекой,
Ты отдала, покорна и чиста,
И мнѣ внушала пѣснь, и красота
Изъ устъ твоихъ была вдвойнѣ глубокой.

Ты рассказать умѣла, какъ никто.
Я рифмовала, записывая смѣло.
Въ моемъ стихѣ воспоминанье пѣло,
Съ невольнымъ вымысломъ перевито.
И Муза съ жалостью на насъ глядѣла,
Когда подчасъ ей слышалось не то.

Январь.

Бѣло, бѣло. Все снѣгомъ занесло.
Блестятъ алмазами поля — пустыни.
Бѣло, бѣло, а куполь ярко синій.
Гляжу на садъ сквозь потное стекло:

Не узнаю. Тамъ чудо расцвѣло,
Тамъ сплелъ шатры узорно-легкій иней...
Бѣгутъ часы. Дрова трещать въ каминѣ.
И въ комнатахъ свѣтло, тепло, жило.

Мальчишки на дворѣ изъ снѣга турка
Слѣпили. Шумъ и рѣзвый смѣхъ до слезъ.
«Эй, вы! Не холодно?» Что за вопросъ!
А въ сказочномъ бору сигаетъ юрко
Косой бѣлякъ, и бродитъ Дѣдъ Морозъ,
И о веснѣ задумалась Снѣгурка.

Февраль.

Взметаешь, вихрить, мчить, взъерошиваетъ снѣгъ,
Разбушевалась — ухъ! крутить ночная вьюга,
Нахмуренной зимы февральская подруга.
И чудится, метель не прекратится ввѣкъ.

Въ угрюмыхъ пустыряхъ, надъ гладью бѣлыхъ рѣкъ
Снуетъ и воетъ волкъ и, торопя другъ друга,
Не зная выхода изъ заклятаго круга,
Храпитъ усталый конь и стонетъ человѣкъ.

Какъ души грѣшныя надъ братскою могилой,
Въ пушистыхъ саванахъ возникнутъ ели вдругъ...
Скорѣй бы огонекъ! Да нѣтъ — все уже кругъ.
Бушуетъ вѣтеръ злѣй и хлещетъ буйной силой.
Самъ чортъ замѣшанъ тутъ. Чу! Заглушенный стукъ.
Остановился конь. О, Господи, помилуй!

Мартъ.

На мартовскомъ снѣгу еще хрустящій настъ,
А съ крышъ веселыя забрызгали капли,
И шапки бѣлыя въ саду стряхнули ели.
Воркуетъ голубь, смѣль, нахохлень и грудасть.

Весна. Пасхальный звонъ въ ея волшебномъ хмѣлѣ!
Ужели? Но мечтать кто въ Мартѣ не гораздъ?
И воздухъ млѣющій такимъ тепломъ обдасть,
Что слышатся, поютъ весеннія свирѣли.

Загрезилъ дальній лѣсъ въ лѣнивомъ забытѣ
И тронулись пушкомъ чуть розовымъ вершины.
Какъ смоль, упавшія чернѣютъ хворостины.
«Чиви, чиви, чиви» — стрекочутъ воробьи.
На гору съ озера изъ синей полыни
Везутъ прозрачныя и голубыя льдины.

Апрѣль.

Набухли почки вербъ, и перелѣски
Въ проталинахъ давнымъ-давно цвѣтуть.
Озябшихъ травъ подснѣжный изумрудъ
Цѣлуютъ ручейковъ журчащихъ всплески.

Теплѣтъ солнце. Гуще занавѣски
Сквозныхъ дубравъ. И лютикъ тутъ какъ тутъ.
И надъ черемухой пчелиный гуль,
И вьется жаворонокъ въ горнемъ блескѣ.

День цѣлый — птичій гамъ. Ужъ возлѣ гнѣздъ
Щеглы, чижи, малиновки запѣли.
Щебечутъ ласточки, скворецъ и дроздъ
Трещать. А вотъ при свѣтѣ раннихъ звѣздъ,
Еще несмѣля, гремятъ въ Апрѣлѣ
И соловья залиvistыя трели.

Май.

Я былъ на кладбищѣ. И тамъ весна.
Ирисъ, жасминъ, сирени бѣлой дымы.
И ландышемъ — цвѣтокъ ея любимый —
Могила вешняя окружена.

Стрекозы легкія носились мимо,
И золотомъ звенѣла тишина.
Здѣсь, подъ крестомъ чугуннымъ, спитъ она...
И сонъ ея глубокъ непостижимый.

Я помню все. Но ты, забыла-ль ты,
Меня любившая веселымъ Маемъ?
Любить... Зачѣмъ, когда нездѣшнимъ раемъ
Развѣются весеннія мечты?
И шопотомъ отвѣтили цвѣты:
Мы любимъ оттого, что умираемъ.

Іюнь.

Слѣпительно пригожь іюньскій день.
Цвѣтуть луга. Медвяно пахнутъ травы.
Кленовыя чуть шелестятъ дубравы.
Чуть зыблется березовая тѣнь.

О, благодать! О, вѣковая лѣнь!
Овсы, да рожь, да василекъ лукавый.
Вдали, вдали соборъ золотоглавый
И бѣлые дымки отъ деревень.

Не думать, не желать. Лежать бы сонно,
Внимая шелесты родныхъ дубравъ,
Среди густыхъ, среди медвяныхъ травъ,
И синевѣ и вышинѣ бездонной
Довѣрчиво себя всего отдавъ, —
Уйти, не быть. Безсмертно. Упоенно!

Іюль.

Туманно озеро. И тянуть утки
Над зарослью болотъ береговой.
Я въ паркъ вернулся тропкой луговой.
Въ немъ поздній сѣнокосъ, вторыя сутки.

Идутъ косцы вразбродъ. Веселье, шутки.
И бѣдные ложатся подъ косой,
Обрызганы холодною росой,
И колокольчики и незабудки,

Ромашки, волчій зубъ, дрема и сонъ,
Фіалки бѣлыя и синій ленъ.
Мнѣ жаль цвѣтовъ, загубленныхъ такъ рано.
Собравъ большой пучекъ, въ цвѣты влюбленъ,
Спѣшу домой отъ вражескаго стана.
А небеса горять, горять багряно.

Августъ.

Спадаетъ зной, хотъ и слѣпять лучи.
Дожали рожь, и обнажились нивы.
Шумъ молотъбы въ деревнѣ хлопотливый.
На пажити слетаются грачи.

Люблю тебя, мой Августъ, не взыщи! —
Твоихъ плодовъ душистые наливы,
Въ лѣсу березъ и тополей завивы,
И розсыпи падучихъ звѣздъ въ ночи.

Люблю тебя, радушный, тароватый,
Съ охотами, съ ауканьемъ, съ груздемъ.
Люблю зайти далеко, въ боръ косматый,
Грозой любуясь, мокнуть подъ дождемъ,
Всѣ мысли погрузить въ твои закаты,
И вспоминать невѣдомо о чемъ.

Сентябрь.

Ужъ первой ржавчины предательскія пятна
Смѣнились золотомъ и пурпуромъ въ листьѣ.
Большія облака плывутъ по синевѣ
И тѣни ихъ скользятъ, мѣняясь непонятно.

Повѣялъ холодокъ, и утромъ ледъ во рвѣ.
Озимья поля чернѣютъ благодатно.
Вдоль придорожныхъ межъ растутъ безароматно
Послѣдніе цвѣты въ нескошенной травѣ.

Гвоздика липкая пестритъ еще долины
И верескъ розовый все медлитъ отцвѣсти.
Въ прозрачномъ воздухѣ тончайшей паутины
Повисли трепетно чуть видные пути.
Съ небесъ прощальный крикъ несется журавлиный.
О, лѣто милое, осеннее, прости!

Октябрь.

Осиротѣлъ бассейнъ. Давно-ли дружно
Въ него семья смотрѣлась этихъ липъ,
Въ немъ блескъ игралъ золотоперыхъ рыбъ
И лепеталъ фонтанъ струей жемчужной!

Теперь онъ пустъ. Теперь его не нужно.
Въ аллеяхъ сирыхъ только вѣтра всхлипъ,
Совиный крикъ, да старыхъ кленовъ скрипъ,
Да ты, печаль моя по дали южной.

Умолкла жизнь. Далече племена
Болтливыхъ птицъ. Кроты заснули въ норахъ,
Лишь воронье: кра-кра! И тишина.
Куда ни глянь — поблекшихъ листьевъ ворохъ.
Безлюдье, грусть. Сухой, предзимній шорохъ,
И первыхъ заморозковъ сѣдина.

Ноябрь.

Пошелъ снѣжокъ. Запорошило путь.
Въ саняхъ — бѣда, а не берутъ колеса.
Того гляди, раскатишься съ откоса.
Но милостивъ Господь. Ужъ какъ-нибудь!

Въ усадьбѣ отъ хлопотъ всѣ смотрятъ косо.
Хозяйство. Людямъ не передохнуть.
Капусту рубятъ, мерзлую чуть-чуть,
Валяютъ шерсть, просѣиваютъ просо.

Мелькаютъ дни въ заботахъ тамъ да сямъ,
А сумерки спѣшатъ туманно-сизы.
Взойдетъ луна. Въ серебряныя ризы
Одѣнетъ садъ и тронетъ по стѣнамъ,
Въ окно взглянувъ, узоръ старинныхъ рамъ,
Рояль въ углу, паркеты и карнизы.

Декабрь.

Сегодня Рождество. Сегодня елка.
Сегодня въ дѣтской съ самаго утра
Такой Содомъ и бѣготня, игра,
Что сбилась набокъ нянина наколка.

А подѣ-вечеръ столпилась дѣтвора
И сказки слушаетъ про сѣра-волка.
Но передъ сномъ не жди отъ сказокъ толка,
И я гоню ребятъ: «Брысь! Спать пора»!

Не тутъ то было. «Сказку» — молятъ слезно,
«Еще одну, пожалуйста, одну»!
«Нѣтъ, дѣти, спать!» — я повторяю грозно.
И въ теплую, живую тишину
Все погрузилось... Входитъ няня: «Ну?
Что дѣти?» «Спать». И бьютъ часы. Какъ поздно!

* *
*

Все призрачно въ дали минувшихъ дней,
Но, Боже мой! какъ вдохновенно явно.
Сонъ, былъ. Давно-давно и такъ недавно.
Тѣмъ слаще вспоминать и тѣмъ больнѣй.

О, какъ жива моя тоска по ней,
Еще вчера и близкой и державной,
И вотъ — чужой, преступной и безправной,
Безславно тонущей въ крови своей.

Россія! Русь! Тебѣ ли роковая
За смертный грѣхъ могила суждена?
Или стоишь у вратъ святыхъ, не зная?
Тяжка предъ Господомъ твоя вина.
Многострадальная, полуживая,
Но все желанная, навѣкъ — одна.

Сергѣй Маковскій.

А. Ремизовъ.

ЧЕРНАЯ БАБУШКА.

I.

Оля — шалунья изъ первыхъ, кажется, смирно минуты не посидить, такъ и распустить свои крылышки — начнетъ кричать да кружиться по залу, никакими силами не остановишь, всю гимназію на ноги подыметъ.

Ну, и сердитая тоже.

— Когда осержусь, я стану, какъ платье! — не разъ сама говаривала Оля еще до гимназіи и при этомъ показывала на свое любимое красное съ черными мушками фланелевое платье, — вотъ я какая!

* * *

Самый любимый учитель Яковъ Степановичъ Теофилактовъ, физикъ, преподававшій въ четвертомъ классѣ географію, — такой былъ обычай въ Покидошенской женской гимназіи: учителей физики заставляли преподавать географію.

И Яковъ Степановичъ преподавалъ географію.

Въ четвертомъ классѣ проходила Россія.

Отдавая предпочтеніе городамъ лишь губернскимъ, Яковъ Степановичъ справлялся со всей прочей географіей безъ зачѣй — по просту: онъ рассказывалъ случаи, происходившіе съ нимъ, когда пѣшкомъ ходилъ онъ по Россіи съ своимъ пріателемъ — причѣмъ пріятель былъ знающій, а онъ незнающій.

Всякій разъ, что бы ни объяснялось, всегда появлялся этотъ пріятель знающій.

Путешествуя какъ-то по непроходимымъ болотамъ, Яковъ Степановичъ завязъ по колѣно въ трясину да такъ, что и выбраться не было никакой возможности, а пріятель знающій, какъ на грѣхъ, запропастился куда-то; а другой разъ отъ пустаковой полспички, разведя на опушкѣ костеръ, сожгли старый дремучій лѣсъ, самъ же Яковъ Степановичъ спасся подъ какимъ-то заячьимъ кустикомъ и то только благодаря случаю.

И все въ такомъ родѣ — живо, наглядно, занимательно.

Разказы ли о пріятелѣ или кто донесъ на Якова Степановича, будто ударившись въ воспоминанія, Яковъ Степановичъ чуть ли не въ четвертомъ классѣ сказалъ на урокѣ — что чловѣкъ отъ обезьяны произошелъ — только съ нѣкоторыхъ поръ на географіи стала появляться начальница и директоръ.

При такомъ нашествіи Яковъ Степановичъ, нисколько не смущаясь, вызывалъ самыхъ плохихъ ученицъ, да тѣмъ и кончался урокъ, и никакихъ ужъ разказовъ не рассказывалось, а задавалось повторить на слѣдующій разъ старое. Такъ имъ съ чѣмъ и уходило начальство.

Самой любимой вещицей былъ для Оли ея маленькій глобусъ, хранимый вмѣстѣ съ коробочками, къ которымъ Оля чувствовала какую-то особенную трогательную нѣжность, но Оля не любила географію и, когда ее вызывали, болтала изъ головы, что Богъ на душу положить, но бойко и смѣло.

— Вотъ-вотъ, имѣйте это въ виду! — одобрялъ Яковъ Степановичъ.

И не только за такое любили Якова Степановича.

— Другой, на примѣръ, учитель, скажи-ка попробуй, что урока не приготовила, сейчасъ тебѣ единицу или вонъ изъ класса, а Яковъ Степановичъ никогда, только признайся по истинной по правдѣ, откровенно.

И правда, вотъ хотя бы такое объясненіе частое на урокахъ географіи.

Гимназистка не выучила урокъ.

— Почему не выучили?

— Ъздила кататься.

— Куда же вы ѣздили?

— За Кіевскій мостъ.

— Ну какъ теперь дорога? я, знаете, давно не катался!

— Яковъ Степановичъ сладко потягивается: до катанья онъ большой охотникъ, — съ кѣмъ же вы ѣздили?

— Съ однимъ знакомымъ.

— Ну, вотъ это я люблю: ѣздили кататься, — что за бѣда! кататься, такъ кататься, а то голова болѣла, зубы болѣли — эти отговорки.

А вѣдь за катанье, да еще съ какимъ-то знакомымъ, въ Покидошенской гимназіи, гдѣ классныя дамы слѣдили на улицахъ, узнай только начальница, — три за поведеніе непременно, а то и выгонять.

А какъ Яковъ Степановичъ зѣвалъ сладко, и слаще зѣвалъ онъ въ самое неподходящее время — на экзаменахъ и при начальствѣ, когда, кажется, и парты и стѣны и столъ съ потолкомъ трепетали.

Высоченный, такъ что гнулся, кудри свѣтло-русые по плечи, носъ раздвоенный на кончикѣ, будто срослось два носа, и одна губа — и ужъ куда ни смотри и какъ ни заглядывай, за этой верхней губой у Якова Степановича ничего не найдешь, словно нѣтъ и не было ничего.

Яковъ Степановичъ влюбился въ учительницу приготовительнаго класса Фаину Александровну Громову.

Ужъ давно это примѣтили, всѣмъ это извѣстно и переизвѣстно. Ждали съ нетерпѣніемъ развязки, сами назначали день свадьбы и ужъ готовились всѣмъ классомъ поздравить, и вдругъ Яковъ Степановичъ объявляетъ:

— Сегодня я у васъ послѣдній разъ или предпослѣдній. Я уѣзжаю.

— Какъ? — подымается классъ.

— Уѣзжаю.

— Оставайтесь! — кричатъ, — не уѣзжайте, Яковъ Степановичъ!

— Нѣтъ, не могу, — Яковъ Степановичъ взлохмачивается и такъ подпираетъ кулаками себѣ скулы, что не только что глазъ, даже носа, раздвоеннаго на кончикѣ, и носа не видно,

лишь торчитъ единственная одна губа да рыжая борода коломъ, — не могу, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нельзя человѣку оставаться, если тебя не понимаютъ, если тебя отвергаютъ.

— Останьтесь, мы васъ понимаемъ! — кричатъ гимназистки; для всякаго ясно: конечно, Яковъ Степановичъ объяснился съ Фаиной Александровной и получилъ отказъ.

— Нѣтъ, не могу, я уѣзжаю, — стоитъ на своемъ Яковъ Степановичъ.

— Не уѣзжайте, останьтесь, не уѣзжайте! — ужъ реветъ классъ и воетъ и не то нарочно, не то взаправду, разобрать невозможно.

— Извините, даже и для васъ не могу, извините.

Да такъ и ушелъ — цѣлый мѣсяцъ ни слуху, ни духу. Только черезъ мѣсяцъ является и такой веселый, глаза синіе такъ и блестятъ.

— Господа, я остаюсь.

И ужъ ни для кого не тайна, всѣ догадались: конечно, Яковъ Степановичъ женится на Фаинѣ Александровнѣ. И много уроковъ проходитъ такъ въ разговорахъ.

Такая была привычка у Якова Степановича: ходить онъ, ходить по классу, а найдется пустая парта, сядетъ.

Когда Яковъ Степановичъ садился передъ Олей, Оля начинаетъ его изводить: тихонько поймавъ на карандашъ волосъ, наматываетъ на карандашъ да и дернетъ.

Бѣдный Яковъ Степановичъ то и знай, что почесывается, а на другой день смотришь: кудри разлопушены — голову мыль, — на блоху, значитъ, погрѣшилъ.

* * *

Самый страшный учитель — Филимонъ Петровичъ Куратовъ, историкъ.

Никакія уловки и увертки ни къ чему не приводятъ.

Одна гимназистка попробовала обморокъ представить, такъ онъ только со стула всталъ.

— Да не представляйтесь вы, идите на мѣсто! — только и всего.

Ну, та и пошла.

А какія единицы ставитъ онъ сочныя да усатыя — такъ во всю клѣтку! — ножемъ не выскоблишь, и за сущіе пустяки.

Одна назвала папу Льва X:

— Папа Лёва X.

— Единица.

Другая сказала, что въ Турецкую войну миръ былъ заключенъ —

— Въ Стефанъ Батори.

— Единица.

Третья, рассказывая, про Юлія Цезаря, не передохнула, гдѣ это слѣдуетъ:

— Среди заговорщиковъ, — рассказывала гимназистка, — Юлій Цезарь, увидѣвъ облагодѣтельствованнаго имъ Брута, воскликнулъ: «И ты, Брутъ, завернулся въ свою тогу и упалъ мертвый къ подножію Помпеевой статуи».

— Единица.

Когда, объяснивъ урокъ, Филимонъ Петровичъ садится и, поправивъ свои сѣдые вихры, весь уходитъ въ журналъ, всѣ холодѣютъ, и такая тишина наступаетъ — не только муху, самую что ни на есть маленькую невидимую мушку слышно, и въ эту страшную минуту Оля надувала щеки и хлопала по нимъ кулаками.

И хоть ты тамъ весь столъ пальцемъ простучи — а Филимонъ Петровичъ въ такихъ случаяхъ всегда по столу пальцемъ стучалъ — все равно не узнаешь, откуда такой звукъ щекный.

* * *

Учится Оля хорошо, понятливая.

Понятливости ей не занимать стать. Еще когда младшую сестру Лену — Лена на три года младше Оли — отнимали отъ груди, Оля, прослышавъ, какъ бабушка совѣтывала матери намазать грудь горчицей съ медомъ, принесла Ленѣ тряпочку, чтобы та грудь вытерла.

— А то горько будетъ.

Толково сдѣлаеть разборъ, толково разскажетъ, — все у Оли въ памяти, никогда не зубрила и дается легко, диктанты безъ ошибки пишетъ и любую задачу рѣшить.

Гроза гимназiи — учительница ариѳметики Катерина Ѳедоровна — довольна Олей.

А Катерина Ѳедоровна, щедро раздававшая не только единицы и двойки, а и свои ею изобрѣтенныя нотабены, не дура была озадачить: заставить, напимѣръ, задачу рѣшить, да чтобы не какъ обыкновенно, а съ конца — ну-ка рѣшай.

Но Оля и съ конца рѣшить: бойко перечислить всѣ вопросы, какіе являются въ рѣшеніи, и не съ перваго вопроса, какъ обыкновенно, а съ самаго послѣдняго до перваго, въ томъ вся и хитрость.

И все-таки при переходѣ изъ второго класса въ третiй Олѣ дали переэкзаменовку по ариѳметикѣ.

Дѣло вотъ какъ было. Приѣхалъ ревизоръ и потребовалъ вызвать самую лучшую ученицу. Вызвали Олю. А Оля ни въ зубъ: наканунѣ ее спрашивали и, само собой, въ книгу она не заглядывала и объясненій не слушала. Поставила Катерина Ѳедоровна единицу. А на экзаменѣ такую задала Олѣ задачу — общей задачи не было — рѣшала Оля, рѣшала, послѣдней тетрадку подала и ничего не рѣшила. Дали повѣрку. На повѣркѣ та же задача — и опять двойка. Такъ и назначили переэкзаменовку. И кому ни разскажетъ Оля свою задачу, никто рѣшить не можетъ. А задача то просто-на-просто была нерѣшаемая, такія есть задачи въ задачникахъ.

— Это у насъ особые счеты! — объясняла Катерина Ѳедоровна учителю, который, присутствуя на переэкзаменовкѣ и видя, какъ Оля все хорошо знаетъ, очень былъ удивленъ, что Оля провалилась на экзаменѣ.

* * *

Оля хочетъ учиться. Еще со второго класса она твердо рѣшила учиться и много.

Заболѣло у Оли горло, а лѣчила ее докторша Кранцъ, — Оля должна была ходить къ ней разъ въ недѣлю, и въ первый

же разъ Олѣ очень понравилась мѣдная именная дощечка:

Женщина врачъ Сарра Соломоновна Кранцъ

Вотъ съ этихъ поръ она и стала мечтать сдѣлаться докторомъ.

А для этого, — какъ она узнала, — надо много учиться.

И твердо рѣшила учиться и много.

Только Оля какая-то несуразная, никакъ не можетъ наладиться: то опрокинетъ чернильницу, то воду прольетъ, или оступится или ударится и всегда на такомъ мѣстѣ, гдѣ другой цѣлехонекъ пройдетъ, глядь — и гетовъ синякъ, а то руку обожжетъ или носомъ стукнется до крови. Ровно бы и земля ее не держитъ, — такъ всякій день и жди бѣды.

Когда Оля была совсѣмъ маленькой, чуть было калѣкой на всю жизнь не осталась.

Подали однажды самоваръ, поставили на табуретку и, какъ нарочно, въ столовой никого не случилось, только одна Оля. И вотъ подошла она къ самовару да какъ-то не то толкнула, не то зацѣпилась, самоваръ-то и скovyрнулся да прямо на нее: всѣ ей ноги ошпарило.

И какъ стали чулочки снимать, такъ съ кожей вмѣстѣ и сняли.

Долго ли до грѣха, какъ еще ноги-то уцѣлѣли.

Но это еще сполгоря, могло произойти и похуже.

Оля постоянно терялась.

Пойдетъ, бывало, гулять съ кѣмъ изъ большихъ и непременно или отстанетъ или впередъ уйдетъ, конечно, затеряется. И куда идетъ, сама не знаетъ, такъ на волю Божью, словно вѣтромъ несетъ ее. Схватятся, ищутъ, ищутъ да гдѣ-нибудь въ концѣ-концовъ и совсѣмъ въ непоказанномъ мѣстѣ — либо въ оврагѣ, либо на чужомъ дворѣ, либо далеко на полѣ — и найдутъ ее.

Разъ очутилась она на краю села возлѣ еврейской хаты, дороги-то не знаетъ, сѣла на землю и плачетъ. Изъ хаты вышли евреи, стали къ себѣ звать въ хату, — не идетъ, еще пуще плачетъ:

— Очень ужъ обидѣлась, зачѣмъ евреи называли ее Любой, — была убѣждена, что имя ея всѣ знаютъ.

Насилу тогда отыскалась: привелъ домоу старый еврей.

А иногда умудрялась Оля затеряться даже у себя дома: зайдетъ, бывало, въ дальнюю комнату — Ильменевскій домоу старинный, огромный, девятнадцать комнатъ — а назадъ-то выйти и не можетъ: двери тяжеля — ручонокъ ея не слушаются, затвориться затворятся, а отвориться — нѣтъ, тяжелы очень, ну и заберется куда подъ диванъ или подъ кровать и лежитъ тамъ, плачетъ, пока не найдутъ.

— Если затеряешься на улицѣ, — сказала какъ-то Александръ Павловичъ, отецъ Оли, — только скажи какому-нибудь человѣку, и тебя приведутъ ко мнѣ, фамилія твоя Ильменева.

Съ тѣхъ поръ Оля знаетъ свою фамилію, и съ тѣхъ поръ ей не страшно, что заблудится.

«Затеряюсь, скажу фамилію, меня и приведутъ къ папѣ — папу всѣ знаютъ», — такъ разсуждала Оля и, когда терялась, ужъ больше не плакала, держа на языкѣ встрѣчному свою фамилію.

Правда, теперь въ городѣ какъ будто пообвыкла, а то просто хотъ за руку держи и ни на шагъ не отпускай.

* * *

Оля большая чудачка.

— Мама, я хорошо помню, какъ была твоя свадьба, — не разъ говорила Оля.

А когда Наталья Ивановна — мать Оли, ей объясняла, что Оля этого никакъ не можетъ помнить, ее тогда на свѣтъ не было, а родилась она черезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ свадьбы, Оля начинала спорить: она приводила всякія мелочи изъ обстановки той комнаты, гдѣ она лежала спеленутая на кровати въ день свадьбы.

И въ самомъ дѣлѣ, однажды Оля лежала на кровати точь-въ-точь въ такой комнатѣ — тутъ она ничего не выдумывала — и это когда ей шесть недѣль было, и возила ее Наталья Ивановна съ собой на свадьбу въ сосѣднее имѣніе за пять верстъ отъ Ватагина.

Оля увѣряла, что родилась на сѣдлѣ и что Наталья Ивановна не настоящая ей мать, а настоящая мать ищетъ ее, и когда Олѣ будетъ шестнадцать лѣтъ, Оля найдетъ ее и еще найдетъ подругу себѣ — сестру, которую непременно будутъ звать тоже Олей.

— Я родилась на сѣдлѣ въ полѣ, и моя настоящая мама ищетъ меня, — повторяла Оля.

Какъ то случилось, ѣхала Наталья Ивановна съ Олей и Леной по желѣзной дорогѣ. Во время остановки Оля и Лена вызвались итти на станцію за водой. Наталья Ивановна позволила, но потомъ остановила Лену: Лена можетъ упасть, и пускай сходить одна Оля.

Олю это страшно огорчило.

— Конечно, я же знаю, не моя настоящая мама, настоящая мама и меня не отпустила бы, я тоже могу упасть.

Такъ безъ воды и остались, одна не захотѣла итти.

Оля очень хотѣла, чтобы была ей Наталья Ивановна именно той настоящей матерью, которую найдетъ она, когда ей будетъ шестнадцать лѣтъ. Вотъ почему дома въ Ватагинѣ Оля любила немножко хворать. Наталья Ивановна становилась тогда такая добрая къ ней и больше всѣхъ любила ее.

— Какъ настоящая мама.

Если же Оля здорова, Наталья Ивановна ее меньше любить, — такъ кажется Олѣ, — а больше всѣхъ любить Ирину — Ирина старше Оли на шесть лѣтъ — и за то, что она самая старшая, и за то, что она самая послушная, и всегда въ примѣръ Олѣ ставить.

Оля чудачка, да и потѣшная, что и говорить.

Ну, какую она штуку выкинула совсѣмъ еще крохотной.

Повадилась на полѣ садиться: усядется и сидитъ себѣ тихонько. Пробовали спрашивать, зачѣмъ такъ сиднемъ сидитъ? — въ отвѣтъ ни слова, только лукаво посматриваетъ, а на руки взять, — не идетъ, крикъ подымается.

А все дѣло, какъ оказалось, вотъ въ чемъ: замѣтила Оля, какъ на сонъ грядущій нянька Фатевна, раздѣвшись, засвѣтитъ огарокъ да, засунувъ голову подъ воротъ рубашки, съ

огаркомъ блохъ ловить, и пришла Олѣ охота тоже на сонъ грядущій блохъ половить, а блохъ то и нѣтъ.

«Если сяду я на полъ, — разсуждала Оля, — да буду сидѣть тихо, придутъ ко мнѣ блохи, и будетъ у меня блохъ много, чтобы ловить».

Первое время въ гимназіи Оля всякій день учила всѣ уроки, всѣ какіе задавались и по всѣмъ предметамъ, хотя бы эти предметы и не числились въ росписаніи, и носила въ портфель всѣ учебники и всѣ тетради. Въ портфель всѣ книги и всѣ тетради заразъ не помѣщались, Оля уминала ихъ кулаками, и скоро сдѣлались онѣ мятыя и порванные. На Олю стали нападать за неаккуратность, а учительница русскаго языка, хотя Оля и была у ней любимая, вывела ей въ четверть вмѣсто пяти четыре.

За мятыя тетрадки.

Но что тутъ подѣлаешь, видно, такъ ужъ полагается, — такая гимназія.

И недаромъ, наслушавшись разсказовъ своей старшей сестры Ирины, пріѣзжавшей въ Ватагино изъ института на каникулы, Оля, еще мечтая о гимназіи, представляла ее себѣ какъ разъ такой строгой и взыскательной, подѣ стать учительницѣ русскаго языка, и не безъ гордости толковала нянькѣ Фатевнѣ:

— Знаешь, няня, поступлю я въ гимназію, а въ гимназіито какъ! зададутъ выучить наизусть вотъ такую толстенную книгу, на другой день заставятъ отвѣчать: «а» пропустишь, — двойка.

Какъ-то послѣ исповѣди, чтобы скоротать время — ни ѣсть, ни пить не полагалось — гимназистокъ повели гулять. Оля попросилась зайти въ фруктовую лавку. Былъ у ней всего на-всего одинъ рубль, — этотъ рубль предназначался положить батюшкѣ на теплоту. Въ лавкѣ забрала она яблокъ, и оказалось, что они какъ разъ рубль и стоятъ, и она заплатила и осталась съ пустымъ карманомъ. Хорошо еще классная дама во-время поправила дѣло: яблоки были возвращены въ лавку, а рубль обратно.

Въ первый разъ, когда Оля оставалась на Пасху въ городѣ, первой стоя въ парѣ въ гимназической церкви, первая по-

дошла послѣ заутрени къ батюшкѣ — законоучителю Аристотелеву ко кресту и все тянулась, чтобы похристосоваться, но батюшка Аристотелевъ, считая неприличнымъ христосоваться съ гимназистками хотя бы и младшаго класса, уклонился отъ поцѣлуя, подставляя для поцѣлуя вмѣсто себя крестъ. Разъ десять Оля поцѣловала крестъ.

Во второмъ классѣ Оля состригла себѣ брови и за поведеніе ей выставили четверку.

Ну, развѣ не чудачка!

II.

Въ гимназію Оля поступила девяти лѣтъ въ первый классъ. Ее хотѣли отдать въ институтъ, но она подняла такой крикъ, что волей-неволей, а пришлось уступить, какъ пришлось однажды уступить, когда на пятомъ году задумала Оля исповѣдываться. Весь сыр-боръ загорѣлся только оттого, что брата ея Мишу — Миша старше Оли на два года — отвозили въ гимназію, а Оля непремѣнно хотѣла, чтобы вмѣстѣ.

Съ братомъ Оля дружила, цѣлыми днями, бывало, играя въ путешественниковъ, вмѣстѣ строили подъ сливой будки изъ досокъ, вмѣстѣ учились у одного учителя Ивана Ильича. Какъ же тутъ не поднять крику?

Когда Олю увозили въ гимназію, она обѣжала весь домъ, весь садъ и весь дворъ, прощаясь съ каждымъ уголкомъ въ домѣ, въ саду и во дворѣ.

Въ гостиной, въ диванныхъ, въ кабинетѣ, въ портретной прощалась съ портретами: и съ тѣмъ пурпурнымъ орлокимъ, чье прозвище «могучій», и съ тѣмъ смуглымъ — черемнымъ, чье прозвище «грозныя очи», и съ гордой красной панной изъ гетманскаго рода Гедройцевъ, и съ нѣжной, какъ кипень, бѣлой панной изъ воеводскаго рода Гастольда, и со всѣми дамами и кавалерами, — со всѣмъ своимъ родомъ, — старыми и молодыми въ парчѣ, въ соболяхъ съ бунчуками, въ бархатѣ, въ пудрѣ, въ шелкахъ съ такими веселыми и ненаглядными и такими хмурыми и страшными лицами, и съ дѣдушкой въ красномъ мундирѣ.

Въ саду прощалась Оля съ недостроенными будками, и съ сажелкой, и съ прудомъ, и со старыми липами, яблонями, грушами, акаціями, подъ которыми игралъ дѣдушка, когда былъ маленькій, и со всѣми бесѣдками, съ «философской бесѣдкой» въ особенности, гдѣ живетъ эхо и, если покличешь, ну совсѣмъ, какъ ты, повторитъ твой кликъ, и съ оранжереями, и со статуями, и съ любимыми цвѣтами: съ «уголькомъ въ огонькѣ», съ «растрепанными барышнями», съ астрами, съ махровой мальвой и розами.

Въ конюшнѣ прощалась со всѣми конями, въ хлѣву — со скотомъ, въ птичникѣ — съ птицей, въ дровотнѣ — съ дровами, гдѣ любила сидѣть вечеромъ подъ серебряной осокорью, въ возовнѣ и въ сараѣ — съ машинами и экипажами: съ бѣдой, съ чертопхайкой, съ шарабанами, съ трепыхталкой и съ трундулетомъ, на которомъ помѣщалось душъ двадцать, — заглянула на крышу сарая, гдѣ на одной ногѣ стоялъ аистъ, стерегъ Олино счастье, простилась и съ аистомъ, подвернулся Кадо, и съ Кадо, охотничей рыжей собакой, и со всѣми дворнягами черными и бѣлыми.

— Прощайте, — запыхавшись говорила Оля, — ваша Оля уѣзжаетъ въ гимназію.

И чудилось ей, всѣ отвѣчаютъ:

— Прощай Оля, пріѣзжай скорѣе.

— Пріѣду, пріѣду гимназисткой въ коричневомъ платьѣ съ чернымъ передникомъ.

Побѣжала за ворота къ церкви на цвинтаръ на могилу къ бабушкѣ, а съ цвинтара обратно черезъ клубнику въ клуню, — тянулись къ клунѣ возы съ хлѣбомъ, шумѣла молотилка, — взяла зерна полныя горсти, стала среди двора противъ дома съ бѣлыми башнями, оглянула далеко вокругъ, высоко подбросила зерна — и въ закатѣ золотыми, какъ пчелы золотыя, понесли они къ небу и синимъ дождемъ осыпали Олю.

И казалось, сама печь, стѣны дома стали за Олю.

— Прощай, Оля, пріѣзжай скорѣе.

* * *

Оля крѣпкая дѣвочка, рослая, краснощекая, коса у ней свѣтло-русая, а брови густыя и черныя, точно начерненные. Въ первый день въ гимназiи проходу ей не давали и трогали — то за щеки, то за косу, и тискали и тормошили, но ее занимали вѣшалки — ихъ въ прихожей было такъ много и такъ чудно можно было по колышкамъ рукой проводить съ конца на конецъ.

Прасковья Ивановна Пѣнкина, начальница пансіона, куда отдали жить Олю, напротивъ, съ перваго же дня возненавидѣла Олю.

Тошая, стриженная, зеленая вся какая-то, застарѣлая, начальница то и дѣло шпыняла Олю.

Оля уроки пригото~~вля~~вляла скоро и возни съ ней никакой не было, но всякій разъ, какъ Оля входила въ классную комнату, гдѣ занимались другія дѣвочки, начальница выгоняла ее:

— Иди вонъ, корова!

Или призвавъ къ себѣ, начинала допрашивать, чѣмъ Оля себѣ зубы чиститъ, отчего они у ней такіе бѣлые, и когда Оля отвѣчала, что ничѣмъ не чиститъ, снова выгоняла ее:

— Иди вонъ, корова!

Олю очень обижало, что ее такъ называютъ, и она не любила Прасковью Ивановну.

Обиду Оля чувствовала остро.

Въ Ватагинѣ однажды Оля и старшая сестра Ирина пошли гулять съ управляющимъ въ лѣсъ. По пути пришлось перелѣзть черезъ изгородь. Ирина быстро перелѣзла, а Оля — тогда еще совсѣмъ маленькая — карабкалась, карабкалась и не можетъ.

— Такой пузырь маленькій, а туда же лѣзеть! — смѣялся управляющій, и взявъ на руки, перенесъ.

Олю это такъ обидѣло, цѣлую недѣлю проплакала, но ни за что не хотѣла сказать, о чемъ плачетъ.

Впослѣдствіи обида выражалась у Оли совсѣмъ по другому, не въ молчаливыхъ слезахъ.

Но теперь даже и молчаливыхъ слезъ не было, Оля старалась избѣгать Прасковью Ивановну. Много чего было такого занимательнаго въ этомъ пансіонѣ, и обида какъ-то забывалась.

По субботамъ около десяти, когда гимназистки укладывались спать, у Прасковьи Ивановны Пѣнкиной собирались гости.

Гости были все свои люди, по преимуществу учителя, учительницы и классныя дамы Покидошенской женской гимназіи. Всѣ они размѣщались въ залѣ, одна изъ дверей которой выходила въ комнату, гдѣ спали гимназистки младшаго класса.

Кровать Оли стояла какъ разъ у этой двери, и обыкновенно по субботамъ Оля не спала до тѣхъ поръ, пока не расходились гости, и ей всегда казалось ихъ такъ много, негдѣ яблоку упасть.

Въ числѣ гостей былъ и любимый Яковъ Степановичъ Теофилактовъ, учитель физики и географіи, съ одной губой и раздвоеннымъ носомъ, рассказывавшій такъ же весело, какъ и въ классѣ, про свои путешествія по Россіи съ пріятелемъ знающимъ, и самый страшный учитель — историкъ Филимонъ Петровичъ Кураловъ-Топтыга, говорившій при встрѣчѣ съ дамами неизмѣнно: «съ почтеніемъ, съ уколеніемъ!» на манеръ щеголеватаго лавочнаго «здравствуйте, пожалуйста!», ходоваго у Покидошенскихъ приказчиковъ, и гроза гимназіи Катерина Оедоровна, заставлявшая рѣшать задачу съ конца и ставившая нотабены, и три классныя дамы Марья Петровна, Марья Димитріевна, Марья Терентьевна — сухія и зеленыя, чѣмъ-то напоминавшія и начальницу гимназіи Марью Ивановну и начальницу пансіона Прасковью Ивановну, хотя ни разу въ разговорахъ ни о какомъ родствѣ ихъ между собой ничего не упоминалось, затѣмъ батюшка законоучитель Аристотелевъ, про котораго говорилось, что послѣ открытія мошей въ Покидошѣ онъ на мощахъ себѣ домъ построилъ, какъ говорилось про знаменитаго въ Покидошѣ дантиста, что тотъ на покидошенскихъ зубахъ себѣ домъ построилъ.

Иногда приходилъ и другой батюшка Свободинъ — законоучитель въ младшихъ классахъ. Этого батюшку въ гимназіи любили, а въ городѣ не иначе называли, какъ Ювъ Много-страдальный.

Въ одну зиму умерли у батюшки жена и сынъ отъ скоротечной чахотки, а весной утонула младшая дочь. Да при этомъ такая путаница вышла — нехорошо: за суматохой не разо-

братъ, кто утонулъ — купались-то двѣ батюшкины дочери, и какъ полѣзли въ рѣку искать, побѣжалъ кто-то къ батюшкѣ и сказалъ, что утонула старшая Катя — одноклассница съ Олей. А немного погодя приходитъ Катя домой, правда, одѣта странно: въ одной рубашкѣ и въ шляпкѣ, но онъ на это ужъ не посмотрѣлъ, очень обрадовался, словно изъ мертвыхъ воскресла, подумалъ, никто не утонулъ, — спутали, а тутъ младшую выловили и несутъ въ домъ уже мертвую. Оля была на похоронахъ, видѣла, ой, какъ страшно: итти ужъ батюшка не могъ, а ползъ на четверенькахъ за гробомъ и всю дорогу отъ дома до церкви и потомъ отъ церкви до самаго кладбища — такъ ползкомъ.

Батюшка Свободинъ тихій, его и не слышно, это вотъ Топтыга Филимонъ Петровичъ, историкъ — и не голосъ у него совсѣмъ, а какой-то чугуны литейный.

А самымъ важнымъ и желаннымъ, но и рѣдкимъ гостемъ былъ учитель словесности Павелъ Николаевичъ Соловьевъ. Если Якова Степановича любили, а Филимона Петровича боялись, то Павла Николаевича обожали и не только старшія гимназистки, которымъ онъ преподавалъ словесность, но и младшія — по наслышкѣ.

Цѣлыхъ трехъ Павловъ Николаевичей можно было бы сдѣлать изъ одного Якова Степановича, притомъ деликатень — на учителя даже не похоже, обращался къ гимназисткамъ не иначе, какъ называя каждую «госпожа такая-то», золотыя очки, носикъ съ задоринкой, вверхъ усы и колышкомъ — борода, никогда не ловилъ, никогда не доносилъ, а высшее негодование свое выражалъ лишь замѣчаніемъ:

— Вы, право, пишете сочиненія, какъ кухарки.

А попадись Филимону Петровичу любое изъ сочиненій, вызывавшее лишь замѣчаніе Павла Николаевича, да что бы Филимонъ Петровичъ на его мѣстѣ сдѣлалъ?

Вотъ сочиненіе семиклассницы Нади Воробьевой: въ чемъ выражается дружба между товарищами?

«При разлукѣ друзья обыкновенно умираютъ или сходятъ съ ума. Это случается между друзьями молодыми и при-

томъ разнаго пола. Это называется увлеченіе. Если оно долго не проходитъ, то называется любовью. Конецъ».

Да отъ Филимона Петровича, конечно, пришелъ бы конецъ — ужъ попало бы, да не въ одну, а на всѣ четыре четверти единица да съ такимъ вотъ усищемъ.

Павель Николаевичъ никакого такого усища не зналъ и ставилъ тройку съ тремя минусами и около минусовъ точку, но такъ нѣжно, что самъ другой разъ при выводѣ за пятерку принимаетъ.

Лишь только появлялся Павель Николаевичъ на вечерѣ, и въ пансіонѣ подымался щебетъ: щебетали вокругъ него и ластились, какъ къ идолу, и классныя дамы тѣ три сухія и зеленныя, и сама Прасковья Ивановна. И откуда такіе голоса брались — переливные, ни въ классной, ни въ гимназіи ничего подобнаго не было слышно даже по праздникамъ, — обыкновенный классный голосъ извѣстно: изъ души хриплый съ визгомъ, а тутъ, поди-жъ ты!

* * *

Вечеръ открывался самоваромъ, пили чай, разговаривали, потомъ сажались играть въ карты, потомъ ходили по комнатѣ парами или бѣгали изъ угла въ уголь, — такъ представлялось Олѣ за дверью.

А на самомъ дѣлѣ послѣ второго или третьяго самовара и закуски танцовали и играли въ фанты, въ почту и въ висѣлицу. Когда же приходилъ Павель Николаевичъ, весь порядокъ мѣнялся: Павель Николаевичъ пѣлъ романсы.

За дверью въ комнатѣ, гдѣ спали гимназистки, пѣніе слышно было отчетливо, но гимназисткамъ хотѣлось не только пѣнія послушать, что пѣніе! — посмотрѣть, какъ поетъ Павель Николаевичъ, вотъ чего добивались.

Въ одну изъ субботъ разнесся слухъ, что на вечерѣ непременно будетъ Павель Николаевичъ. И рѣшено было не спать, хоть всю ночь, а дождавшись удобной минуты, во время пѣнія пріотворить дверь въ залъ.

Кровать Оли представляла самое подходящее мѣсто для наблюденій и, когда послышалась музыка, Оля, стоя на кровати и упираясь руками въ дверь, тихонько толкнула ее отъ себя, — дверь пріоткрылась, и щелка пришлась какъ-разъ противъ Павла Николаевича.

Павель Николаевич держалъ въ одной рукѣ ноты, другой поправлялъ воротничекъ — готовился начинать.

А въ то время, какъ Павель Николаевич запѣлъ —
Подъ душистою вѣткой сирени

Съ ней сидѣлъ я надъ сонной рѣкой...

— сзади на Олю стали такъ напирать, такъ тѣснить и давить ее, что руки ея, упиравшіяся въ дверь, не выдержали — дверь распахнулась, и Оля вылетѣла въ залъ.

Что только послѣ было! — и Прасковья Ивановна и всѣ три классныя дамы Марья Петровна, Марья Димитріевна, Марья Терентьевна сначала-то остолбенѣли и на время — къ счастью — языка лишились: вѣдь Оля вылетѣла въ залъ въ одной сорочкѣ — срамъ-то какой!

Задали крѣпко Олъ.

* * *

Въ пансіонѣ Прасковьи Ивановны Пѣнкиной Оля прожила свой первый гимназическій годъ.

Самыми радостными днями и за этотъ годъ и за другіе гимназическіе годы былъ для Оли пріѣздъ отца. Александръ Павловичъ пріѣзжалъ въ Покидошъ на выборы.

Обыкновенно утромъ до гимназіи, только-только еще съ постелей подымутся, завидитъ Оля подѣзжающій экипажъ, голубой околышъ и николаевскую шинель отца, все броситъ — всѣ свои книги, побѣжитъ встрѣчать. И цѣлуетъ, не даетъ раздѣться, обнимаетъ сеюими маленькими, еще горячими со сна, руками — такъ рада, чуть не плачетъ отъ радости.

А онъ ей корзиночку изъ дому, а въ корзиночкѣ курица, маковники на меду, варенье, пастила.

— Котикъ мой, — скажетъ, — какая ты у меня большая ужъ, не по годамъ рстешь, а по часамъ, — и улыбнется.

Олѣ становится еще веселѣе: не знаетъ, что и рассказывать, и корзиночку посмотрѣть скорѣе хочется, что въ ней заключается.

Незадолго до отпуска на ~~каникулы~~ каникулы пріѣхала изъ Ватагина Наталья Ивановна и, узнавъ о пансіонской жизни Оли, осталась очень недовольна порядками — Олю пришлось остричь подъ гребенку, такая была всюду грязь и никакого присмотра.

На слѣдующій годъ Олю отдали ужъ не въ пансіонъ, а къ знакомымъ — Берсеневымъ.

Берсенева Покидошенскіе старожилы, и самъ Берсенева одно время занималъ очень важную должность, но потомъ вышелъ въ отставку. Соня Берсенева — одноклассница Оли, да къ тому же вмѣстѣ учились музыкѣ у одной учительницы, и Олѣ хотѣлось жить со своей подругой.

Если въ пансіонѣ Пѣнкиной было и не совсѣмъ ладно — а будь сама Прасковья Ивановна хоть чуточку поласковѣе, Оля, пожалуй, и привыкла бы, у Берсеневыхъ напротивъ, все было хорошо, одно — жутко.

Станный человекъ былъ самъ Берсенева — отецъ Сони, а домъ Берсеневыхъ непростой.

Про домъ въ городѣ ходили слухи, что домъ нечистый и, что, какъ только его покупали, непременно кто-нибудь изъ семьи владѣльцевъ умиралъ. Обыкновенно такіе дома пустуютъ и легко переходятъ изъ рукъ въ руки первому же покупателю. Берсенева купили домъ очень дешево.

Семья Берсеневыхъ состояла изъ отца и двухъ дочерей: старшая Наля, уже взрослая, занималась хозяйствомъ, младшая Соня, гимназистка, были еще сынъ и дочь, но тѣ жили въ Петербургѣ.

Станность самого Берсенева выражалась въ томъ, что послѣ смерти своей жены онъ ни слова не говорилъ съ дѣтьми, съ другими же, съ посторонними, хотя бы съ той же Олей, разговаривалъ и даже шутилъ.

Наля и Соня, кстати очень съ лица похожія на отца, къ этому привыкли, и установился особый способъ объясненія.

Такъ, когда Соня затѣвала устроить у себя вечеръ, она подходила къ отцу и просила позволенія пригласить гимназистокъ и, не дожидаясь отвѣта, уходила въ свою комнату. Если на утро на рояли лежали конфеты, фрукты, закуска — это значило, что отецъ разрѣшаетъ.

За обѣдомъ и за чаемъ онъ сидѣлъ молча и такъ, будто ихъ не только не было за столомъ, но и вообще-то они не существовали на свѣтѣ, а между тѣмъ случайно промелькнувшее въ разговорѣ сестеръ желаніе предупредительно исполнялось имъ. Какъ-то за чаемъ, болтая съ Олей о нарядахъ, Соня размечталась о тепломъ коричневомъ джорсэ, которое она непременно положила себѣ купить, какъ только у ней заведутся деньги, — на другой же день утромъ на рояли лежало теплое коричневое джорсэ.

Когда старшая Наля рѣшила выйти замужъ и попросила отца благословить ее, онъ и тутъ не сказалъ ни слова, только захмыкалъ носомъ, — а на утро на рояли лежали двѣ иконы, свѣчи и деньги.

Большими глазами смотрѣла Оля на странныя объясненія отца съ дѣтьми, но потомъ освоилась, перестала замѣчать, но того, что творилось въ домѣ, Оля никакъ не могла не замѣчать.

Половицы стараго паркета не всѣ, но нѣкоторыя и какими-то кругами особенно поскрипывали даже днемъ, и отъ этого скрипа тянуло за душу, а на рояли, если его забывали закрыть на ночь, кто-то тихо игралъ, да такъ тихо, — отъ этой тихой игры становилось тоскливо, мѣста не найти отъ тоски, куда ужъ спать.

Оля и Соня, передъ тѣмъ, какъ ложиться, окрещивали и завѣшивали всѣ зеркала: что-то неприятное было въ зеркалахъ, какой-то свѣтъ наполненности и ужъ, конечно, страшно.

Всего нѣсколько мѣсяцевъ пришлось прожить Олѣ въ этомъ нечистомъ домѣ хорошей, но странной семьи. Внезапно умерли и сынъ и дочь Берсенсы, жившіе въ Петербургѣ, и домъ за безцѣнокъ сейчасъ же продали.

Наталья Ивановна вмѣстѣ съ младшей Леной переѣхала въ Покидошъ, наняла квартиру, и мѣсяць Оля прожила съ матерью. Однако, очень скоро Наталья Ивановна вынуждена была вернуться въ Ватагино, а Оля переселилась въ пансіонъ двухъ нѣмокъ — Паулины Викентьевны и Розаліи Викентьевны Линде.

III.

Пансіонъ Линде образцовый, Паулина Викентьевна и Розалія Викентьевна дамы почтенныя.

Паулина Викентьевна замужняя, Розалія Викентьевна — барышня. Обѣ на одно лицо, обѣ крошечныя, сутуловатыя съ необыкновенно длинными носами и необыкновенно маленькими дѣтскими губами, обѣ въ мелкихъ, какъ паутинка, тонкихъ завивающихся морщинкахъ, а на головѣ у каждой по черной кружевной наколкѣ. Разница между ними только въ томъ, что Паулина Викентьевна, хотъ и отдаленно, но имѣла нѣкоторое право носить дамскій нарядъ, Розалія же Викентьевна, если и носила и, говорятъ, за сорокъ ужъ лѣтъ носить, то по сущему недоразумѣнію.

У Паулины Викентьевны три сына и всѣ необыкновенно рослые — прямо подъ потолокъ: старшіе двое, докторъ и студентъ, жили въ Петербургѣ и лишь наѣзжали къ матери въ Покидошъ, младшій же служилъ въ губернаторской канцеляріи и находился при матери въ пансіонѣ.

Доктора и студента гимназистки любили: въ случаѣ недоразумѣній и докторъ и студентъ всегда заступались. А младшаго — канцеляриста не любили и называли шпиономъ: канцеляристъ доносилъ матери и теткѣ, когда, напримѣръ, гимназистку провожалъ изъ гостей въ пансіонъ какой-нибудь гимназистъ и, хотя гимназистки находили увертку, говоря, что провожалъ вовсе не гимназистъ, а лакей съ серебрянными пуговицами, все-таки бывали непріятности.

Паулина Викентьевна не разъ и не два заявляла:

— Я была хорошенькая, а Розалія Викентьевна просто красавица.

— Нѣтъ, я была хорошенькая, а Паулина Викентьевна просто красавица, — непремѣнно возражала Розалія Викентьевна.

Паулина Викентьевна ни за что не соглашалась, подымался споръ, и весь пансіонъ помиралъ отъ хохота.

Разговорчивость нападала на Паулину Викентьевну и Розалію Викентьевну по большей частью за обѣдомъ, и онѣ охотно дѣлились своими воспоминаніями.

— Однажды мы были на балу съ Розаліей Викентьевной, — рассказывала Паулина Викентьевна, — и такъ какъ мы поздно пріѣхали на балъ, а насъ ждали, то кавалеры захотѣли намъ за это отомстить, и никто насъ не приглашалъ танцовать, тогда мы взялись другъ съ дружкой и стали танцовать. Это было такъ мило, что всѣ кавалеры бросили своихъ дамъ и пошли танцовать съ нами.

— Ахъ, это было такъ мило, такъ мило, Боже мой, какъ мило, — ужъ хоромъ повторяли.

Кто-то пустилъ слухъ, будто Паулина Викентьевна и Розалія Викентьевна ходятъ въ резиновыхъ юбкахъ.

Много объ этомъ было разговору, но еще больше гадали: какія такія могутъ быть резиновыя юбки — такія ли, какъ калоши, или какъ мячикъ? всѣмъ хотѣлось посмотрѣть эти резиновыя юбки, но какъ посмотришь, если нѣмки не только что въ этихъ резиновыхъ юбкахъ, даже безъ своихъ кружевныхъ черныхъ наколокъ никогда не показывались въ комнатахъ передъ гимназистками — нѣмки къ себѣ аккуратныя, нѣмки порядокъ любятъ.

Но вотъ однажды, укладываясь спать, гимназистки подняли возню, Паулина Викентьевна и Розалія Викентьевна, не зная, что думать, забывъ всякій порядокъ, neodѣтыя бросились въ комнату, и что же? — у каждой — это сразу всѣ, и не сморѣвши, замѣтили, было по самой настоящей резиновой юбкѣ.

— Смотрите, да онѣ и танцовали въ этихъ юбкахъ! — кричала отъ удовольствія Оля.

— «Ахъ, это было такъ мило, такъ мило, Боже мой, какъ мило!» — вспоминались слова нѣмокъ и ужъ ночь въ пансіонѣ не спали, надрываясь отъ смѣха.

Раза три въ году прїѣзжалъ въ Покидошъ пасторъ, и тогда Паулина Викентьевна и Розалія Викентьевна исчезали изъ пансіона.

Кто-то сказалъ, что когда пасторъ служитъ, нѣмки поютъ.

И это показалось куда смѣшнѣ резиновыхъ юбокъ: чѣмъ-то такимъ уморительнымъ и невозможнымъ, какъ если бы батюшка Аристотелевъ переодѣлся въ офицера.

Нѣмки крохотны, тощи, горбаты, носаты и ужъ никакія пѣвицы, а у батюшки брюшко — пузыремъ, губы осметки, носъ башмакъ и при разговорѣ такая манера — подбиралъ свои губы, чтобы не было видно ни одного зуба — хорошъ офицеръ!

И хохотали въ гимназіи во время урока, хохотали въ пансіонѣ за урокомъ, и на прогулкѣ, и въ церкви такъ вдругъ ни съ того, ни съ чего при одной мысли о поющихъ нѣмкахъ и батюшкѣ-офицерѣ.

У нѣмокъ — свободно. Уйти изъ пансіона погулять по улицѣ можно безо всякихъ и въ любое время.

Одна изъ гимназистокъ выбѣгала за дверь и звонила, а другая гимназистка заявляла Паулинѣ Викентьевнѣ или Розаліи Викентьевнѣ, будто пришла горничная, ну и отпускали. Такъ выходили гимназистки гулять совсѣмъ не въ урочное время, а такія прогулки были верхъ счастья.

Весело, свободно — всѣмъ хорошо у нѣмокъ, только кормили не очень и часто гимназистки таскали изъ буфета черный хлѣбъ, а за чаемъ уписывали простую французскую булку съ такимъ вкусомъ, всѣ челюсти трещали. Но ужъ тутъ ничего не подѣлаешь: пансіонъ не домъ.

— Ты сожми булку и ѣшь, и думай, что тамъ сыръ, а когда наѣшься, думай, что тамъ халва, — научала голодную Олю шестиклассница княжна Шахъ-Булатова.

И Оля слушалась: изо всѣхъ силъ сжимала булку и ѣла, — старалась думать, что тамъ сыръ, а когда съѣдала булку, старалась думать, что тамъ халва.

И наука шла въ прокъ.

Къ Олѣ нѣмки относились хорошо, только почему-то вообразили, будто брови у Оли не настоящія, нѣтъ-нѣтъ да и дѣ-

ляли ей замѣчаніе, чтобы она ихъ не красила. И хотя Оля муслила себѣ палець и водила себѣ по бровямъ, и палець оставался совершенно чистымъ, — нѣмки не вѣрили.

*   *

Олю тянуло къ большимъ, и она постоянно терлась въ комнату, гдѣ занимались старшія гимназистки.

Двѣ гимназистки шестиклассницы еще съ перваго класса очень нравились Олѣ: Вѣра Сахарова и княжна Шахъ-Булатова.

Вѣра Сахарова высокая, здоровая, но такая блѣдная, блѣлая — совсѣмъ бѣлый мраморъ, огромные черные глаза и черные гладко-зачесанные волосы, — Оля называла ее красивой.

Княжна Шахъ-Булатова розовая, чернобровая, съ золотыми вьющимися волосами, большіе голубые глаза и необыкновенно длинныя рѣсницы, вся тонкая, — Оля называла ее красивой.

Въ первые гимназическіе дни, встрѣчая княжну, Оля улыбалась ей, посылала поцѣлуи и разъ спросила, какъ ее звать, но княжна ничего не отвѣтила, за нее сказала Вѣра Сахарова, что зовутъ княжну Марья Александровна.

— Марья Александровна княжна Шахъ-Булатова, — послѣ повторяла Оля и на запотѣломъ стеклѣ выводила пальчикомъ *М. А. К. Ш.*

Однажды, возвращаясь отъ вечерни въ пансіонъ, Оля встрѣтила странника. Странникъ остановилъ Олю и далъ ей бѣлый кругленькій камушекъ «Богородицыну слезу» и молитву «Сонъ Богородицы».

— Если припишешь къ молитвѣ задуманное, — сказалъ странникъ, — и молитву всегда при себѣ носить будешь, задуманное исполнится.

Вечеромъ же въ пансіонѣ — это было еще у Прасковьи Ивановны Пѣнкиной, — Оля переписала молитву черезъ синюю переводную бумагу, а сдѣлала она такъ потому, что синій цвѣтъ буквъ имѣлъ по ея мнѣнію какое-то совсѣмъ особенное значеніе. Къ этой синей молитвѣ — къ «Сну Богородицы» синимъ же приписала и свое желаніе:

«Господи, сдѣлай меня, какъ княжна Шахъ-Булатова».

А приписывая желаніе, представляла себѣ Вѣру Сахарову — красивую и княжну Шахъ-Булатову — красавицу и еще какъ-то само собой думала и о самой умной — о своей первой учительницѣ Софьи Евдокимовнѣ, дочери Ватагинскаго батюшки о. Евдокима. Потомъ зашила молитву въ ладонку, надѣла на шею и стала ждать, что будетъ.

Долгая прошла недѣля. Въ субботу Оля спросила у одной гимназистки, не замѣчаетъ ли она въ ней какой перемѣны?

— Нѣтъ, — отвѣтила гимназистка, — никакой перемѣны не замѣтно.

— Ни въ чемъ?

— Такая же.

— «Вѣра Сахарова красивая, — подумала Оля, — княжна Шахъ-Булатова красавица, ну и пускай будетъ одна красивой, другая красавицей!» — и сняла съ груди ладонку.

Вѣра Сахарова и княжна Шахъ-Булатова — самыя отчаянныя, самыя оголѣлыя — отпѣтыя во всемъ пансіонѣ. По воскресеньямъ къ нимъ то и дѣло приходили въ гости гимназисты. И хотя хорошо было извѣстно, что княжна изъ Москвы, гдѣ живутъ ея отецъ и мать, и что въ Покидошѣ, кромѣ старой бабушки, у ней нѣтъ никого, все-таки какіе-то братья появлялись и торчали въ пріемной комнатѣ весь день, пока нѣмки не выкуривали ихъ, да и то съ помощью «Марша русскихъ добровольцевъ». Въ пріемной стояло піанино, и туда то посылалась одна изъ младшихъ гимназистокъ, гимназистка должна была играть этотъ «Маршъ русскихъ добровольцевъ», и тогда само собой гимназисты отправлялись по домамъ.

— Послушайте, — сказала какъ-то Паулина Викентьевна княжнѣ Шахъ-Булатовой, когда ужъ, видно, подозрѣніе взяло верхъ надъ добродушіемъ, довѣрчивостью и деликатностью нѣмки, — вашъ братъ то блондинъ, то брюнетъ, то шатень?

— Очень просто, — нашлась княжна, утромъ онъ шатень, въ полдень блондинъ, а вечеромъ — брюнетъ.

Не всегда кончалось такъ просто. Бывали случаи, что безъ вмѣшательства старшихъ сыновей Паулины Викентьевны — доктора или студента — дѣло не обходилось. Только и докторъ

и студентъ — очень хорошіе, но медвѣди какіе-то неповоротливые.

По доносу ли младшаго сына канцеляриста или по собственнымъ наблюденіямъ, скорѣй всего по доносу, Паулина Викентьевна послѣ «Марша русскихъ добровольцевъ» вызвала Вѣру Сахарову и сдѣлала ей строгій выговоръ, запрещая впредь принимать только что ушедшаго брата-гимназиста, такъ какъ онъ совсѣмъ ей не братъ.

Вѣра Сахарова на дыбы — заспорила, Паулина Викентьевна вышла изъ себя — загорячилась. Поднялся крикъ. И Вѣрѣ Сахаровой пришлось уступить и сознаться.

На крикъ прибѣжалъ докторъ да до конца-то, должно быть, не дослышавъ, вступился:

— Повѣрьте, — сказалъ онъ матери, — ручаюсь, это дѣйствительно братъ, я самъ видѣлъ собственными глазами, какъ они на прощанье поцѣловались.

И опять поднялся крикъ, теперь ужъ изъ-за поцѣлуя.

На прогулкахъ Вѣра Сахарова въ парѣ съ княжной Шахъ-Булатовой — въ самомъ хвостѣ, а за ними еще цѣлый хвостъ гимназистовъ. Съ гимназистами разговаривать во время прогулокъ не разрѣшается, но Вѣра Сахарова всегда разговариваетъ. Пробовали дѣлать замѣчаніе, не слушаетъ. И стали оставлять ее одну въ пансіонѣ, лишивъ всякой прогулки.

Тутъ то и вырвалось вонъ наружу все неистовство этой взбалмошной бѣлой, какъ бѣлый мраморъ, гимназистки: сумасшедшая бѣгала она по комнатѣ, швыряла чѣмъ попало такъ ни въ кого, хлопала дверьми и ругала нѣмокъ на чемъ свѣтъ стоитъ.

Такъ какъ нѣмки по русски не все понимали, то употреблялись выраженія не то чтобъ нецензурныя, а все таки и непечатныя, а чѣмъ дальше, тѣмъ крѣпче и чѣмъ крѣпче, тѣмъ ругательнѣе.

Упади всѣ ругательства на нѣмокъ — и отъ бѣдныхъ нѣмокъ ничего бы не осталось — такъ какая-нибудь каша.

Взбалмошная, любила Вѣра Сахарова потѣшаться и изводить младшихъ гимназистокъ: возьметъ, выхватитъ у какой-нибудь изъ подъ носа книжку или потихоньку спрячетъ — и

ходитъ та, зубрить вѣдь не по чемъ, просить отдать, нѣтъ, ни за что не отдастъ, и только утромъ, когда ужъ въ классъ итти, подсунеть.

И Вѣра Сахарова, и княжна Шахъ-Булатова любили Олю и никогда отъ себя не выгоняли изъ своей комнаты. Оля говорила имъ «вы», онѣ Олѣ «ты», а иногда «ты — Сова» за ея большіе сѣрые глаза.

Въ пансіонѣ всѣмъ было извѣстно, что Оля очень способная и первая ученица. Зная сообразительность Оли, Вѣра Сахарова и княжна Шахъ-Булатова экзаменовали ее по русской грамматикѣ, причеиъ задавали ей такіе вопросы, правильный отвѣтъ на которые волей-неволей, а попадалъ въ число непечатныхъ словъ, употребляемыхъ въ сердцахъ самой Вѣрой Сахаровой.

И Оля улыбалась, глядя на неистовую бѣлую, какъ бѣлый мраморъ, гимназистку «красивую» и на задорную золотую княжну «красавицу», и ей было весело.

. IV.

Изъ сверстницъ въ пансіонѣ Оля сблизилась съ одноклассницей Мариной Завѣтновской.

Съ виду Марина — противоположность Оли: маленькая, блѣдненькая и худенькая, но въ чемъ-то такая же насторожившаяся, какъ и Оля. Онѣ вмѣстѣ скакали по залѣ на переимѣнахъ, вмѣстѣ устраивали разныя продѣлки въ гимназіи и въ пансіонѣ, а разъ во время танцевъ, стоя визави, взяли да и поцѣловались, и отбывали за этотъ поцѣлуй общее наказаніе, а учительница рукодѣлія, она же классная дама, по прозванію Цапля, не любившая ни Олю, ни Марину, выражалась про нихъ просто:

— Два экземпляра.

И какъ нарочно эта самая Цапля, слѣдившая на улицахъ за гимназистками, рѣдко не попадалась Олѣ и Маринѣ, когда тайкомъ выходили онѣ погулять изъ пансіона.

— Куда идешь? — останавливала Цапля.

— За тетрадкой.

— На лицѣ должно быть написано, что идешь за тетрадкой, — читала нотацію Цапля, — итти надо быстрымъ скорымъ шагомъ.

Марина Завѣтновская — особенно, но такъ Оля дружила со всѣмъ своимъ классомъ, хотя тетка Марья Петровна Вольская — двоюродная сестра Натальи Ивановны, и указывала гимназистокъ, съ которыми Оля не должна дружить, потому что онѣ ей не ровня.

— Теперь еще ничего, — слышала Оля, какъ говорила тетка Наталья Ивановнѣ и въ Ватагинѣ, и въ Покидошѣ, — а когда выростутъ, въ нѣкоторыхъ домахъ Олѣ бывать неприлично, вотъ хотя бы у Рогачевыхъ — М-ме Рогачева живетъ съ прокуроромъ, или у Сабуровыхъ — у нихъ гостиница.

И Олю къ нѣкоторымъ гимназисткамъ не пускали. Но какъ разъ къ нимъ-то и ходила Оля: она просилась у нѣмокъ отпустить ее къ тѣмъ, къ которымъ пускать разрѣшалось, а сама шла къ отверженнымъ.

Въ числѣ отвергнутыхъ теткой оказалась и Марина Завѣтновская, такъ какъ отецъ ея былъ актеръ заѣзжей труппы, игравшей второй сезонъ въ Покидошенскомъ городскомъ театрѣ.

* * *

Городъ Покидошъ, воспѣтый мѣстнымъ поэтомъ, скромно пожелавшимъ остаться неизвѣстнымъ, въ нѣкоторомъ родѣ праматерь городовъ русскихъ — колыбель Россіи.

Покидошъ — городъ древній
Построенъ на рѣкѣ Смургѣ
Притомъ же съ пристанью отмѣнной...

Въ Покидошѣ, гдѣ городской голова при открытіи памятника Гоголю заявилъ въ своей рѣчи Покидошенскимъ жителямъ, что памятникъ стоитъ такихъ-то большихъ денегъ и потому надо беречь его, какъ святыню, а на скверѣ будочникъ отгонялъ глазѣющихъ на памятникъ, говоря: «Проходите, тутъ смотрѣть нечего!» — гдѣ чудакъ-губернаторъ самъ себѣ воздвигъ на соборной площади мраморный обелискъ съ пе-

речисленіемъ всѣхъ заслугъ своихъ губерніи, а около красовалась на столбикѣ надпись «Скорлупъ подсолнечныхъ и другихъ фруктовъ бросать воспрещается», гдѣ полицмейстеръ накануне луннаго затменія приказомъ объявлялъ населенію, чтобы зря не смотрѣли на небо, если будетъ облачно, гдѣ батюшки каждый разъ добродушно извинялись, предлагая пирогъ съ яичной начинкой, совсѣмъ недвусмысленной, если принимать вещи безъ задней мысли, гдѣ изстари ловился какой-то таинственный разбойникъ, если не Соловью, то Савицкому и Лбову по отвагѣ нисколько не уступавшій, гдѣ строили дома на мощахъ, на зубахъ и на предметахъ еще болѣе деликатныхъ, гдѣ на пожарной каланчѣ давно уже не ходилъ старикъ-часовой, а только всякому по привычкѣ казалось, что ходить, гдѣ въ пожары били въ набатъ и собирався весь городъ, какъ въ церковь на Пасху, гдѣ барышни почти поголовно открывали въ себѣ артистическій талантъ и вдругъ хотѣли сдѣлаться актрисами, гдѣ на вечерахъ, когда чудаку подымалъ вопросъ важный и глубокій, пожалуй и неумѣстный, въ отвѣтъ ему раздавался этакій здоровый обезьянскій російскій хохоть, и гдѣ, наконецъ, въ казенномъ саду по веснѣ, напившись росы съ молодого березоваго листа, такъ пѣлъ соловей, что весь садъ дрожалъ, все было — на всѣ колѣна: и бульканье, и колыханье, и дробь, и раскаты, и пленьканье, и лѣшева дудка, и кукушкинъ перелеть, и гусачекъ, и юлиная стукотня, и починъ, и оттолочка, всѣ свисты, всѣ трели, всякая стукота, — въ тихомъ, мирномъ и пыльномъ Покидошѣ Марья Петровна Вольская играла не послѣднюю роль.

Мужъ Марьи Петровны Вольской — дядюшка Оли, отставной полковникъ, получавшій огромную пенсію за увѣчье: одна нога у дядюшки была не своя, а на пружинахъ — гутаперчевая. Ноги дядюшка лишился въ турецкую кампанію: возвращаясь какъ -то домой съ Покидошенскаго праздника, устроеннаго городомъ по случаю полученія городомъ какихъ-то важныхъ военныхъ извѣстій, онъ свалился съ извозчика и такъ повредилъ себѣ ногу, ровно-бъ пуля въ нее засѣла.

Сама Марья Петровна, хлопотавшая въ свое время о пен-

си, увѣряла, что вовсе не пуля, а семьдесятъ семь турецкихъ разрывныхъ гранатъ.

А за Марьей Петровной и весь городъ Покидошъ, передавая и надо и не надо эту злополучную исторію дядюшки съ извозчикомъ, всякій разъ добавлялъ:

— И семьдесятъ семь турецкихъ разрывныхъ гранатъ.

Дядюшка любилъ рассказывать о сраженіяхъ, какъ о морскихъ, такъ и о сухопутныхъ, часто вспоминая походы, битвы и штурмы крѣпостей. И Оля, и двоюродная сестра Ниночка — дочь дядюшки — съ большимъ вниманіемъ слушали его чудесные рассказы.

Марья Петровна — образцовая мать, примѣрная воспитательница.

Въ пять ужъ лѣтъ Ниночка въ любое время даже со сна безъ запинки отвѣчала на три основные семейные вопроса.

— Кто твоя мама?

— Всезнайка.

— Кто твой папа?

— Всеумѣйка.

— А ты?

— Ниночка.

И эти отвѣты приводили въ восторгъ весь Покидошъ, и все это была самая сущая правда.

Марья Петровна дѣйствительно все знала: всюду и вездѣ появлялась она на вечерахъ, на похоронахъ и свадьбахъ, — безъ нея не праздновали, не хоѣнили и не вѣнчали, даже и заболѣвать какъ-то ухитрялись при ней, ей до всего было дѣло, она обо всемъ хотѣла знать и обо всемъ говорила, и о всякомъ могла рассказать не только всю подноготную изъ прошлаго, но другой разъ и о будущемъ — что еще только предполагалось и далеко было отъ всякаго осуществленія. А дядюшка о гутаперчевой ногѣ дѣйствительно умѣлъ удивительно ловко и тщательно склеивать разбитыя ниночкины куклы и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда сами мастера этого дѣла ни за какія деньги не соглашались и наотрѣзъ отказывались.

Много сама говорившая, Марья Петровна цѣнила выше всего то, что говорятъ. Послѣднимъ доводомъ, непререкаемымъ,

стоящимъ внѣ всякаго сомнѣнія являлось для нея это «говорять».

— Оля, что про тебя говорятъ! — объявляла тетка, покуривая папироску, и сейчасъ же передавала какой-нибудь такой Покидошенскій слухъ, который оставлялъ далеко за собой даже собственныя теткины увѣренія о семидесяти семи турецкихъ разрывныхъ гранатахъ, засѣвшихъ въ дядюшкѣ.

Когда пріѣзжала изъ Ватагина Наталья Ивановна и оставалась у Вольскихъ, среди горохомъ пересыпаемыхъ покидошенскихъ новостей клиномъ врѣзалось въ разговоръ теткино «говорять».

— Представьте себѣ, Наталья Ивановна, Зина Раева ходитъ въ казенный садъ и у нея скоро будетъ ребенокъ.

— Это не можетъ быть.

— Наталья Ивановна, г о в о р я т ъ!

Передохнетъ, затянется и снова:

— Представьте себѣ: Олѣ Богдановичъ прислала Лиза Шалаурова солдата съ письмомъ, а говорятъ, что самъ Шалауровъ прислалъ.

— Что вы, Марья Петровна?

— Наталья Ивановна, г о в о р я т ъ.

«Тетка все говоритъ неправду» — думала Оля, до которой нерѣдко долетали разговоры.

— Зачѣмъ вы говорите глупости и неправду? — загорѣвшись, ударила по столу Оля, но уже много позже, когда была въ седьмомъ классѣ, а теперь она только думала и замѣчала.

Чаю попить со сливками — любимое занятіе Марьи Петровны, когда говорить уже нечего или не съ кѣмъ.

Олѣ и Ниночкѣ дается чай съ молокомъ, а себѣ она подливаетъ сливокъ, и чѣмъ гуще и жирнѣе сливки, тѣмъ добрѣе и мягче сердце, тѣмъ благодушиѣе расположеніе, а сама такая вся остренькая, какъ игла, и глаза маленькіе, черненькіе, какъ юлы подвижные, — и непостижимо, куда идетъ это густое и жирное добро — сладкія сливки.

Пользуясь благодушіемъ тетки, Оля, а за ней и Ниночка просятъ рассказать что-нибудь изъ прошлаго.

За сливками Марья Петровна соглашается.

— Когда я была молодая, я была замѣчательная красавица, — рассказываетъ тетка, захлебываясь и закатывая свои маленькіе черненькіе юлы-глаза, — у меня были огромные голубые глаза, у меня были длинные волосы, я ихъ ботинками рвала, у меня были длинныя рѣсницы; отъ всего лица отставали, и у меня былъ поклонникъ Петръ Ивановичъ. Онъ разъ сталъ у меня за стуломъ, — тетка томно поникаетъ, — онъ мнѣ говоритъ: «Марья Петровна». Я ему говорю: «Что?» Онъ мнѣ говоритъ: «Вы видѣли пожаръ?» Я ему говорю: «Видѣла». Онъ мнѣ говоритъ: «Такъ вотъ на пожарѣ всякое пламя горитъ-горитъ и гаснетъ, но моя любовь къ вамъ, Марья Петровна, никогда не погаснетъ». Онъ мнѣ это говоритъ, а я сижу да съ рѣсницъ узелки вяжу.

Въ пансіонѣ Оля рассказала исторію съ рѣсницами Маринѣ Завѣтновской. У Марины рѣсницы были очень маленькія, и захотѣлось Маринѣ точно такія имѣть, какъ у Марьи Петровны, чтобы узелки вязать.

— Какая нибудь мазь продается, — сказала Оля, — помажешь этой мазью, и рѣсницы длинныя-предлинныя вырастутъ.

И гдѣ же достать эту мазь, и какая мазь: бѣлила? — нѣтъ, политанъ? — политанью только котовъ мажутъ. Много думали и долго думали и ничего не придумали. Обратились къ Вѣрѣ Сахаровой.

— Достать можно, — сказала Вѣра Сахарова и пообѣщала.

А дня черезъ три маленькая баночка съ какой-то липкой дрянью, какъ драгоценность, была въ рукахъ Оли и Марины.

На ночь въ тотъ же день, не откладывая въ долгій ящикъ, Оля тщательно вымазала Марину. Градомъ текли слезы, чихала худенькая, блѣдненькая дѣвочка, и ужъ какъ ночь проспала, одному Богу извѣстно. А на утро, какъ стала мазь смывать, да смыла все — выпали и послѣднія рѣсницы.

V.

Оля — шалунья изъ первыхъ, о шалостяхъ Оли всѣ знаютъ и въ гимназіи — весь четвертый классъ, и въ пансіонѣ у нѣмокъ — всѣ пансіонерки. Но пристальный глазъ распозна-

еть, что живетъ Оля и еще какой-то жизнью, о которой другимъ ни словомъ не обмолвится.

Началась эта скрытая жизнь еще до гимназіи въ деревнѣ въ Ватагинѣ.

Не рѣдко, бывало, ставъ на одномъ мѣстѣ столбомъ, Оля выстаивала, не шелохнувшись, цѣлыми часами. Ну-ка, отгадайте, чего это она стоитъ столбомъ и все думаетъ, насторожилась вся — и покличешь, не сразу отзовется? Да ей Богу, никакая разгадка въ умъ не придетъ.

Представляется? — Не до того! — Оля страшнаго суда ждетъ.

Дважды снился Олѣ страшный судъ.

Въ первый разъ приснилось ей, будто въ саду въ малиникѣ многое множество народу; и всѣ стоятъ въ малиникѣ голова къ головѣ, а батюшка читаетъ, — это и есть страшный судъ. Въ другой разъ приснилось, будто кто-то во снѣ сказалъ ей:

— Завтра будетъ страшный судъ.

Этотъ второй сонъ крѣпко легъ на душу Оли, и она, тогда семилѣтняя дѣвочка — теперь ей двѣнадцать — тревожилась не меньше любого взрослога.

Проснувшись, не завела ужъ глазъ: одинъ вопросъ изводилъ ее, и не могла она рѣшить, какъ же понимать это «завтра»? Она себя спрашивала:

«Когда же — съ этого утра наступить страшный судъ или только на слѣдующій день, завтра?»

И не могла рѣшить.

Все утро и весь день прошли въ ожиданіи. А тутъ случилось одно событіе, само по себѣ невинное, а въ концѣ-то концовъ и безъ того охваченная тревогой Оля еще больше безпокоилась.

Въ Ватагино яриѣхали двѣ сосѣдскія дѣвочки, Лида и Аня Сахновскія. Оля, занимая подругъ, показывала имъ свои тетрадки: въ тетрадяхъ тонкими штрихами напечатаны были слова и буквы. Сама Оля писать еще плохо писала и, если бы стала обводить перомъ по напечатанному, для чего собственно и предназначались тетрадки, вышло бы очень грязно. Ну, раз-

мазней да кляксами никого не удивишь, — и Оля выдавала дѣвочкамъ напечатанныя буквы и слова за свои, будто бы только-только что ею самой написанныя. Лида и Аня вазжали и хлопали въ ладоши отъ восхищенія, а Олю это такъ страшно занимало и она была такъ довольна, что на нѣкоторое время забывала даже сонъ съ его предсказаніемъ.

Но стоило только уѣхать дѣвочкамъ Сахновскимъ, какъ тутъ-то и началось: къ мысли о томъ, что завтра будетъ страшный судъ, присоединилось раскаяніе, что вотъ она передъ такимъ страшнымъ днемъ сказала неправду.

Оля не знала, что ей и дѣлать. Просить отпустить ее сейчасъ же съ братомъ Мишей къ Сахновскимъ и тамъ признаться во всемъ Анѣ и Лидѣ?

«Да нѣтъ, — разсуждала Оля, — это очень стыдно, а если не признаться — страшно».

Что же ей дѣлать?

Ночь, какъ и вчерашняя, прошла въ тревогѣ, всю ночь не сомкнула глазъ Оля, терзалась и страхомъ и раскаяніемъ. Безъ сна она дожидалась утра, — и ничего не произошло. Вставала, одѣвалась, день прошель, — и ничего не случилось.

«Страшный судъ, стало быть, отмѣнился!» — рѣшила Оля, и отлегло отъ сердца.

И ужъ совсѣмъ было успокоилась и вчерашнюю свою плутню забывать стала, какъ вдругъ въ сумерки по дорогѣ къ ихъ дому зазвонилъ колокольчикъ. Вскочила Оля посмотрѣть, кто ѣдетъ, — страсть любопытная, — да такъ и замерла на мѣстѣ. А ѣхалъ никто иной, какъ мать тѣхъ двухъ дѣвочекъ Лиды и Ани, сама Сахновская, и понятно зачѣмъ.

«Конечно, — рѣшила Оля, — Лида и Аня рассказали своей мамѣ, какъ вчера я ихъ тетрадками надула, вотъ теперь она и ѣдетъ, чтобы обо всемъ рассказать мамѣ».

И представивъ себѣ, какъ черезъ какой-нибудь часъ, нѣтъ, меньше, черезъ десять минутъ, нѣтъ, сію же минуту весь домъ узнаеть, и всѣ будутъ называть Олю лгуньей, обманщицей, просмѣютъ всѣ глаза, засмѣютъ ее на всю жизнь и ни одному слову ея не повѣрятъ, да ужъ и не вѣрятъ, Оля такъ и замерла на мѣстѣ.

Конечно, ничего подобного не произошло, какъ не произошло и страшный судъ, но съ этого дня мысль о страшномъ судѣ не покидала Олю.

Какъ-то по утру весной вышла Оля тихонько neodѣтая въ одной рубашечкѣ на крыльцо, — было тепло на волѣ, чуть только еще показались ласточки, и первая трава маленькая, такая нѣжная, выглядывала изъ земли на свѣтъ Божій, — и бросилась въ глаза Олѣ утка: переваливаясь, шла утка по двору и крякала.

«Божья Матерь, — подумала Оля, — такъ передъ страшнымъ судомъ пойдетъ собирать грѣшниковъ!»

Много думъ продумала Оля, — и какъ страшный судъ происходить будетъ, и когда онъ наступитъ, а мысль о томъ, что онъ можетъ наступить всякую минуту, ставила ее столбомъ.

Вотъ почему, бывало, станетъ Оля на одномъ мѣстѣ и стоять — не шелохнется — ждетъ страшнаго суда.

Къ мысли о страшномъ судѣ присоединялась мысль о смерти.

Оля рассказывала своей младшей сестрѣ Ленѣ, что на осокори у дровотни дѣдъ живетъ, у дѣда пять дѣтей, одну изъ дочерей дѣда зовутъ Аней, и будто Оля къ нему въ гости ходитъ, а онъ ей съ осокори яблоки бросаетъ. Лена вѣрила и все просила взять ее къ дѣду яблоковъ попробовать да и на самого дѣда посмотреть. Оля обѣщала спросить у дѣда, хочетъ ли дѣдъ, да все откладывала.

Захворала Лена, было ей плохо, говорили, — при смерти. И тяжелые, невыносимые дни прожила Оля, пока не выздоровѣла Лена. Измоталась вся: и хотѣла сказать Ленѣ, что на осокори дѣда никакого нѣтъ, и видѣла, что гсворить бесполезно, такъ какъ Ленѣ теперь не до дѣда, и мучилась, — вотъ умереть Лена, а она такъ и не откроетъ ей про дѣда и никогда ужъ не откроетъ.

У Оли была еще сестра Таня, самая младшая. Таня умерла совсѣмъ маленькая. Въ день смерти мать сказала Олѣ, чтобы Оля покачала Таню. Оля не захотѣла, — пошла къ Машѣ въ садъ подъ сливу будки строить. А когда вернулась изъ сада домой — Тани уже не было, умерла.

Тяжелые, невыносимые дни прожила Оля: зачѣмъ она тогда не покачала Таню? — а теперь ужъ никогда не покачаетъ.

А когда умерла бабушка, и отецъ сказалъ Олѣ, что каждый человекъ всякую минуту можетъ помереть, Оля стала бояться смерти.

Она такъ же ждала ее, какъ и страшнаго суда, часто не спала по ночамъ и плакала, но причины своихъ слезъ никому не рассказывала.

Цѣлыми днями придумывала Оля, чѣмъ ей смерть отвратить и, наконецъ, нашла рѣшеніе: она будетъ бѣгать, хоть и заболѣетъ, все равно будетъ бѣгать, — смерть и не возьметъ ее, умирають вѣдь всегда лежа.

Какъ угорѣлая, бѣгала Оля день до вечера, трудно было къ столу усадить, долго вечеромъ приходилось уговаривать лечь въ кровать, ужъ, кажется, и угомонится, нѣтъ, опять вскочить, а гулять пойдутъ — за ней не поспѣешь, такъ словно на крыльяхъ летить.

И вдругъ Оля почувствовала, что этимъ не поможешь: бѣгай не бѣгай, а смерть придетъ — не посмотритъ, вѣдь не посмотрѣла она, что Таня совсѣмъ маленькая, а взяла, а бабушка и ждала ее, и все-таки умерла послѣ Тани, смерть придетъ — не посмотритъ, каждому свой чередъ, и Оля перестала бѣгать.

Нянька Фатевна не разъ говорила Олѣ, что Оля бабушку увидитъ, когда придетъ чередъ и сама умретъ. Оля вѣрила, что увидитъ, но это нисколько не мѣняло дѣла: сама смерть оставалась все той же неотвратимой.

Нянька Фатевна не разъ говорила Олѣ, что въ Пасхальную ночь мертвые встають изъ гроба. Оля вѣрила, и всякій разъ въ Пасхальную ночь ей казалось, что среди сидящихъ у церкви съ пасхами бабъ въ бѣлыхъ и длинныхъ, какъ саванъ, намиткахъ, сидятъ мертвые.

Кто-то никому неизвѣстный и когда — неизвѣстно, приходитъ, отнимаетъ у человека глаза, — и глаза больше не видятъ, отнимаетъ уши, — и уши больше не слышатъ, отнимаетъ языкъ, — и языкъ ужъ не говоритъ, сковываетъ по рукамъ и по ногамъ, — и ничего не подѣлаешь, не повернешь и не оставишь.

Сторожихой въ пансіонѣ Прасковьи Ивановны Пѣнкиной была, какъ жердь, длинная и сухая старуха Ѳедосья. Когда Ѳедосья говорила, видно было, какъ челюсть движется, и всегда вся въ синемъ: юбка синяя, кофта синяя. Называли Ѳедосью просто «отхожей бабой». Сидѣла она въ комнатѣ, гдѣ стоялъ умывальникъ и висѣли дѣтскія платья, — комнатка находилась далеко отъ залы и спаленъ на другомъ концѣ дома.

Какъ-то вечеромъ отправились гимназистки къ Ѳедосьѣ и стали просить рассказать сказку. Ѳедосья согласилась и принялась рассказывать и всѣ, что ни на есть, сказки про смерть: и веселая-то она, и смѣшная, но больше такая, что ни за что ужъ никому и никогда отъ нея не уйти. Рассказывала Ѳедосья, а челюсть у ней такъ за каждымъ ея словомъ и двигалась.

Оля никогда больше не просила рассказывать и стала бояться Ѳедосьи, а Ѳедосья вся въ синемъ, сухая, костлявая, сидѣла съ чулкомъ въ комнаткѣ на другомъ концѣ пансіона, ввѣчала чулокъ, — сторожила дѣтскія платья.

* * *

Оля богомольная, не пропуститъ ни одной вечерни. Ходитъ она въ старый монастырь, куда отпускаютъ ее одну, — монастырь совсѣмъ близко. Вся грудь у Оли въ крестикахъ и образкахъ — ихъ много у ней всякихъ, и мѣдныхъ, и кипарисовыхъ на разноцвѣтныхъ ленточкахъ и шнуркахъ.

За службой Оля молится о урокахъ, молится о Танѣ, а когда мать переѣхала въ городъ, молилась особенно объ отцѣ, — чтобы ему не было страшно, — такъ какъ одинъ онъ въ домѣ, а одному жить страшно, въ особенности осенью, когда деревья шумятъ и собаки воютъ.

Оля усердно молится, вѣруетъ и знаетъ, что молитва исполнится.

Еще при жизни бабушки разъ захворала мать и такъ тяжело, что и докторъ былъ, и пріѣхалъ батюшка. Пріѣздъ батюшки съ дарами въ особенности подѣйствовалъ на Олю. Всѣхъ дѣтей бабушка повела изъ комнаты матери въ залу и сказала, что матери плохо и что они должны за нее молиться.

Поставила дѣтей на колѣни передъ образами, — темно было въ залѣ, только лампадка горѣла. И дѣти молились, кричали, просили своими словами, кричали, чтобы мама не умирала. И Оля не помнитъ, сколько времени она кричала — ничего не видѣла, — ни иконъ, ни сестеръ, ни брата, и ничего не слышала — ни часовъ на каминѣ, ни другихъ, какъ сестры и братъ молились, а когда встала съ колѣнъ — мать не умирала, матери стало легче.

Оля вѣрила и знала, что если усердно молиться, исполнится молитва и даже смерть не тронетъ, смерть остановишь.

* * *

Первая книга, которую прочитала Оля, называлась «Брось хлѣбъ позади, очутится впереди». Въ этой книгѣ описывалось исторія дѣвочки Эммы и мальчика Доминика.

И вотъ приснилось Олѣ, будто лежитъ на столѣ свѣтло-шеколадная матерія, а Эмма будто говорить, что это и есть Богъ. Олѣ такъ стало страшно, она и проснулась.

Нестерпимую муку испытала Оля, когда, проходя Новый Завѣтъ, услышала въ первый разъ о страстяхъ. Ночами рыдала, не зная, какъ поправить непоправимое, и не могла примириться, что ужъ поздно, и не вернуть тѣхъ дней.

«Можетъ быть, — думала Оля, — ѣхать мнѣ въ Иерусалимъ и тамъ чтонибудь сдѣлать?»

А не сдѣлавъ чего-то, что поправило бы это непоправимое — какъ же она жить будетъ?

Еще до гимназiи, въ Ватагинѣ проснулась Оля ночью, — комната, гдѣ спала она, рядомъ со столовой, дверь въ столовую была открыта, въ столовой стоялъ огромный старинный диванъ, — и вотъ показалось, весь диванъ занятъ: лежитъ чортъ.

И когда она такъ подумала, что лежитъ чортъ, изъ столовой ясно донесся голосъ.

— Да, да, да, — говорить будто чортъ.

А въ пансионѣ у нѣмокъ просыпается Оля среди ночи и слышитъ, какъ въ печкѣ заворчалось что-то и потомъ закурлыкало въ родѣ какъ бы индюкъ заворчалъ.

«Это чортъ», — подумала Оля.

Какія пошли страшныя ночи! Всѣ уснуть, она одна не спить. И вотъ однажды не было ужъ терпѣнья, дышать стало страшно.

— Марина! — покликкала Оля, — подойди ко мнѣ.

— Что тебѣ? — отозвалась Марина.

— Иди.

Когда Марина подошла, страхъ еще больше охватилъ Олю.

«А что, — вдругъ подумалось ей, — если это не Марина, а чортъ Мариной представился?»

— Перекрестись, — прошептала Оля.

— Ну, теперь и ты перекрестись, — чуть не вскрикнула Марина: широко были раскрыты глаза ея.

Оля перекрестилась.

И Марина сѣла рядомъ. Но вдругъ у Оли еще разъ вспыхнуло сомнѣніе и, читая «да воскреснетъ Богъ», принялась она крестить Марину.

— Я дѣйствительно Марина, я не исчезнула, — сказала Марина.

И теперь уже не боясь другъ друга, сидѣли онѣ рядомъ на кровати въ какомъ-то страшномъ ожиданіи. И вотъ обѣ ясно слышали, какъ на трехъ огромныхъ ногахъ кто-то прошелъ мимо, ясно слышали: на трехъ ногахъ шельъ.

И прижавшись другъ къ дружкѣ, продрожали ночь.

Вѣра Сахарова, примѣтивъ, какъ Оля по ночамъ боится, иногда ночью надѣвала на себя простыню и тихонько подходила къ Олиной кровати и стояла неподвижно вся въ бѣломъ, бѣлая, какъ бѣлый мраморъ, съ распущенными черными косами.

Оля знала, что это не привидѣніе, что это Вѣра Сахарова — красивая, но всякій разъ, когда, просыпаясь, вдругъ видѣла ее, сердце переставало биться.

На утро Вѣра Сахарова увѣряла, что и не думала появляться, что спала на своей кровати крѣпко, а что вотъ Олѣ просто всюду страхи мерещатся.

Нерѣдко измучившись, изморившись страхами, Оля забивалась подъ кровать и тамъ подъ кроватью проводила ночь.

Всѣмъ было извѣстно, что Вѣра Сахарова ведетъ дневникъ, и давно всѣхъ разбирало любопытство прочитатъ. Вѣра Сахарова прятала дневникъ, но мѣсто, куда она его прячетъ, было въ концѣ концовъ отыскано. Оставалось только ждать случая, когда можно было бы приняться за чтеніе. И случай такой представился. Вѣра Сахарова ушла изъ пансіона въ гости и долго не возвращалась.

Оля была противъ чтенія, уговаривала дѣвочекъ не трогать тетрадки. Оля цѣнила, что Вѣра Сахарова прячетъ тетрадь, понимала, какъ можно беречь и хранить свою вещь. У Оли тоже были завѣтныя вещицы: кромѣ маленькаго глобуса да нѣсколькихъ пестрыхъ коробочекъ, былъ у ней самый обыкновенный карандашъ, но который она хранила, какъ свое, только ей одной принадлежащее, и никому никогда этого карандаша не показывала. Оля представляла себѣ, какъ будетъ обидно и горько, если Вѣра Сахарова узнаетъ, что ея тетрадь трогали.

Но Олю гимназистки не послушали. Достали дневникъ, потушили лампу и, примостясь на Олиной кровати подъ лампадку, приступили къ чтенію.

Взяло любопытство и Олю, и какъ ни была она противъ, а подсѣла къ лампадкѣ. И вотъ на самомъ интересномъ мѣстѣ, когда послѣ описанія подругъ, очередь дошла до Оли, — «Оля Ильменева, — начала читать Гореславская, — дѣвочка двѣнадцати лѣтъ очень хорошенькая» — въ эту самую минуту упала лампадка.

Вся дрожала Оля, ждала себѣ наказанія: она поступила дурно и знала, что поступаетъ дурно, вотъ и упала лампадка! Да это еще что: ее скрючить, скорчить всю, какъ батюшку Свободина, и она не будетъ ходить, а поползетъ на четверенькахъ, какъ ползъ батюшка за гробомъ до церкви и отъ церкви до кладбища.

Оля долго не могла опомниться.

Страшный судъ, который можетъ каждую минуту наступить, смерть, которая можетъ каждую минуту взять, чортъ, который страшнѣе всякой смерти и всякихъ страховъ, неправимость страстей Господнихъ, но которую надо непременно устранить, наказаніе, которое непременно приходитъ за вся-

кій дурной поступокъ, и, наконецъ, Богъ, который можетъ отмѣнить страшный судъ, остановить смерть, уничтожить всякій страхъ чорта, поправить непоправимое, и не посылать наказаніе, и все это можетъ сдѣлать по молитвѣ, если молиться, какъ тогда, какъ мать умирала, чтобы ничего не слышать—ни часовъ на каминѣ, ни другихъ, какъ молились сестры и братъ, чтобы ничего не видѣть, ни иконъ, ни сестеръ, ни брата, а только кричать, просить с в о и м и словами, — вотъ тайный и скрытый міръ, какимъ живетъ Оля, и не обмолвится.

Мысли объ этомъ таинственномъ мірѣ отходили, прятались, но никогда не пропадали, и весь смѣхъ, шалости и потѣхи не затрагивали этихъ мыслей, готовыхъ всякую минуту всплыть и закружить голову, а сердце заставить мучиться, а глаза плакать.

Цѣлыми недѣлями задумчивая и неразговорчивая, Оля вдругъ приходила въ неистовую веселость, бѣгала, хохотала, кричала, доходя до послѣднихъ шалостей и продѣлокъ, но веселость также внезапно смѣнялась раздумьемъ, и ужъ не слышно было Олиного звонкаго голоса и веселаго выразительнаго смѣха: молчаливая, роясь въ своихъ мысляхъ и мучаясь, бродила она необщительнымъ одинокимъ звѣрькомъ или сидѣла на одномъ мѣстѣ, какъ сова, уставясь сѣрыми большими глазами, ничего не слыша и ничего не видя кругомъ себя.

VI.

При пансіонѣ Линде былъ огромный фруктовый садъ, одна часть сада сдавалась, въ другой занимались гимназистки.

Осенью такъ хорошо въ садахъ, когда въ ясный тихій день всѣ деревья словно загораются, и такъ хорошо воровать яблоки, — спѣлыя висятъ онѣ самыя вкусныя, крѣпкія и румяныя, и зорко слѣдятъ караульщики.

Рѣдкая гимназистка не воровала яблоки, хоть и поприезено было изъ дому у каждой большой запасъ.

Княжну Шахъ-Булатову вызвали въ пріемную. Немного спустя она снова появилась въ саду, но не одна, а съ черной страшной старухой.

- Баба-яга, — сказала Оля.
- Настоящая Баба-яга, — согласилась Марина.
- Носъ крючкомъ, — разсматривала Оля старуху.
- Черная, — широко раскрыла глаза Марина.
- Ты не знаешь, Марина, зачѣмъ она тутъ?
- Бабушка.
- Чья бабушка?
- Шахъ-Булатовой.

А старуха посидѣла съ княжной, поговорила о чемъ-то и ушла.

— Ты моей бабушкѣ очень понравилась, она говоритъ, что у тебя лицо поэтическое, — проводивъ старуху, подошла княжна къ Олѣ.

Оля только глядѣла на свою золотую красавицу и улыбалась ей.

Черезъ недѣлю снова появилась въ саду черная бабушка. Былъ такой же свѣтлый хорошій день, какъ тогда, все словно горѣло и было золотымъ, какъ золотая княжна.

И опять сидѣла старуха съ княжной, о чемъ-то шептались. Потомъ княжна поднялась, подошла къ Олѣ.

— Бабушка съ тобой хочетъ познакомиться, — сказала княжна.

Оля пошла за ней.

Беззубымъ ртомъ улыбалась старуха, два огромныхъ черныхъ клыка показывала Олѣ.

— Бабушка, Оля всего Евгенія Онѣгина наизусть знаетъ.

— Ну, прочитай мнѣ Онѣгина, — старуха гладила Олю по головкѣ, — прочитай, я люблю Онѣгина.

Оля читала. Старуха сидѣла и слушала. Оля долго читала.

— Ты ко мнѣ придешь? — перебила старуха.

— Непремѣнно приду, — вся покраснѣвшия и ясно глядя въ безпокойные острые глаза, сказала Оля.

— Такъ не забудь же! — и старуха поцѣловала Олю, а Олѣ показалось, будто не губы у ней, а какая то скользкая кость, и стало непріятно, отошла и сплюнула.

— Ей Богу, вѣдьма, ей Богу, вѣдьма! — говорила Марина и широко раскрыты были глаза ея.

Въ первое же воскресенье княжна съ Олей отправились послѣ обѣдни къ бабушкѣ.

Къ обѣду вернулись въ пансіонъ.

Сама не своя вернулась Оля. И вечеръ, слѣдующій день и вечеръ, и слѣдующій день и вечеръ, и всѣ три ночи видно было, что неладное творится съ ней, но только она ни слова никому не сказала и была тихая. А на третье утро, когда итти въ гимназію, она не раскрыла своей шкатулки, не посмотрѣла на свой маленькій глобусъ, коробочки и карандашъ, только стянула крѣпче лифчикъ и рано, раньше, чѣмъ обыкновенно, вышла изъ пансіона.

Въ это время совсѣмъ неожиданно пріѣхала изъ Ватагина Наталья Ивановна, — Оля столкнулась съ матерью у калитки.

За разспросами о томъ, о семъ, Оля рассказала о бабушкѣ. Она рассказала, какъ познакомилась съ этой бабушкой, какъ въ воскресенье съ княжной въ гости къ ней ходили, какъ онѣ долго шли, — бабушка жила за каланчей на краю города, — какой домъ у бабушки въ саду за деревьями, — сразу не увидишь, какъ чисто и хорошо у бабушки въ комнатахъ, какія иконы и какія лампадки, какъ бабушка обрадовалась Олѣ и угощала шеколадомъ, и какъ потомъ княжна куда-то ушла, а Оля осталась одна со старухой.

«Оля, — сказала бабушка, когда остались однѣ, — ты должна посвятить себя Богу».

«Да», — твердо отвѣтила Оля.

«Лѣвую грудь надо отрѣзать и положить подъ образа», — сказала старуха.

Олѣ страшно вдругъ стало и она ничего не отвѣтила.

«Согласна?»

Оля молчала.

«Лѣвую грудь надо отрѣзать и положить подъ образа, согласна?» — повторила старуха.

«Согласна»

«Ну такъ подумай объ этомъ и опять приходи», — старуха поцѣловала Олю.

Все это рассказывала Оля просто, какъ такое, что уже не

тайна и что теперь рассказывать можно, и не замѣтила, что мать встала со стула и вся измѣнилась.

— Мама, я готова, я посвящу себя Богу.

* * *

А черезъ годъ весной Оля утонула — едва откачали.

Катались вечеромъ по Сугрѣ на лодкахъ, — много было гимназистокъ, пристали къ берегу и рѣшили купаться. Купались хорошо, весело, а какъ ужъ выходить на берегъ, Женя Гореславская еще поплыла и поплыла въ кручу, стала тонуть. Бросилась за ней Марина, вывела изъ кручи Женю, а сама осталась. Бросилась Оля, схватила Марину за руку, а Марина — подъ себя Олю, да на нее ногами стала и выплыла, — Оли и признака нѣтъ. Рыбаки спасли. Едва откачали.

И съ тѣхъ поръ у Оли глаза словно прояснились, и сѣрые стали, какъ озеро воды, то зеленые, то голубые — и темные сѣрые въ черный годъ.

Вл. Сиринъ

ДѢТСТВО.

I.

При звукахъ нѣкогда подслушанныхъ минувшимъ,
— любовью молодой и счастьемъ обманувшимъ, —
предъ вывѣтшей давно, знакомою строкой,
съ улыбкой начатой, дочитанной съ тоской,
порой мы говоримъ: ужель все это было?
И удивляемся, что сердце позабыло,
какая чудная намъ жизнь была дана . . .

II.

Однажды, грусти полнъ, стоялъ я у окна:
братишка мой въ саду, — Богъ вѣсть во что играя, —
клатъ камни на карнизъ. Вдругъ, странно замирая,
подумалъ я: ужель и я такимъ-же былъ?
и въ этотъ мигъ все то, что позже я любилъ,
все, что извѣдалъ я, — обиды и успѣхи, —
все затуманилось при тихомъ, свѣтломъ смѣхѣ
возставшихъ предо мной младенческихъ годовъ.

III.

И вотъ мнѣ хочется въ размѣрѣ простыхъ стиховъ
то время заключить, когда мнѣ было восемь,
да, только восемь лѣтъ. — Мы ничего не просимъ,
не знаемъ въ эти дни, но многое душой
ужь можемъ угадать. — Я помню домъ большой,
я помню лѣстницу, и мраморной Венеры
межъ оконъ статую, и въ дѣтской полу-сѣрой
и полу-золотой непостоянный свѣтъ.

IV.

Вставалъ я нехотя. (Какъ будущій поэтъ,
предпочиталъ я сонъ дѣйствительности ясной.
Конечно, — не всегда: какъ торопилъ я страстно
медлительную ночь предъ свѣтлымъ Рождествомъ!)
Потомъ до десяти, склонившись надъ столомъ,
писалъ я чепуху на языкѣ Шекспира,
а послѣ шель гулять...

V.

Отдалъ-бы я полъ міра,
чтобъ снова увидать міръ яркій, молодой, —
который видѣлъ я, когда ходилъ зимой
вдоль скованной Невы, великолѣпнымъ утромъ!
Снѣгъ, отливающій лазурью, перламутромъ,
туманомъ розовымъ подернутый гранитъ, —
какъ ранняя лѣта все нѣжитъ, все плѣнитъ!

VI.

Тревожишь ты меня, сонъ дальній, сонъ невѣрный...
Какъ сказочень былъ свѣтъ сквозь арку надъ Галерной!
смѣхъ дѣвочекъ-подругъ стукъ санокъ удалыхъ,
А горка изо льда межъ липокъ, городскихъ,
рябые воробы, чугунная ограда?
О сказка милая, о чистая отрада!

VII.

Увы! Все мнѣ теперь, все кажется другимъ:
соборъ не такъ высокъ, и въ скверѣ передъ нимъ
давно деревьевъ нѣтъ, и ужъ шаровъ воздушныхъ,
румяныхъ, голубыхъ, всѣмъ вѣтеркамъ послушныхъ,
на сѣрой площади никто не продаетъ . . .
Да что и говорить! Мой городъ ужъ не тотъ . . .

VIII.

Зато остались мнѣ тѣхъ дней воспоминанья:
я вижу вновь, какъ, возвратясь съ гулянья,
позавтракавъ, ложусь въ кроватку на часокъ.
Въ мечтаньяхъ проходилъ назначенный мнѣ срокъ . . .
Садилась рядомъ мать и мягко цѣловала
и пароходики въ альбомъ мнѣ рисовала . . .
Полезнѣй всѣхъ наукъ былъ этотъ мигъ тиши!

IX.

Я разноцвѣтные любилъ карандаши,
пахучихъ сургучей густыя капли краски,
бразильскихъ бабочекъ и англійскія сказки.
Я чутко имъ внималъ. Я былъ героемъ ихъ:
какъ грозный рыцарь смѣлъ, какъ грустный рыцарь тихъ,
колѣнопреклоненъ предъ смутной, предъ любимой . . .
О какъ влекли меня, — Ричардъ непобѣдимый,
свободный Робинъ Гудъ, туманный Ланцелотъ!

X.

Картинку помню я: по озеру плыветъ
широкій, низкій челнъ; на немъ простерта дѣва,
на траурномъ шелку, средь бѣлыхъ розъ, а слѣва
отъ мертвой, на кормѣ таинственный старикъ
сѣдою головой въ раздуміи поникъ,
и праздное весло скользитъ по влагѣ сонной,
межъ лилій водяныхъ . . .

XI.

Глядѣлъ я, какъ влюбленный,
мечтательной тоски, видѣній странныхъ полнъ, —
на блѣдность этихъ плечъ, на этотъ черный челнъ;
и нынѣ, какъ тогда, вопросъ меня печалитъ:
къ какимъ онъ берегамъ — невѣдомымъ — причалитъ,
и дѣва нѣжная проснется ли когда?

XII.

Назадъ, скорѣй назадъ, счастливые года!
Вѣдь я не выполнилъ завѣтовъ вашихъ тайныхъ,
вѣдь жизнь была потомъ лишь цѣлью дней случайныхъ,
прожитыхъ безъ борьбы, забытыхъ безъ труда.
Иль нѣтъ, ошибся я, далекіе года!
Одно въ душѣ моей осталось неизмѣннымъ, —
и это — преданность видѣньямъ несравненнымъ,
— молитва ясная предъ чистой красотой.
Я ей не измѣнилъ, и нынѣ предъ собой
я дверь минувшаго безъ страха открываю
и безъ раскаянья былое призываю!

XIII.

Та жизнь была тиха, какъ ангела любовь.
День мирно протекалъ. Я вспоминаю вновь, —
безоблачныхъ небесъ широкое блистанье,
въ коляскѣ медленной обычное катанье
и въ предзакатный часъ — бисквиты съ молокомъ.
Когда-же сумерки сгущались за окномъ,
и шторы синія, скрывая мракъ зеркальный,
спускались, шелестя, и свѣтъ полу-печальный
полу-отраднѣе лампъ даль комнатъ озарялъ, —
— безмолвно, самъ съ собой, я на полу игралъ;
въ невинныхъ вымыслахъ, съ безпечною священной,
я жизни подражалъ по дѣтски-вдохновенно;
изъ толстыхъ словарей мосты сооружалъ.
и поѣздъ заводной увѣренно бѣжалъ
по рельсамъ жестянымъ. . .

XIV.

Потомъ — обѣдъ вечерній.
Ночь приближается, и сердце суевѣрнѣй.
Ужъ постлана постель, потушены огни.
Я слышу надъ собой: Господь тебя храни . . .
Кругомъ чернѣетъ тьма и только щель дверная
полоской узкою сверкаетъ, — золотая.
Блаженно кутаюсь, и ножки подобрать.
вникаю въ радугу обѣщанныхъ забавъ . . .
Какъ сладостно тепло! И вотъ я позабылся . . .

XV.

И странно: мнится мнѣ, что сонъ мой долго длился
что я проснулся лишь — теперь, и что во снѣ,
во снѣ младенческомъ приснилась юность мнѣ;
что страсть, тревога, мракъ — все шутка домового
что вотъ сейчасъ, сейчасъ ребенкомъ встану снова
и въ уголку свой мячь и паровозъ найду . . .
Мечты! . . .

XVI.

Пройдутъ года, и съ ними я уйду,
веселый, дерзостный, но втайнѣ беззащитный,
и послѣ, можетъ-быть, потомокъ любопытный,
стихи безбурные внимательно прочтя,
вздохнеть, подумаетъ: онъ сердцемъ былъ дитя!

Вл. Сиринъ.

А. Даманская

СОВѢТСКІЕ ПОПОВИЧИ.

*... А кто соблазнить одного из
малых сихъ, върущихъ въ Меня,
тому лучше было бы, если бы пове-
сили ея у мельничной жерновъ на шею
и потопили его во глубинѣ морской.
(Мат.ея, 18, 6).*

Марью Степановну Остроухову оставили жить въ церковной оградѣ, но давали понять: не очень-то большое удовольствіе отчитываться за бѣжавшаго попа... Гдѣ находится? И не въ перепискѣ-ли съ нимъ семья? И если не контръ-революціонеръ, отчего не возвращается?

Замѣститель о. Николая, и дьяконъ, и староста изъ мѣстныхъ купцовъ ладили съ совѣтскими властями: «Ничего не знаемъ... Не партійные мы... Слуги Божіи....»

Съумѣли даже паекъ выхлопотать для причта, и когда комиссаръ изъ латышей, веселый бѣлозубый молодой человѣкъ, какъ-то вернулъ, что не худо-бы все таки удалить изъ церковной ограды «нежелательный элементъ», дьяконъ, человѣкъ догадливый и обходительный, сдѣлалъ видъ, что не разслышалъ, и любезно предложилъ:

— «Что — квартиры не нашли еще для новаго дѣлопроизводителя? Нѣтъ? — А что, если бы его къ Марьѣ Степановнѣ? Потѣснятся — ничего... Нельзя же человѣку безъ помѣщенія...»

Комиссаръ удивленно на него взглянулъ. Дѣлопроизводителя изъ Чрезвычайки ни въ одномъ домѣ въ жильцы не брали, подъ разными предлогами уклонялись... А реквизировать нечего было больше. Но дьяконъ еще разъ и убѣжденно повторилъ: «Безъ помѣщенія человѣку нельзя...»

И комиссаръ ушелъ, довольно улыбаясь. Дьяконъ отправился къ Марьѣ Степановнѣ.

Въ солнечномъ залѣ, съ низкимъ недавно выбѣленнымъ къ Троицѣ потолкомъ, съ мебелью въ штопаныхъ фѣлыхъ чехлахъ и фикусами въ кадкахъ, игралъ на клавикордахъ старшій сынъ бѣжавшаго въ Эстонию попа, четырнадцатилѣтній Вадимъ. Старчески прислонившись къ спинкѣ стула, стоялъ его костыль. У мальчика было убогое, изуродованное туберкулезомъ тѣло и нѣжное, милое лицо съ искрами въ синихъ глазахъ. Дьяконъ остановился въ дверяхъ, послушалъ, умиленно покачалъ головой. Калѣка игралъ «Ноченьку», съ сложными украшеніями, съ хитрыми варіаціями. Быстро бѣгали его пальцы по пожелтѣвшимъ костяшкамъ, и стонали ослабѣвшія струны, подпрыгивали рамки и вазочки на крышкѣ, и канарейка въ клѣткѣ подъ потолкомъ истерически вопила, стараясь перекричать клавикорды и подпѣвавшій имъ чистый дискантъ Вадима.

Мальчикъ, не поднимая головы, предупредилъ вопросъ діакона: — «На обрывѣ мама».

Гость пошелъ въ садъ черезъ столовую, зелено-сумеречную отъ деревьевъ за окнами. Попадью онъ нашелъ на крутомъ берегу Великой, со всѣми четырьмя «архаровцами» — такъ прозвали когда-то за буйный нравъ поповичей погодковъ. Теперь уже не буянили, притихли, но «архаровцы» за ними остались...

— Что это — снятки сушите? Откуда столько? — удивился діаконъ, учтиво поклонившись матушкѣ.

Она застыдилась, покраснѣла. Мальчики, всѣ на одно лицо, большеглазые, сухіе, смуглые, босоногіе, въ короткихъ уже не по ногамъ штанишкахъ съ заплатами и прорѣхами на самыхъ неудобныхъ мѣстахъ, стали, перебивая другъ друга, объяснять — откуда.

Пароходъ вчера привезъ изъ Эстоніи. Много, много для «Продкома»... Матросы, когда разгружали, тѣму разсыпали.... Вотъ, они и пособрали... Грязные очень были. Сколько ногъ по нимъ прошло, — ну, промыли, ничего, подсохнутъ, съѣдятъ.

Дьяконъ слушалъ, глядя мимо. Отогнулъ край порыжѣвшей люстриновой ряски, присѣлъ на камень, и посмотрѣлъ въ одну, въ другую сторону. Покойно, широко текла Великая. По одной сторонѣ золото на водѣ, по другой затѣненная прибреж-

ными садами синь, и въ ней опрокинутые куполами вверхъ монастыри, Ивановскій, ярко бѣлый, стройный, и дальше, гдѣ зеленый берегъ острымъ угломъ врѣзался въ воду, уютно-старая, широкая, освѣщая Мирошкинская обитель. Кругомъ парно синѣли лѣса. Чудовищными обрубками торчали въ воздухъ разорванные ядрами мосты, а отраженія ихъ въ водѣ были красивы и нѣжны.

— «Красота!» — не удержался дѣяконъ, и, не встрѣтивъ сочувствія ни въ «архаровцахъ», ни въ попадѣ, дѣловито заговорилъ:

— «Быть можетъ, и не придется больше отбросы просушивать... Жильца я вамъ нашелъ... Съ пайкомъ, и съ какимъ! Ой-ой! Давай Богъ всякому...»

Попадья, еще красивая, съ легкой просѣдью въ пышныхъ волосахъ, съ печальными складочками у губъ и молодыми синими глазами, не успѣла ни удивиться, ни обрадоваться. Дѣяконъ ошарашилъ:

— «Дѣлопроизводителя изъ Чрезвычайки...»

Остроухова уронила руки вдоль бедеръ. Мальчики, какъ по командѣ, кругло, по вороньи раскрыли рты.

— Шутите, о. дѣяконъ? — съ тихимъ укоромъ промолвила попадья.

Дѣяконъ всталъ, суетливо развелъ руками:

— Отнюдь нѣтъ, матушка. Хорошій жилецъ, благодарить будете. И потомъ съ такимъ человѣкомъ... — онъ быстро оглянулся и добавилъ тихо и многозначительно: «Всегда покойнѣе... Вѣрьте, знаю, что говорю»...

— О. дѣяконъ, на минувшей недѣлѣ разстрѣляли въ псковской тюрьмѣ пятьдесятъ человѣкъ... Они даже не скрываютъ — въ газетѣ печатаютъ.

— Я читалъ... — напряженно глядя на дѣякона, шопотомъ подтвердилъ Степа, старшій изъ четырехъ мальчиковъ, и его смѣшно-топырившіяся уши зашевелились.

— «Ш-ш-ш-...—оборвалъ его дѣяконъ и опять оглянулся.— Не наше дѣло, не намъ судить... Господь Богъ разберетъ. А только дѣлопроизводитель не казнить, онъ бумаги пишетъ. И слыхалъ я отъ землемѣра, какое-то дѣло до него имѣлъ, что даже пріятный и скромный человѣкъ».

Онъ выразительно взглянулъ на побѣлѣвшую попадью, быстро мигнулъ на ея испуганные глаза, но сказалъ:

— «Я вамъ очень совѣтую»... — И покачалъ головой укоризненно - грустно, чтобы виднѣе было, какъ онъ не одобряетъ ея нерѣшительности.

«Архаровцы» внезапно повскакали съ мѣстъ — въ воздухѣ только грязныя пятки замелькали. Сообщить брату Вадиму. Выпалили всѣ сразу — тра-та-та-та... Будто черепицы съ крыши затарахтали: «Изъ Чрезвычайки къ намъ жилецъ!...»

Калѣка ловко выводилъ замысловатую трель въ скрипичномъ ключѣ. Онъ оборвалъ, и тотчасъ же замолкла канарейка. Выслушавъ братьевъ, онъ равнодушно, недовѣрчиво послалъ ихъ къ чорту, и опять застонали струны, зазвенѣли вазочки и рамки съ потрескавшимися стеклами. Канарейка опять неистово кричала подъ потолкомъ...

Черезъ два дня къ Остроуховой переѣхалъ дѣлопроизводитель псковскаго Чека. Высокій, немного сутулившійся молодой человекъ, съ угрями на подбородкѣ, съ тупымъ короткимъ носомъ, сѣрыми водянистыми глазами, свѣтловолосый, напомаженный, гладкій. Говорилъ пріятнымъ баскомъ, несмѣло смотрѣлъ въ глаза. Совсѣмъ не страшный. Мальчикамъ, помогавшимъ перетаскивать его вещи съ телѣжки, — понравился. Черезъ пять минутъ онъ звалъ ихъ уже, какъ крестили, не путая именъ, а они его — Иванъ Петровичъ, и выкрикивали такъ, будто цѣлое тѣло вмѣстѣ раковъ ловили.

Попадья держала себя съ осторожнымъ достоинствомъ, а Вадимъ ушелъ къ товарищу въ Завеличье и вернулся поздно, когда можно было незамѣтно пройти въ клѣтушку безъ оконъ рядомъ съ комнатой, гдѣ спали мать и младшіе братья.

Не успѣлъ онъ раздѣться, мать тихонько окликнула. Онъ заковылялъ. Костыль стучалъ. Мальчики — всѣ четверо сидѣли на кровати матери — испуганно зашикали.

— Сядь... — мать притянула его къ себѣ, провела ладонью по его мокрому лбу. — Ъль?

— Ъль — беззвучно отвѣтилъ онъ.

— Не дури — сказала мать.

Голосъ ея подскочилъ, будто всхлипнулъ.

Она зажала ротъ ладонью, отвела ее и заговорила шопотомъ. Отъ красной лампы тянулся длинной иглой блѣдный лучъ, крутомъ него зыбилась дымчатая лиловая мгла. Густой садъ впитываль свѣтъ сѣверной ночи. Въ спальнѣ было темно. Надъ окномъ, подъ низко нависшими зубцами гонтовой крыши возилась въ гнѣздѣ птица. Вѣтки березы царапали по стекламъ.

Говорили, тѣсно сдвинувшись въ одну кучку, на ухо едва слышно другъ другу. Выработывали планъ дѣйствій.

— Объ отцѣ — ни слова. Гдѣ? Что? Не знаемъ — пропаль безъ вѣсти.

— Скажемъ, бѣлые насильно увели, какъ отступали, — предложилъ одинъ изъ мальчиговъ.

Вадимъ больно сжалъ его за руку выше локтя.

— Не надо врать... — зло прошипѣлъ онъ.

— Нѣтъ, болтать лишняго не надо — примирительно сказала мать. — Ушелъ, и все, пропаль безъ вѣсти... А на что живемъ, если спросить, такъ — что по карточкамъ получаемъ, и вещи продаемъ...

— Вымѣниваемъ, надо сказать, а не продаемъ... — дѣловито вставилъ одиннадцатилѣтній Степа. — Если продавать, то еще за спекуляцію и все такое...

— Какъ Лешину тетку на цѣлый мѣсяць... — уже сонно ворочая языкомъ, добавилъ Тема.

— Да, вымѣниваемъ, на рынкѣ, у бабъ...

— Пускай ищетъ... злорадно предвкушалъ Степанъ.

— И еще... — мать нашла въ темнотѣ горячую сухую руку Вадима, и сжала ее. — Не надо, большевики тамъ, все... Ни въ какіе разговоры... Богъ съ нимъ, совсѣмъ...

Одинъ, другой архаровецъ боднулъ ее головою въ колѣни. Согласились. Вадимъ молчалъ. Потомъ тихо высвободилъ руку изъ пальцевъ матери и медленно прошепталъ:

— Если-бы я могъ, ушелъ-бы я... Къ папѣ ушелъ-бы...

Онъ быстро схватился за костыль. Мать удержала за рукавъ. Перекрестила въ темнотѣ. Мальчики безшумно скатились съ кровати и расползлись по своимъ мѣстамъ.

Остроухова съ дѣтьми сидѣла за покрытымъ дырявой клеенкой столомъ, пили овсяной кофе, заваренный въ самоварѣ съ

продавленными боками, когда изъ зальца пріятный басокъ спросилъ:

— Можно къ вамъ?

«Архаровцы» стрѣльнули другъ въ друга глазами. Вадимъ схватился за костыль. Мать взглядомъ удержала его на стулѣ и учтиво отвѣтила:

— «Пожалуйста...»

Жилецъ, Иванъ Петровичъ, вошелъ, поздоровался со всѣми за руку, сѣлъ на молчаливое приглашеніе попадьи и приступилъ:

— Вотъ я съ какимъ дѣломъ къ вамъ. У меня, видите-ли... Словомъ, не перевариваю я совсѣмъ этого хлѣба, что по карточкамъ — онъ презрительно-жестоко мотнулъ головой на грязно-бурый хлѣбъ съ торчавшими изъ поръ овсяными усиками: — Въ Твери, гдѣ раньше служилъ, я такъ устраивался. Муки у меня по служебному моему положенію достаточно, и хозяйка пекла для меня хлѣбъ. И ей опять же не въ убытокъ. Весь припекъ ей шелъ... Я бы и вамъ такъ предложилъ... Мука же у меня первый сортъ. При хозяйственномъ умѣніи — одно удовольствіе...

Попадья вспыхнула. Мальчики взглянули на мать, переглянулись межъ собою и выжидающе молчали. Вадимъ сидѣлъ, опустивъ глаза въ стаканъ съ недопитой бурдой.

— Справлюсь-ли? Мѣсить очень трудно... — нерѣшительно протянула Остроухова. — Прислуги вѣдь давно не держимъ....

Жилецъ повелъ плечомъ, отогнулъ въ стороны руки, упирившіяся въ столъ кистями — не то обиженно, не то удивленно, и подкрѣпилъ словами: «Но вѣдь вамъ же выгода и дѣтямъ опять-таки...»

Онъ опять снисходительно-жалостливо посмотрѣлъ на хлѣбъ — отъ него пахло кислымъ...

Попадья поспѣшно согласилась. Иванъ Петровичъ предложилъ ей пройти къ нему посмотрѣть его запасы. Степанъ и Коля шмыгнули вслѣдъ за ними и тотчасъ прибѣжали въ сильномъ возбужденіи.

— Во... Во... — они задыхались. — Кульки... такіе... во...

И оба, слѣпивъ пальцы, далеко оттопыривъ большой, показывали, разводя руки, длину и вышину кульковъ и пакетовъ.

Вадимъ безмолвно скребъ пальцемъ по клеенкѣ, — потомъ всталъ и заковылялъ въ садъ.

Попадья долго оставалась въ комнатѣ жильца. Вышла оттуда нагруженная, съ влажными растроганными глазами, съ красными пятнами на щекахъ. За обѣдомъ дѣти принюхивались къ щамъ и кашѣ изъ Совѣтской столовой. То же было, что каждый день, и какъ будто совсѣмъ не то... Мать лукаво, радостно улыбалась, подкладывала, пріохочивала, наклоняясь чаще къ хворому первенцу, къ Вадиму: «Ѣшь, ѣшь-же, коли нравится...»

Первый догадался Степанъ: «Вѣрно, жилецъ масла далъ для приправы... То-то... Федотъ, да не тотъ...»

Вадимъ отодвинулъ тарелку и вышелъ изъ-за стола.

Мать кликнула. Не обернулся. Доѣли безъ него.

Хлѣбъ удался на славу. Припеку оказалось четыре фунта. Извѣшивали всѣмъ семействомъ, въ присутствіи жильца, который такъ же, какъ и «архаровцы», внимательно, напряженно слѣдилъ за колебаніемъ стрѣлки.

— Четыре! — ликующе выпалилъ, какъ пробкой изъ пистолета, Степанъ, и жилецъ съ легкой тѣнью разочарованья въ голосъ, подтвердилъ: «Да... Четыре... Вотъ, видите, и не въ убытокъ».

— Что куличъ... — смаковали мальчики за вечернимъ чаемъ.

Вадимъ нерѣшительно положилъ въ ротъ кусокъ, потомъ потянулся къ ломтю, подсунутому ему матерью, и ѣлъ, ѣлъ, и глаза его отъ удовольствія затянулись пеленою, растворившею въ себѣ ихъ горячій синій блескъ.

Вечеромъ у жильца были гости—сослуживцы, и куда-то съ запискою бѣгали Степа съ Колей. Привезли запечатанный сургучемъ, тщательно обмотанный бичевкой длинный свертокъ и, сдавъ жильцу, метнулись на кухню, закрыли за собою дверь и зашептали матери въ полосатый передникъ: «Мама, вино... Какъ Богъ святъ, вино...»

Мать зажала имъ рты. «Глупости.... по сосѣдямъ пойдеть... Не смѣйте болтать...»

Уложила всѣхъ рано. Предлогъ былъ хорошій: чуть свѣтъ вставать — по грибы...

Долго и громко разговаривали и хохотали гости жильца.

Уже поздно ночью запѣли, что-то стукнуло, что-то разбилось. Въ каморкѣ своей безпокойно ворочался Вадимъ. Мать осторожно, чтобы не скрипнула половица, прошла къ нему, присѣла на узкую кровать.

Онъ взялъ ея руку и прижалъ къ своему мокрому лбу.

— Нехорошо, мама... Слышишь, что поютъ... Похабно, фуй..

Остроухова приникла головой къ его подушкѣ.

— Родной мой... Сынокъ мой... Ну ихъ... Слушать не надо...

Что-же мнѣ... Вадинька мой...

Вадимъ провелъ рукой по ея щекѣ. Вдоль пальцевъ его скользнула теплая слеза. Онъ тихо охнулъ. Ничего не сказалъ. Прижался къ матери, и гладилъ, гладилъ щеки ея, волосы, плечо... Пока дрема не смежила обоимъ глаза.

Степа, Коля, Тема, Митя переминались съ одной босой ноги на другую, краснѣли и нерѣшительно переглядывались.

— Ну, что за церемоніи... Берите... Все равно, кому нибудь отдамъ... Наѣлся — во!

Онъ рѣзнулъ себя указательнымъ пальцемъ по шеѣ. Угри его вздулись за ночь, глаза мутно мигали межъ скомкавшихся желтыхъ вѣкъ. Сытыя лоснившіяся губы кривила зѣвотная усталость. Онъ сидѣлъ полуодѣтый передъ столомъ въ своей комнатѣ, куда зазвалъ дѣтей попотчевать объѣдками.

Большой кусокъ пшеничнаго пирога съ ягодами, свѣжая чайная колбаса со слезами въ порахъ, коробка монпасье, студень — давно невиданныя рѣдкія яства, о которыхъ миллионы людей по Руси вспоминали, какъ о далекомъ счастье,—остатки вчерашняго угощенія магнитомъ тянули къ себѣ глаза дѣтей, и губы ихъ вздрагивали, и руки внутренней непобѣдимой силой отталкивались отъ ихъ худенькихъ туловищъ.

— Ну?

Голось его прозвучалъ уже нетерпѣливо, властно.

Первымъ Степа осторожно протянулъ руку къ столу. За нимъ придвинулись и другіе. Жилецъ совалъ имъ въ руки тарелки, блюда, и говорилъ, икая и брезгливо отворачиваясь: «Все... все... Не хочу...»

Когда дѣти, бормоча «спасибо», «спасибо», уже выходили изъ дверей, онъ остановилъ ихъ:

— А гордецъ вашъ...

Двое старшихъ испуганно вскинули глаза. Иванъ Петровичъ зѣвнулъ, махнулъ рукою: «Ну его... Я ему что другое... Ухъ, спать, спать, спать»...

Онъ потянулся, прищурилъ глаза, сжалъ руки въ кулаки, втянулъ голову въ плечи, потомъ закрылъ дверь и вскорѣ донесся изъ зальца его громкій со свистомъ храпъ.

День былъ воскресный. Звонили колокола. Дѣти ждали мать отъ ранней обѣдни. Имъ ко второй надо было — на клиросѣ пѣть.

Жадно принимаюаясь, перешептываясь, разставляли они на столѣ въ полутемной столовой унесенныя отъ жильца тарелки. Прикоснуться не рѣшались. Маленькій Тема, не отрывавшій глазъ отъ студня, ткнулъ было мизинцемъ въ зыбкую массу, — Степанъ оторвалъ его за плечо.

— Обжора! Подожди, пока мама...

Онъ съ гримасой проглотилъ слюну и убѣжалъ на кухню — раздуть самоваръ. Трое младшихъ остались у стола и напряженно, молча смотрѣли на зазубренный кусокъ пирога, на красно-желтую колбасу, на золотистые, зеленые, алые шарики и сердечки монпасье, невинно-лукавымъ обольщеніемъ томившіе ихъ пустые желудки.

Вадимъ пошелъ съ матерью къ ранней обѣднѣ. Вернулся одинъ.

Онъ вошелъ съ вытянувшимся разстроеннымъ лицомъ, и дѣти испуганно двинулись было къ нему. Но уже не нужно было. Удивленіе, пріятное и жадное, мгновенно преобразило его лицо: закруглило, покрасило легкимъ румянцемъ. Онъ тыкалъ дрожащими пальцами въ тарелки и нетвердымъ голосомъ, притворно незнающимъ, спрашивалъ: «Откуда? Откуда?»

Мальчики зашикали, замотали головами въ сторону зальца. Вадимъ раскрылъ ротъ, поперхнулся несказаннымъ слогомъ и повернулся на голосъ матери. Всѣ высыпали на кухню. Попадья, сѣрая, какъ оберточная бумага, откалывала старенькую шляпку посинѣвшими будто съ морозу руками и громко, слишкомъ громко, спрашивала: «До сихъ поръ самоваръ не готовъ?»

Вадимъ шагнулъ къ ней на костылѣ. Лицо его опять поблѣло.

— Я слышалъ, что они тебѣ сказали... — прошепталъ онъ, дыша ей въ лицо.

— Отстань!

Дѣти растерянно скучились.

— Съ тобою мнѣ... Ты... Ты... — страстно злобно повторила она и быстро ушла въ спальню.

Степанъ съ краснымъ лицомъ, съ наслезившимися отъ самоварнаго дыма глазами подошелъ къ Вадиму. Робко придвинулись и остальные.

— Я знаю... — шопотомъ проговорилъ Степанъ — Дьякониха рассказывала у колодца, когда я воду накачивалъ...

Коля, Митя, Тема раскрыли рты. Вадимъ сжималъ рукою край стола.

— Пятерыхъ вчера разстрѣляли... Это они все, гости его... Арестовали, дьякониха говорила...

— Дѣти, за столъ! — неожиданно громко крикнула мать.

Степа понесъ самоваръ. Робко, молча пошли дѣти къ своимъ мѣстамъ.

— Отъ Ивана Петровича? — фальшиво простымъ голосомъ спросила Марья Степановна, не глядя на дѣтей и мимо тарелокъ. Но спросила такъ, будто пирогъ, колбаса, конфеты ничуть ее не удивили, и будто свой человѣкъ былъ Иванъ Петровичъ, и къ праздничнымъ подношеніямъ его давно привыкла. По-сосѣдски, такъ уже полагается.

Дѣти настороженно вслушивались въ ея голосъ, искали ея взгляда, но не встрѣчали его. Съ ускользящими мимо глазами, по хозяйски широкими движеніями рѣзала она, накладывала, одѣляла. Ложка, ножъ, словно подъ внезапными выстрѣлами или ударами грома, звякали о тарелки и падали изъ рукъ. Дѣти тревожно шевелили острыми плечиками и прижимались грудками къ краю стола. Ъли молча. Ъли долго. Жевали громко, громче. Причмокивали сочнѣе и сочнѣе. Позже всѣхъ сталъ ѣсть Вадимъ. Хлебалъ овсяную бурду съ кислымъ хлѣбомъ. Голова часто вздрагивала на тонкой шеѣ, какъ флюгеръ на легкомъ вѣтру, ноздри и нижняя челюсть дрожали. Потомъ рука неслышно потянулась къ тарелкѣ, онъ поднялъ вѣки, какъ послѣ долгаго сна, послѣ долгой болѣзни. Никто на него не смотрѣлъ. Тогда онъ проглотилъ кусокъ и другой, застучалъ вилкой, но-

жомъ, и лицо его скоро стало какъ у Степана, у Коли, у Мити: покруглѣло, потяжелѣло, и застеклились глаза.

— Довольно... Колбасы немного къ завтраму оставьте... — спокойно, негромко сказала мать. Она сидѣла, прислонившись, къ спинкѣ стула, съ опустившимися плечами, съ опустившимся животомъ, и вытирала лицо пестрымъ платочкомъ. Степанъ съ цоканьемъ оторвалъ языкъ отъ неба, ухарски провель рукою по губамъ.

— Колбасы отваялять тыщъ на двадцать... И откуда они...

— Унеси въ погребъ... И живѣе, собирайтесь въ церковь... — порѣдѣвшимъ, опустѣвшимъ опять голосомъ покрыла мать его слова. Мальчики задвигали стульями, быстро мелкими крестами перекрестились. Поднялъ руку и Вадимъ, и, словно обжегшись, оторвалъ ото лба сложенные для крестнаго знаменія пальцы. Онъ низко опустилъ лицо, потянулся къ костылю и уковылялъ въ садъ. На стеклѣ, заслоненномъ снаружи частой сѣтью вѣтвей, забила муха. Марья Степановна поднялась было, опять сѣла. Локти легли на столъ, голова на локти. И застыла...

Будто умѣляя руки подбрасывали высоко-высоко металлическіе шары, и они ударялись другъ о друга, отпрядали, и широкими кругами разбѣгался звонъ подъ синими небесами.

Марья Степановна подняла голову, вслушалась въ спѣшившіе колокола, шумно двинула стуломъ и пошла на кухню.

Только она чиркнула спичкой — зажечь уже положенныя въ печку полѣнья, — въ узкихъ дверяхъ изъ прихожей появился Иванъ Петровичъ. Въ туфляхъ на босую ногу, въ голубой разстегнутой у ворота сорочкѣ и розовыхъ помочахъ. Щеки, губы, носъ, все было смято, все лоснилось и алѣло. Онъ взялся рукою за далеко разошедшіеся концы воротника.

— Извините... За волицей...

Марья Степановна, не поднимая головы, поднесла спичку къ торчавшимъ изъ печки, какъ птичьи лапки, кончикамъ коричневыхъ прутьевъ — мальчики сунули для растопки.

— Никакъ обѣдня отошла... А вы только еще, только... — съ пріятной учтивостью, скромно улыбаясь замѣтилъ Иванъ Петровичъ, заглянулъ въ печку на зашипѣвшія дрова, и съ искреннимъ участіемъ добавилъ:

— Ну и дрова... Мученье, а не дрова... И много у васъ этого добра?

— Вовсе нѣту... — тихо отвѣтила Остроухова. — Это дѣти у сосѣдей признали.

— А какъ-же къ зимѣ-то... — уже совсѣмъ принялъ къ сердцу Иванъ Петровичъ, какъ домашнюю неприятность у близкихъ, у очень близкихъ людей. Марья Степановна пожалала плечами.

Тогда Иванъ Петровичъ опустилъ концы рубашки, одной рукой растеръ волосатую грудь, другой взмахнулъ и шлепнулъ себя по бедру.

— Тоже — запасъ!.. нечего сказать...

Онъ молча смотрѣлъ съ минуту на Марью Степановну, перебиравшую пересохшіе, будто струпами покрытые снятки, потрянулъ головой и нашель выходъ:

— Ничего... будутъ дрова... Завтра-же раздобуду вамъ ордерокъ... Пріятель мой, что вчера у меня...

У Марьи Степановны застыла въ воздухѣ рука, и онъ внезапно умолкъ.

— Благодарствуйте... — пустымъ безъ звука голосомъ начала Марья Степановна — Что же отъ незнакомаго человѣка... Къ тому же...

Больше не хватило у нея словъ. Но, поднявъ глаза, встрѣтилась съ взглядомъ жильца, бѣгавшимъ по ея обнаженной шеѣ и плечамъ и съ орошеннымъ кровью лицомъ шагнула назадъ и прижалась къ косяку двери.

— Очень услужливый человѣкъ нашъ Поликарпычъ — громко заговорилъ Иванъ Петровичъ и дрожащими пальцами застегнулъ и опять разстегнулъ воротникъ. — Въ городѣ брешутъ про него разное... Не вѣрьте... Вздоръ все... Партийный человѣкъ... Оно, конечно... Какъ и я...

У Марьи Степановны быстро оторвалась нижняя губа отъ верхней. Иванъ Петровичъ, не отводя глазъ отъ ея тѣла, отвѣтилъ на невымолвленный вопросъ: «Понятно, какъ на отвѣтственномъ мѣстѣ, то за всѣмъ долженъ слѣдить».

И уже не отвѣчая на вопросы потемнѣвшихъ глазъ, продолжалъ: «Мы давно все вмѣстѣ... Еще при старомъ строѣ счетчиками на одномъ желѣзномъ складѣ... Потомъ на фронтѣ вмѣ-

стѣ, въ одной ротѣ... Отецъ его торговаль раньше, а теперъ комиссаромъ въ Торопцѣ... И совсѣмъ даже на своемъ мѣстѣ... Лихо живеть старикъ...» — Онъ блудливо улыбнулся, и щелкнулъ пальцами. — А мой вотъ батька при буржуазныхъ понятіяхъ такъ и остался... При судѣ сторожемъ чуть не весь свой вѣкъ служилъ, а какъ судъ упразднили, пошелъ въ кладбищенскіе сторожа... Не угодно-ли? Покойниковъ сторожить...»

Добродушно-насмѣшливо договоривъ, онъ еще разъ погладилъ себя по мохнатой груди, и скрѣпилъ обѣщаніе: «Дрова будутъ... И никакого не будетъ вамъ безпокоительства...»

И зачерпнувъ ковшемъ воды изъ кадки, пріятно улыбнулся и пошелъ къ себѣ.

Недѣли не прошло — привезли дрова. Березовыя, сухія, полѣнья на подборъ — одно къ одному. Два воза подъѣзжали подъ перекрестными, злорадно-удивленными и завистливыми взглядами изъ оконъ всѣхъ четырехъ домиковъ, находившихся въ оградѣ церкви.

Вечеромъ, едва жилецъ Марьи Степановны въ великолѣпныхъ американскихъ сапогахъ, въ новой гимнастеркѣ вышелъ на улицу, въ деревянный флигелекъ появился о. діаконъ.

Не привѣтилъ по обычному, не сѣлъ. Серьезно и внимательно но глядя на Остроухову, освѣдомился:

— Ну, какъ у васъ?... Собрался вотъ... провѣдать...

Марья Степановна быстро наклонилась надъ столомъ — прикрыть грудью скроенную бѣлую въ лиловыхъ полоскахъ сорочку. Но уже діаконъ примѣтилъ.

— И мануфактуры никакъ раздобыли? Откуда? — удивился онъ.

— Это Вадиму сорочку... жилецъ досталь... — не поднимая головы, поблѣвшими губами, отвѣтила Марья Степановна. — У него смѣны нѣтъ... Когда стираю рвань, что на немъ, голышемъ ходитъ.

Діаконъ молча побарабанилъ пальцами по клеенкѣ стола.

— Такъ-такъ... И дровъ, слыхаль, получили... На всю зиму запасецъ?

— Да, получила... — съ сердцемъ, съ вызовомъ подтвердила попадья.

На крылечкѣ, за стеклянной дверью стукнулъ костыль Вадима.

— Мнѣ на пай выдали — добавила она, будто уздою сдерживая свой голосъ. Я на службу поступила...

Игла, прыгавшая въ ея рукѣ, ткнулась не въ сметанный рубецъ, а въ большой палецъ. Она присосала его и зажала въ правой рукѣ.

— На службу... Куда? — тихо, почти торжественнымъ отъ волненія голосомъ спросилъ діаконъ.

— Въ Комгорхозъ — раздѣльно каждый слогъ вымолвила Остроухова. — Тамъ паи... Она не успѣла кончить. Вадимъ ввалился въ столовую, и костыль его стучалъ такъ громко, словно цѣлый десятокъ калѣкъ безпомощно спѣшили куда-то. Глаза лѣзли изъ головы. Больнымъ потомъ блестяло желтое лицо. И заговорилъ, закричалъ высокимъ, срывающимся, взвизгивающимъ голосомъ:

— И мало, мало тебѣ дали... Въ Завеличѣ, я тамъ былъ сегодня — всѣ, что въ Комгорхозѣ, по три воза получили, и еще общали... И десять аршинъ парусины каждому... Да, да, — я самъ видѣлъ... Вы не вѣрите? — злобно и страстно бросилъ онъ діакону — я самъ видѣлъ...

У него осѣкся голосъ. Въ горлѣ его забулькало, какъ въ кипящемъ горшкѣ. Костыль выскользнулъ изъ подъ мышекъ и грохнулся о полъ. Остроухова успѣла подхватить его за ребра и усадила на стулъ. Закрывая своимъ тѣломъ сына, она молящими глазами взглянула на діакона. Онъ понялъ. Надвинулъ на глаза порыжѣвшую шляпу и молча ушелъ.

— Вадя... Вадя... Вадя... — зашептала надъ мальчикомъ мать.

Онъ сбросилъ ея руку съ своего плеча, хищнымъ звѣринымъ движеніемъ притянулъ къ себѣ сорочку, и прежде чѣмъ Остроухова успѣла опомниться, изорвалъ ее въ клочки.

Степа, Коля, Тема, Митя затоптали босыми ногами въ прихожей, ворвались съ какой-то новостью на устахъ и растерянно остановились на порогѣ. Робко, тихо одинъ за другимъ подошли они къ бившемуся въ рукахъ матери калѣкѣ.

Уже когда Вадимъ уснулъ въ спальнѣ на кровати матери, съ мокрымъ полотенцемъ на головѣ, мальчики, дергая на кухнѣ мать за юбку и за руки, повѣдали ей:

— Миша Головкинъ, и Юра, и Ушковыхъ дѣвчонки...

— Не хотѣли съ нами играть... Прогнали съ площадки...

— Совѣтскіе поповичи... Совѣтскіе поповичи... ругались...
Тема всхлипнулъ, взвизгнулъ.

Митя, самый маленькій, въ рыжихъ вихрахъ и рыжихъ веснушкахъ, зарылъ лицо въ колѣни матери. Степа сжималъ кулаки и грозился, брызгая слюной:

— Я имъ... мерзавцы... я имъ...

Марья Степановна, не глядя и не слушая, съ деревяннымъ лицомъ, съ двигавшимися, какъ заводныя, руками вынула изъ печи горшокъ, наполнила кашей четыре тарелки, и отрубилла: «Ѣшьте и ложитесь спать!»

Опять былъ воскресный солнечный день. Вадимъ проснулся поздно. Въ домѣ было тихо. Только канарейка шуршала въ своей клѣткѣ. Вадимъ прислушался. И изъ комнаты жильца ни звука. Онъ одѣлся и вышелъ въ столовую. Опять на столѣ стояли тарелки съ заманчивой снѣдью, съ краю, скученно... Вадимъ нагнулся, принюхался, затянулся, порозовѣлъ...

Въ дверяхъ зальца онъ остановился, прищурился на яркій свѣтъ и еще на что-то блеснувшее, изумившее. Онъ быстро подковылялъ къ столику между двумя фикусами въ кадкахъ, сѣлъ на стулъ, кѣмъ-то поставленный здѣсь, на необычное мѣсто, и дрожащими пальцами провелъ по струнамъ новенькой блестящей мандолины. И потянулся сладко, точно брызнуло на него теплой водой. Раскрылъ губы, и не открывая глазъ отъ хорошенькой игрушки, лежавшей на его колѣняхъ, игралъ, игралъ, игралъ...

Онъ не слышалъ шаговъ. Звуки, какъ топоромъ отсѣкло — такъ внезапно оборвалъ онъ. И красный, растерянный протянулъ мандолину вошедшему Ивану Петровичу: «Извините... я немного... я только... Я...»

Иванъ Петровичъ весело, добродушно смѣялся: «Чего же извиняться... это вамъ... Такъ сказать, сюрпризъ, на развлеченіе. Играйте въ полное свое удовольствіе...

Вадимъ вспыхнулъ, привсталъ, опять сѣлъ. Ноги его гнулись. Хотѣлъ что-то сказать, ничего не сказалъ, только вертѣлъ головою и блестялъ на Ивана Петровича своими чахоточными глазами. Лишь когда ему сказано было опять и опять съ добродушнымъ смѣхомъ: «Въ полную собственность... На вѣки вѣковъ...»—онъ поднялся на своихъ костыляхъ, протянулъ руку Ивану Петровичу и растроганно, искренне и учтиво, какъ наставлялъ его въ дѣтствѣ отецъ, поблагодарилъ: «Спасибо... спасибо вамъ большое... Спасибо!»

Вбѣжали мальчики, обступили, залопотали... Уже они знали, еще вчера вечеромъ знали... Когда Иванъ Петровичъ прошелъ черезъ дворъ съ сверткомъ подъ мышкой, Степа тотчасъ догадался. А Тема думалъ, что окорокъ... Ха-ха!..

Смѣялся Иванъ Петровичъ, смѣялись дѣти, и одинъ-другой указательнымъ пальчикомъ задѣвали нѣжно звенѣвшія струны. Вадимъ съ счастливымъ сіяющимъ лицомъ бережно прижималъ мандолину къ груди.

Остроухова прошла въ домъ съ чернаго хода, въ столовой остановилась и, указывая рукою на тарелки, ласково сказала въ зало: «Опять понаставили ...»

Въ дверяхъ, глядя мимо Ивана Петровича, покачала головою, и опять пожурела: «Забалуете вы ихъ совсѣмъ»...

Иванъ Петровичъ повернулся на каблукахъ, поклонился, и развелъ руками. — «Пустяки...»

Обѣдалъ онъ въ этотъ день со всѣмъ семействомъ Остроуховыхъ, и разговоръ за столомъ вертѣлся все вокругъ мандолинъ и мандолинистовъ. Кто въ городѣ гораздъ, и какая рѣдкость по нынѣшнему времени такой инструментъ. И когда Степа полюбопытствовалъ: «Гдѣ вы достали? Если по случаю, то тысячь пятьдесятъ, не менѣ?..»—Иванъ Петровичъ слегка перемѣнился въ лицѣ, прижалъ къ столу плотно скрещенныя кисти рукъ и какъ-то спокойно-лукаво отвѣтилъ: «А вотъ, досталъ!»...

Марья Степановна подняла немного плечи, прищурилась на жильца и быстро отвела глаза. Вадимъ нетерпѣливо всталъ раньше другихъ и ушелъ съ мандолиной въ садъ. Мальчики скоро побѣжали за нимъ.

— Откуда мандолина, Иванъ Петровичъ? — глядя на него въ упоръ, тихо и четко спросила Марья Степановна.

— Не все-ли равно? — Онъ выдержалъ ея взглядъ, и слова его прозвучали раздраженно, будто: «Какое вамъ дѣло...»

Марья Степановна помолчала, зябко потерла одну руку о другую, опустила голову:

— Это чья-то, кого уже нѣтъ... сказала она шопотомъ.

— Какой вздоръ! — Иванъ Петровичъ шумно всталъ изъ-за стола — опять вы отъ кого-то тамъ...

Марья Степановна упорно — тихо перебила его: «Вадиму... грѣхъ... Вѣдь онъ... онъ... Видите вѣдь, какой онъ...»

— Да что вы на самомъ дѣлѣ... Вѣрно вамъ опять кто... — заволновался Иванъ Петровичъ, и не кончилъ.

На дорожкѣ въ саду зашуршаль костыль Вадима.

Марья Степановна успѣла убѣжать въ спальню.

Вадимъ съ мандолиной подъ мышкой, нѣжный, мягкій, озаренный, подошелъ близко къ Ивану Петровичу, и звенящимъ ломающимся голосомъ предложилъ: «Я вотъ хочу... У меня почеркъ... не видѣли? Всѣ хвалятъ... Такъ если для васъ переписать что... я бы очень даже»... — онъ обласкалъ глазами и рукою мандолину, и повторилъ: «Очень...»

Иванъ Петровичъ дернулъ шейю, плечомъ и отмахнулся: «Ну что тамъ, такіе пустяки... Есть о чемъ... Пустяки-же...»

И смущенно посмѣиваясь, ушелъ къ себѣ. Вадимъ выждалъ минуту, толкнулся къ матери. Дверь была заперта.

Онъ сѣлъ на дырявый выцвѣтшій диванъ и устало смежилъ глаза.

На старенькихъ клавинодахъ игралъ не одинъ Вадимъ. Бренчали и Степа, Коля, Тема, Митя. Одинъ лучше, другой плоше, но играли по слуху всѣ, и что схватывали на легу, и что выпѣвали ихъ насыщенные музыкальнымъ ладомъ тѣла.

Былъ канунъ Успенія. Марья Степановна со службы пошла ко всенощной. Дѣти спѣвались въ сумеречномъ уже залѣцѣ. За клавинодами сидѣлъ Степа. Коля, Тема, Митя, выбивая тактъ руками, подтягивали тоненькими голосками «Херувимскую». Вадимъ, прихварывавшій эти дни, лежалъ въ столовой на диванѣ и тихо подыгрывалъ на мандолинѣ.

— Ловко... — похвалили изъ своей комнаты Иванъ Петровичъ и вышелъ въ зало. — А ну-ка, теперь, вотъ это попробуемъ... — И запѣлъ безъ словъ: «Тра-та-та-ра-ра-ра-та...»

Чуткое ухо Степы подхватило мотивъ, пальцы быстро нашли ноты, и повинувась новому ритму, вливавшемуся въ нихъ, какъ вода въ сосудъ, стройно поддерживали Коля, Тема и Митя.

И мандолина легко, покорно перешла изъ лада «Херувимской» въ строй коммунистическаго гимна. Иванъ Петровичъ одушевлялся, пѣлъ все громче, громче, и уже словами: «Это будетъ послѣдній и рѣшительный бой...»

Вадимъ слушалъ только золотые звуки своей пѣвуни-мандолины, Степа неистово наяривалъ и нажималъ педаль. Оба не разбирали словъ. Но маленькіе уловили, и глядя въ ротъ Ивана Петровича, стараясь не выскочить изъ такта, выкрикивали за нимъ, не за страхъ, а за совѣсть: «Съ ретенационаломъ воспрянетъ родъ людской...»

— Не надо... — Умолкъ хоръ, мандолина оборвала такъ внезапно, словно порвались и рассыпались всѣ ея струны. Въ дверяхъ прихожей стояла Марья Степановна съ усталымъ разстроеннымъ лицомъ. — Не надо... — повторила она и прошла на кухню.

Иванъ Петровичъ бросился за нею. Дѣти зашептались...

— На улицу слышно — съ укоромъ говорила на кухнѣ Остроухова жильцу. — И такъ ужъ всѣ пальцами указываютъ...

— А вы плюньте, и все... — весело наставлялъ ее Иванъ Петровичъ, и вспомнилъ: «А что я вамъ къ праздничку раздобылъ... Мальчишки! — крикнулъ онъ въ зало — кулечекъ тамъ желтенькій изъ моей комнаты...»

Затопотали босья ноги. Заспорили голоса: «Я, я, я, понесу.. я».

Когда мальчишки и Марья Степановна заахали на кухнѣ передъ развернутымъ кулькомъ, медленно приковылялъ и Вадимъ. Бережно, восхищенно прикасались всѣ пальцами къ твердому бруску масла, къ грудѣ свѣжаго сине-бѣлаго творога и плотняному мѣшечку, просочившему нѣжную мягкую крупчатку...

— Вотъ ватруха будетъ... — медленно, смакующе протянулъ Степанъ. — Что-то вспомнилъ Тема, заморгалъ глазами и

началь было: «Вотъ такая еще тогда вотъ давно, когда папа...»
— И не кончилъ потому, что упали на полъ ключи Марьи Степановны и всѣ бросились ихъ поднимать.

Марья Степановна вскинула глаза на Вадима. Онъ смотрѣлъ на масло и творогъ, и сухія его безъ крови губы раздвинуты были въ улыбку. Тогда она повернулась къ жильцу и сказала: «Спасибо, Иванъ Петровичъ, спасибо... Отличная выйдетъ ватрушка... Давайте чай пить!..»

Ал. Дроздовъ

ОТРОКЪ ГОЛУБИНЫЙ.

Въ томъ городѣ, гдѣ маменька моя забеременѣла мной, выносила и ослѣпла во время родовъ, въ каменныхъ рядахъ у насъ двѣ лавки: галантерейная и шорная, лабазы, лѣсной складъ и паровая мельница у Московской заставы. Фамилія наша Кирпичниковъ и сынъ, я и буду сынъ, а папенька въ прошломъ году померъ. Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ я появился на бѣлый свѣтъ, такъ и посыпали, такъ и посыпали на насъ бѣды: ослѣпла маменька, сгорѣла паровая мельница, а въ прошломъ году отъ сильнаго подпитія умеръ папенька, и всѣми дѣлами нашими править управляющій нашъ Иванъ Порфирычъ, толстый, коротконогій, съ бородавкой подъ лѣвой бровью и, Господь его вѣдаетъ, нехорошій онъ человѣкъ. Я не мѣшаюсь: и годы мои еще не тѣ, и умомъ я слабъ.

Холодна моя ранняя юность, и часто посѣщаетъ меня мечта: люблю въ нынѣшніе августовскіе дни выдти за городъ, за бани Милосердова, ходить съ прутикомъ въ рукѣ вдоль заборовъ, глядѣть на крапиву, на зябру, на запоздалый цвѣтъ журавельника и думать о горнемъ, о великомъ, и тогда душа во мнѣ поетъ, какъ балалайка звонкая. Весной подъ заборами цвѣлъ желтый, какъ мѣдъ, пламенный жабникъ, а по осени цвѣтеть журавельникъ, и такая-растакая это жизнь, ничего я не знаю про нее.

Въ ночь подъ четвергъ маменька моя больная видѣла сонъ: явился отрокъ нѣкій, въ сермягѣ, съ посошкомъ, съ шелковыми

кудрями, вѣтромъ развѣянными, и была во взглядѣ его голубиная кротость. Въ ту же пору былъ ей ровно бы гласъ съ неба: «сей пришелъ на зорѣ велѣнія Господа нашего Бога предрѣчь, страждущихъ исцѣлить, сердца человѣческаго смиреніемъ восполнить.» И заклубилось, и задымилось небо, и пошелъ туманъ. Маменька моя проснулась вся въ поту, въ трепетѣ, во страхѣ Божию и начала меня кликать:

— Родя, проснись! Родя, проснись!

Я открылъ глаза, не соображу никакъ. У насъ въ дому тишина, горитъ передъ Смоленской лампада осьмигранная синяго стекла съ бѣлыми горошинами, пламень чистый, безъ копоти, и кивотъ отливаетъ червоннымъ золотомъ, лучится, играетъ, будто слезы золотыя стекаютъ съ него дрожмя. За стѣною шуршать тараканы — шуршать тараканы, а счастья нѣтъ въ нашемъ дому. Прилипла къ окнамъ ночь, смотреть на постель мою тугими дремучими очами, и такой во мнѣ испугъ, что, вотъ, сметнусь сейчасъ съ постели, да голыми колѣнками на холодный полъ, да лбомъ въ половицу, и лежать такъ, покуда не придетъ Богъ.

А маменька кличетъ:

— Родя! Родя!

И голосъ тонкій у нея, щемящій; сѣла въ постели, впила худыми рученками — у дѣвочекъ такія бываютъ, въ шелковое стеганое одѣяло, и глядитъ на меня широкими незрячими глазами. А по мнѣ — дрожь. Господи Іисусе! И вдругъ, равно пламень, засвѣтилось маменькино лицо, и вся она свѣтлая, легкая, какъ герышко, я подошелъ, сталъ на колѣни, а къ самому горлу мокрый клубокъ подошелъ.

— Маменька, — говорю, — маменька...

И, какъ глумной, повторяю только одно: маменька да маменька. Она руками, цѣпкими и тонкими, меня за руку, за плечо, за голову, и прижалась ко мнѣ щекой, а щека ея мокра отъ слезъ.

— Родя, услышалъ наши молитвы Богъ. Видѣніе мнѣ было, что исцѣлюсь.

И сама плачетъ, и я плачу, и оба дрожимъ.

— Родя, какой ты есть? Увижу, тебя, ненагляднаго. Какой ты есть?

— Курчавый, маменька, съ рыжетцой; и на лицѣ у меня, маменька, веснушки.

— А глаза у тебя голубые?

— Голубые, маменька, глаза. И носъ у меня широкій, какъ у папеньки покойнаго, царство ему небесное.

Говоримъ, и плачемъ оба.

— Роденька, а красивый ты?

— Не знаю. Люди есть, маменька, покрасивше меня.

Каждый день мы съ ней такъ про мою особу говорили — у маменьки всей ея слѣпенькой жизни мечта: увидѣть меня хоть разъ. Здѣсь и повѣдала мнѣ маменька объ отрокѣ голубиномъ, явившемся ей во снахъ; мы ужъ съ ней и въ Печерскую ѣздили, и къ роднику животворящему, и къ Тихону народолюбцу, и въ скиты, и подлѣзали подъ раку Чудотворца; а папенька при жизни, послушавъ людей, возилъ маменьку въ Москву, въ глазную клинику, что на Дѣвичьемъ полѣ; вышелъ къ намъ профессоръ московскій въ бѣломъ халатѣ, съ волосами какъ у діакона, въ очкахъ, поглядѣлъ маменьку и сказалъ, что можетъ прозрѣть, а можетъ и не прозрѣть.

Папенька, какъ пріѣхалъ, еще злѣе сталъ, пить сталъ тверже, безобразить сталъ, къ намъ въ домъ, не въ гнѣвъ Господень сказать, водилъ дѣвицъ блудящихъ. Царство ему небесное, и прости ему Господь, а мы съ маменькой простили еще давеча.

Съ этой самой ночи не было мнѣ покою. Ходилъ я на паперть соборную, ко всеношной, толкался межъ нищими, что стоять тамъ, протянувъ сморщенные и корявые руки, толкають другъ друга плечомъ и бранятся промежъ себя, подъ Божьей кровлей, собачьими словами. Спрашивалъ, не слышно ли что объ отрокѣ, великой силой исцѣляющемъ немощныхъ. Старухи шамкали мягкими губами, глядѣли на меня слезливыми, красными отъ старости и хвори глазами, — говорили, что знаютъ, и не знали ничего, и давалъ я имъ, сирымъ, копейчку.

— Молитесь за грѣшную рабу Божью Прасковью.

Ходилъ и на базаръ, когда, со вставшимъ солнцемъ, подымается тамъ говоръ, зыкъ и смѣхъ, и за лотками, среди веселой глумливой брани, зазываютъ покупателей бабы, понаѣхавшія съ деревень, звенять чашки вѣсовъ, ахово пахнуть яблоки,

прѣющія въ мѣркахъ, стучать безмены и нераспряженныя лошади фыркають, брызжа бѣлой, какъ молоко, слюной, и жарко дышуть въ овесныя мѣшки, нацѣпленные имъ на морды. Заходилъ и въ трактиры, гдѣ мужики, скинувъ пиджаки, взявъ въ горсть бѣлыя съ золотыми ободками блюда, пьютъ первую пару чая, скидываютъ жилетки, пьютъ вторую пару, крякають и, разстегнувъ воротъ пропотѣлыхъ рубахъ, кличуть юлового, чтобы несъ третью. Заливается въ клѣткѣ кенарь, надъ стойкой тучами рѣютъ мухи, со стѣны глядитъ царь императоръ въ красномъ гусарскомъ мундирѣ, съ бѣлыми галунами и крестами блистающими.

— Ну, купецъ, — кричали мнѣ мужики, — какъ торгуешь?

— Поторговываемъ, — говорю.

— Какъ народъ обираешь? Не обманешь, паря, нѣ продашь.

Объ отрокѣ и тутъ не слыхалъ никто. Но по городу прошелъ уже слухъ, что ищемъ мы съ маменькой отрока, и повалилъ къ намъ съ задняго крыльца всякій Божій народъ, старики, звенящіе веригами, бездомныя прощальги, хитрые паренки съ оловянными цѣпочками о-бурту, приживалки купеческія, дьячки со всѣхъ церквей, говорящіе гнусаво и божественно, съ жиденькими бородками клинушкомъ. Маменька приказала всѣхъ ихъ поить и кормить, а кому ночевать негдѣ, такъ пусть у насъ ночуетъ. И ночевало у насъ эти дни всякаго народу великое множество, сперва въ людской, потомъ и въ сѣняхъ, потомъ и на кухнѣ, а скоро пришлось отворить каретникъ, вывезти коляски подъ навѣсъ, и народъ ночевалъ въ каретникѣ. Пропалъ у насъ въ эти дни гусакъ, а потомъ кто-то негодный польстился на шлею старую. Хлѣба у насъ пеклись съ утра до вечера, пироги съ грибами, съ лукомъ и яйцами, лепешки, а щи варили въ чанахъ чугунныхъ. Подъ вечеръ я сходилъ внизъ, выходилъ на крылечко, садился рядомъ съ бывалыми людьми и слушалъ, что рассказываютъ. Ссорились они между собой всякую минуту, и такое рассказывали, чего и не бываетъ шгдѣ.

Какъ-то зашелъ къ намъ во дворъ мужчина серьезный, крѣпкій, въ опойковыхъ сапогахъ, въ расшитой красными крестиками косовороткѣ подъ двубортнымъ пиджакомъ, изсиня-черная борода курчавилась у него, какъ у цыгана, и поступь

его была грузная. Подошелъ, снялъ картузь и сказалъ медлительно:

— Миръ дому твоему, хозяинъ.

Возлѣ меня сидѣлъ старичокъ одинъ, говорилъ, что въ гайтанѣ у него кусочекъ мощей зашить, наклонился къ моему уху и шепчетъ:

— Знаю его, сынокъ, мерзавецъ онъ первыхъ сортовъ. Вотъ послухай, какіе загибы поидетъ тебѣ загибать, шушера базарная.

Мужчина поглядѣлъ на него тяжелымъ взглядомъ, взялъ бороду въ горсть и проговорилъ:

— Имя мое — братъ Сергѣй. Слыхалъ, надо знать?

А самъ все на старика косить, и, вижу, на правомъ глазу у него бѣльмо.

— Будь гостемъ, братъ Сергѣй.

Старичку моему не сидится, егозитъ все, будто на жаровнѣ сидитъ, поегозилъ, пожался, да и спросилъ вдругъ кашляющимъ, насморочнымъ голосомъ:

— Кто ты есть?

— Рабъ Господень.

— Власть имѣешь каку?

— Власть Господа Бога моего.

— И въ спинжакахъ ходишь?

Промолчалъ тяжело.

— Все можешь содѣять?

— На то еоля вышняя есть.

— И отрока священнаго мѣсто тебѣ извѣстно?

— Про то съ хозяиномъ станемъ говорить. Что же, хозяинъ, веди въ горницу, я не бродяга, и не разстрига, не бѣглый послушникъ, не купецкій прихлебатель. Брата Сергѣя калмыцкія степи знаютъ, и губерніи сибирскія, и губерніи сѣверныя, и подъ Москвой и подъ Кіевомъ. Братъ Сергѣй — уши русской земли. Есть еще братъ Никаноръ, тотъ — глаза русской земли. Оба они на русской землѣ исключительно одни. Веди, что-ли, хозяинъ, въ горницу, потолкуемъ.

Стоялъ и глядѣлъ на меня неотступно, и я глядѣлъ на его лицо, темно-коричневое отъ загара, почти черное, будто опа-

женное огнемъ; ротъ у него былъ жесткій, своевольный, а взглядъ изъ-за бѣлѣма невѣрный, но давящій; и была въ немъ влекущая, привораживающая сила, темная сила, съ которой не совладать. Я всталъ и повелъ его въ горницу; когда мы подымались по лѣстницѣ, подъ нимъ гнулись ступени, и покуда я шель впереди, я чувствовалъ на своей спинѣ сверлящій взглядъ его глазъ: отъ него шла пронизывающая теплота, заливающая тѣло сладостью небывалой, и я зналъ уже, что скажи этотъ человекъ: «иди за мной», и я пойду за нимъ, и склонюсь передъ нимъ, и слова его буду ловить съ трепетомъ, какъ мальчишка на лугу ловить сачкомъ пестрокрылыхъ бабочекъ.

II.

Въ нашемъ дому чинъ и благолѣпіе. Мой дѣдъ въ отрочествѣ былъ газетчикомъ, зимой въ ватной кацавейкѣ, трижды заплатанной, дую въ красные кулачки, бѣгалъ на станцію, что въ десяти верстахъ отъ города, къ почтовому, покупалъ у кондуктора газетъ на полтинникъ, потомъ бѣжалъ сугробами назадъ десять верстъ и до вечера, притоптывая валенками, стоялъ на углу и осипшимъ голосишкомъ зазывалъ прохожихъ:

— Газеты свѣжія только получены!

Но до газетъ въ нашемъ городѣ охочихъ людей было мало; подросши, мой дѣдъ выкралъ на базарѣ у купца кошелекъ со ста рублями, купилъ ларекъ и торговалъ рахатъ-лукумомъ, женскими шпильками и целлулоидовыми пудреницами, расторговался, купилъ оружейный магазинъ на Купеческой, продавалъ фейерверки, шутихи, пистолеты, двустволки, порохъ и дробь. На сороковомъ году, когда на смѣну рыжаго волоса поползла изъ его щекъ ранняя сѣдина, женился на дѣвицѣ рокового поведенія, но денежной, съ домикомъ, силою нрава своего заставилъ дѣвицу родить отца моего и померъ въ почетѣ, въ уваженіи, а похороненъ подъ мраморнымъ монументомъ съ золотой надписью: «жизнью пользуйся живущій, прахъ Ивана Кирпичникова, купца второй гильдіи, здѣсь упокояется съ миромъ».

При моемъ отцѣ куплены лабазы на Овечьей канавкѣ и въ

каменныхъ рядахъ обѣ лавки: шорная и галантерейная. Какъ-то зимой, въ крещенскіе морозы, когда снѣгъ въ поляхъ твердѣ, какъ епанча, и лѣса закованы въ латы, папенька мой, возвращаясь отъ знакомаго помѣщика въ изрядномъ подпитіи, подобралъ въ полѣ замерзшаго человѣка, почернѣлаго, въ лохмотьяхъ — то и былъ Иванъ Порфирычъ, нынѣшній нашъ управляющій, нечистый человѣкъ, Господь его прости. Оказался Иванъ Порфирычъ догадливъ и смысленъ, папеньку умѣлъ ублажить и когда, бывало, стукнетъ его папенька бутылкою по черепу, то вынетъ платокъ, одеколономъ пахнущій, прижметъ къ синяку и скажетъ съ улыбкою, намекая на кровавый свой кровоподтекъ:

— Мѣченый воръ двухъ честныхъ стоитъ.

А папенька мой, разумѣется, въ хохоть. При Иванѣ Порфирычѣ папенька мой и паровую мельницу приобрѣлъ: игралъ съ купцомъ Маленькимъ въ шманьку, три шкуры съ него спустилъ и кличетъ напоследокъ:

— Ставь, степенство, жену твою бѣлую на-коня!

Тотъ вложилъ пальцы въ ротъ, свиснулъ, плѣшью сверкнулъ, велѣлъ подать содовой да и кричитъ въ голосъ:

— Ставлю жену мою бѣлую на-коня!

У него осьмерка, а у папеньки, счастье ему, де-вя-точ-ка!

— Ну, говорить, — пузо мѣдное, на кой мнѣ жена твоя, когда у меня своя есть? Грѣхъ одинъ.

Тутъ Иванъ Порфировичъ и шепчетъ ему:

— Не вѣрь коню въ полѣ, а женѣ въ домѣ. Бери съ него, Ефремъ Алексѣичъ, паровую мельницу.

Такъ и стала паровая мельница наша, т-ва Кирпичниковъ и сынъ.

Въ дому нашемъ чинъ и благолѣпіе. Мебель старомодная, съ раскидистыми подлокотниками, затянутая сукномъ, комоды краснаго кедра, часы съ боемъ на ля бемоль, иконы византійскихъ копченыхъ ликовъ, и пахнетъ въ комнатахъ ромашкою, лампаднымъ масломъ и духомъ тяжелыхъ обѣдовъ. Дни у насъ длинные, тягучіе, православные, въ праздникъ беремъ Чудотворную на трое сутокъ и теплимъ передъ Нею яровчатая свѣчи, воскъ съ нихъ стекаетъ желтый, прозрачный, будто цвѣточный медъ. Тишина благолѣпная въ дому нашемъ. И какъ

темница нашъ домъ: громкое слово въ немъ страшно сказать, каблукомъ простучать но навощенному полу никакъ невозможно.

И вотъ въ домъ нашъ монастырскій вошелъ братъ Сергѣй. Вошелъ въ спальню маменьки вольно, будто сродственникъ, Ивану Порфирычу велѣлъ выйти вонъ, а мнѣ бровью шевельнулъ: оставайся молъ. Матушка лежала блѣдная, жалкая, изъ годъ наколки ея выбились все еще не сѣдѣющіе волосы и пали ей на виски. И по рукамъ ея, тормошавшимъ простыню, и по пересохшимъ губамъ ея, и по испаринѣ на лбу я видѣлъ, какъ сильна въ ней мечта.

— Миръ тебѣ, женщина, сказалъ братъ Сергѣй, подойдя къ постели и положивъ на маменькинъ лобъ свою широкую потную ладонь.

— Приди въ мой домъ съ миромъ, — сказала матушка, — помоги мнѣ, если Господь тебя осѣнилъ.

— Чѣмъ страдаешь?

— Глазами стражду. Лишилъ меня Господь свѣта.

— Сына зачала съ гнѣвнымъ сердцемъ, черезъ то и наказана. Такъ вѣдь? Все, женщина, вижу, все знаю, ибо даны мнѣ уши. Молись по слову моему, и сбудется.

Сказалъ и, подойдя ко мнѣ, велѣлъ указать комнату, гдѣ могъ бы молиться о маменькѣ; я отвелъ ему угловую, ту, гдѣ папенька скончался въ мукѣ мученской: тамъ обои темные, и мебель тяжкая, и тихо, какъ въ гробу. Тамъ и сидѣлъ братъ Сергѣй цѣльную недѣлю, и къ маменькѣ не выходилъ, и ждать велѣлъ; въ двѣнадцать наказывалъ носить къ себѣ обѣдъ, въ четыре квасъ сухарный и ржаные коржики, а въ восемь ужинъ; послѣ ужина призывалъ къ себѣ меня, пальцемъ указывалъ куда сѣсть, тарасилъ на меня бѣльмо свое бѣлое и, поднося свое натуженное, кирпичное лицо близко къ моему, говорилъ хриплымъ могучимъ голосомъ:

— Что по Руси настроено? Храмы настроены. Присутствуетъ-ли Богъ тамъ? Нѣту Бога въ церквахъ, ибо торгующіе наполняютъ храмы, лицемѣры, лиходѣлы, фарисеи и обманщики. Отъ священнослужителей въ ризахъ золотыхъ, въ камилавкахъ лиловыхъ отошелъ Господь, ибо предалися священнослужители

чревоугодію и жизнелюбію, и сошелъ Господь на двухъ братьевъ въ міру: брата Сергѣя и брата Никифора. Оныя братья правду Господню по русской землѣ несутъ, къ нимъ прибѣгайте, людіе.

Бѣлое бѣльмо на глазу брата Сергѣя было близко отъ моихъ глазъ и будто загоразивало, будто скрывало, будто застило темный свѣтъ, готовый пролиться изъ его глазъ.

— Придетъ время, опустѣютъ храмы, одни нищіе люди останутся на церковныхъ папертяхъ, всколыхнутся по всей русской землѣ шаромыжники, воры, убійцы, дѣти предадутъ отцовъ и матерей своихъ, хозяева пожрутъ цѣпныхъ собакъ своихъ, и разольется по землѣ зловонный смрадъ и омерзительная вонь. Глянетъ Господь на созданіе рукъ своихъ и заплачетъ Господь, и прольются слезы Его на землю потоками крови дымной, пепломъ пожаровъ, горемъ горючимъ. Бойтесь времени этого, людіе. Вы отшатнулись отъ Господа, и Господь отшатнулся отъ васъ. Придете тогда ползучіе, тряскіе, гнусные, подползете на животахъ къ Его святому алтарю, но дыханіе ваше будетъ смрадно, и слова ваши, какъ гири, тяжелыя, и не дойдутъ заплеванныя ваши молитвы до сердца Господа. Нынѣ глаза ваши слѣпы, и не видите мѣченныхъ печатью Божьею. Ибо скажете: братъ Сергѣй, спаси насъ! И не спасетъ братъ Сергѣй, ибо будетъ поздно.

Братъ Сергѣй вставалъ, и свѣча, горѣвшая на столѣ, оплывшая, съ кособокимъ пламенемъ, кидала позади него громоздкую черную тѣнь, подымавшуюся къ потолку, будто крылья.

— Идите ко мнѣ, покуда не пропѣлъ третій пѣтухъ. Недужные — исцѣлю васъ, въ сомнѣніяхъ грязшіе, — просвѣтлю васъ, ненавидите — научу васъ пресвѣтлой любви. Дана мнѣ власть свыше и слышу издавеча ревъ страданій вашихъ и съ Господомъ моимъ скорблю о васъ!

Крѣпкій голосъ его гудѣлъ, какъ колоколь, бился о стѣны и наполнялъ пустыя комнаты ужасомъ и трепетомъ, и моя слабая душа исходила изъ меня, какъ паръ. И ночами, во снѣ, метался я въ пламенномъ жару, неотступно видя налившійся кровью глазъ съ неподвижнымъ бѣлымъ бѣлмомъ; голосъ брата Сергѣя наполнилъ меня, какъ пустую бочку, и всѣ эти дни

ходилъ я шалый, растерянный, и маменька моя лежала безслесная, какъ пласть.

На седьмой день, къ вечеру, снова призвалъ меня братъ Сергѣй. Лицо его посѣрѣло, покрылось морщинами, онъ пилъ, отдуваясь и отхаркиваясь, клюквенный морсъ, круто, по бычьи, поводилъ шеей и сумрачно глядѣлъ себѣ въ ноги.

— Завтра, — сказалъ онъ, помолчавъ.

Сердце во мнѣ покатилося, зазвенѣло, раскололося вдребзги.

— Что? — спросилъ я.

— Собирай мать. Ёдемъ къ отроку брату Никифору, иже въ лѣсахъ живетъ.

И вдругъ, вставъ, выпирая волосатую широкую грудь, видную изъ подъ разстегнутой косоворотки, протянулъ руку съ указательнымъ скрюченнымъ пальцемъ и молвилъ, блестя бѣльмомъ:

— Выди.

И вышелъ я, поблѣднѣвъ, и сѣлъ въ горницѣ на отцовъ диванъ, и плакалъ въ предчувствіи великаго.

III.

Напутственное молебствіе служили соборнымъ причтомъ у насъ на дому, протоіерей Никодимъ, махонькій, будто прибитый, въ красно-золотой ризѣ, выпроставъ на спину сѣкущіеся копнистые волосы, подымалъ глаза на икону, глядѣлъ въ потолокъ и дрожащимъ голосомъ пѣлъ псалмы; самъ о. протоіаконъ, воздымая орать, возглашаль эктеніи и наполнялъ горницу нашу гремящимъ голосомъ и луковой отрыжкой. Мнѣ бы столпникомъ быть, во власницѣ на пнѣ, источенномъ муравьями стоять, слушать ходъ облаковъ горнихъ, и ростъ травы, и трепыханіе листовъ осиновыхъ, и дыханіе Господа, звенящее по міру: гей, Господи, гей, Сладчайшій, какъ заслышу имя Твое, нѣтъ печали въ моей душѣ, ни тяготы, ни гнѣва, ни похоти; какъ завизжу мерцаніе свѣчей твоихъ — міръ обыму, какъ шею маменьки моей слѣпенькой, и на жертву пойду, которой нѣтъ имени . . .

Вечеромъ того же дня, поцѣловавъ святой крестъ, мы съ маменькой и братомъ Сергѣемъ выѣхали. Ѣхать надо было машиной двѣсти верстъ, до города Городища, а оттуда лѣснымъ путемъ до отрока Никифора села. Маменька сидѣла слабая, блѣдная, кутала худенькія плечи въ ковровую шаль и глядѣла на пыльные доски, на тарабарящій вагонный людъ опасливыми глазами, которые не видятъ свѣта.

И сказала мнѣ однажды:

— Знаблюсь во страхъ, Родя.

И еще вдругорядь:

— Чуда жду.

Братъ Сергѣй на каждой станціи бѣгалъ съ чайникомъ за кипяткомъ, грызъ баранки, сдвигалъ брови, какъ жукъ, и помалкивалъ; былъ онъ теперь не страшный, не злой — такъ себѣ, коренастый мужчина. И такъ мы доѣхали. Въ Городищѣ заночевали на постояломъ дворѣ, и въ ту ночь, душную не по августовски, полную мушиннаго жужжанія и свѣтомъ луннымъ, привидѣлся маменькѣ отрокъ голубиный во второй разъ; на тонкихъ женскихъ плечахъ его висѣлъ бѣлый просторный хитонъ, и горѣло въ груди распаленное до красна, какъ горнъ, червонное солнце; здѣсь возьмись со стороны голубь крапчатый, съ красными глазами, закружилъ надъ головой отрока и сѣлъ ему на плечо; крыльями взмахнулъ, клювомъ повелъ и голосомъ человѣчьимъ рекъ:

— Въ отрокѣ семъ сила русской земли, она же исцѣлитъ тебя, Прасковья. Имя же ему — Никифоръ.

Налетѣли тутъ стрекозы быстрыя, со звонкими стеклянными крыльями, такой звонъ отъ ихъ лета пошелъ, и грянулъ хоръ чиновъ ангельскихъ, ослѣпительно снѣжныхъ.

Маменька моя плакала во снѣ. Знала — будетъ чудо.

Отъ Городища мы ѣхали на подводѣ, на сѣнныхъ мѣшкахъ. Сперва стлались вокругъ горбатая поля, выстриженныя, что головы школьниковъ, вышедшихъ изъ цырюльни, рѣяли надъ ними вороны, черныя грузныя каркалки, не люблю я ихъ — горевѣстницы. Сыроѣжнымъ вѣтромъ тянуло съ земли. Въ яругахъ и балкахъ, гдѣ сыро, алѣлъ пузырьникъ, топорщась перегибами стеблей, крытыхъ липкимъ волосомъ. Въ деревняхъ, въ тракти-

рѣ, сходили мы пить чай изъ пузатыхъ чайниковъ, маками расписанныхъ. Братъ Сергѣй молчалъ сумрачно. А маменька, попивъ чайку, рассказывала:

— Ослѣпла я, милые, четырнадцать лѣтъ назадъ, и четырнадцать лѣтъ мой крестъ несу. А ѣду къ отроку голубиному, что въ лѣсахъ живетъ.

— Къ Никифору, что-ль, убогая? — спрашивалъ цѣловальникъ, скребъ ногтемъ по столу и косился на брата Сергѣя.

Въ деревенскихъ садахъ сотрясали послѣднія яблоки; дѣвки, загрубѣвшія на жнивьяхъ, собирали ихъ въ плетенныя корзины, и ржавые листья, шурша, падали имъ на сильныя спины. Тамъ и сямъ торчали палками обнаженные сучья. Свистѣли синицы, въ елкахъ цыкали клесты, паутина плавала въ воздухѣ и приставала къ штанамъ.

А тамъ дорога пошла лѣсомъ сосновымъ, красноствольнымъ, шумящимъ, какъ морскіе валы, и солнце, продираясь въ пролѣски, падало румянцемъ на гнѣзда рыжиковъ, еле видныхъ на усѣявшихъ землю прошлогоднихъ иглахъ.

Ѣхали сутки и къ началу вторыхъ показалась межъ дугою и запряжими ушами лошади маленькая деревенька, стиснутая лѣсомъ, дворовъ въ десять, не болѣ. Посреди улицы смиренно стояла корова, на рогу ея сидѣлъ свиристель; у околицы, облокотившись на жердь, два мужика — рыжій и черный — запрокинувъ головы, глядѣли на позлащенные солнцемъ сосны. Братъ Сергѣй снялъ шапку, мужики тоже сняли шапки, рыжій сказалъ:

— Откудова, щипанный, жалуешь?

А черный отвѣтилъ за брата Сергѣя:

— Безперечь оттель, откель пришелъ.

Братъ Сергѣй соскочилъ съ передка, отряхнулъ пыль со штановъ и пошелъ рядомъ съ лошадыю, поправляя подпругу, телѣга заскрипѣла, заныла, болболкая чугуномъ, и завернула къ крайней хатѣ. Баба въ высоко подоткнутой юбкѣ, такъ что колѣни было видать, въ кумачевой выцвѣтшей рубахѣ открыла ворота и глянула на меня, и какъ увидѣлъ я быстрый огонь въ глазахъ ея, запунцовѣлъ, застыдился, опустилъ очи долу.

— Къ Никифору, что-ль, за помочью? — спросила баба груднымъ пѣвучимъ голосомъ, и отъ этого ея голоса будто огонь прошелъ по жиламъ моимъ, и взглянуть не посмѣлъ, какая такая она.

— Къ Никифору, — отвѣтилъ братъ Сергѣй, — здравствуй, пожалуй, жана.

Телѣга въѣхала подъ навѣсъ, маменька моя устала съ дороги, притомилась, обмякла, вялая щеки ея зажглись румянцемъ, а когда я велъ ее въ избу, такъ тяжело на руки мои налегла, что у меня духъ перехватило; тутъ подошла молодайка, отпихнула руки мои и схватила маменьку подъ мышки; только и увидѣлъ я блестящія зубы ея, улыбкой оскаленные, да мотнувшіяся груди подъ рубахой — Господи, въ домѣ то съ отрокомъ святымъ!

Въ избѣ хозяйка стала проворить обѣдъ, братъ Сергѣй пошелъ къ брату Никифору, а мы съ маменькой сѣли у бѣлаго чистаго стола, въ красномъ углу; и вся изба была чистая, вымытая, стекла въ окнахъ цѣльныя, въ шкафчикѣ бѣлѣла посуда, бѣлаго стекла фигурки, изъ тѣхъ, что на ярмаркахъ можно выиграть, попадая въ цѣль изъ пружиннаго ружья. Позовившись у печки, хозяйка стала стлать на столъ скатертку, я видѣлъ розовыя руки ея, загорѣлые, закопченные солнцемъ, узловатые пальцы, широкіе ногти на нихъ, выгнутые круто. Маменька стала рассказывать, какъ ослѣпла отъ женской муки, во время родовъ, и о снахъ своихъ пророческихъ, и о томъ, что четырнадцать лѣтъ будто въ чуланѣ живетъ, и о томъ, какъ иной разъ, забывъ Господа, въ ярости грызетъ подушки, крича: «солнышко мнѣ дайте, солнышко!» Я пересталъ робѣть, поднималъ голову. Тутъ вошелъ братъ Сергѣй.

— Божьими милостями да молитвой отрока излѣчишься, женщина, — сказалъ онъ, сѣвъ за столъ, бросилъ на волосатія руки подбородокъ и скопилъ на маменьку бѣльмо. — Братъ Никифоръ съ колыбели немощенъ и прикованъ къ одру, за страданія дадена ему отъ Господа великая сила. Молись, женщина, и надѣйся на Божій перстъ исцѣляющій. А куда гостя будь, перекуси.

Столъ у нихъ былъ хорошій, сытный, но ни мнѣ, ни ма-

менькѣ моей пища въ ротъ не шла. Братъ Сергѣй говорилъ о томъ, какъ генеральша молитвами отрока отъ падучей исцѣлилась, какъ ѣздятъ къ нимъ люди не послѣдніе просить Божьей благодати. И вдругъ, рыгнувъ, сказалъ простодушно:

— А хорошо бы, жена, селедочку подсолонцевать.

И вставъ, подошелъ къ шкапу, налилъ рюмашечку настойки и опрокинулъ въ ротъ — только головой мотнулъ.

Въ тотъ же день допущены мы были до брата Никифора.

Чуланчикъ такой былъ пристроенъ къ избѣ брата Сергѣя, клѣтушечка, съ прощелками, въ которыя продиралось солнце, шаговъ въ пять наперекъ, и у стѣнки, на деревянной койкѣ, на сѣнномъ тюфякѣ лежалъ отрокъ голубиный, нѣжненькій, тоненькій, и руки его были и лицо его было желтыя, будто изъ янтаря, а глаза свѣтлые и ясные. Вошедши, мы стали съ маменькой на колѣни и дивный трепетъ насъ обуялъ. Слышимъ, скрипнула койка — видно, руки надъ нами свои простеръ. И тутъ же услышали мы его голосъ, намъ сказавшій:

— Чего отъ меня хотите?

— Батюшка . . . батюшка, — задохнулась маменька моя, и кинуло ее въ дрожь. А у меня по всему тѣлу — будто муравьиные укусы, не слышу ничего, не внимаю ничему, а доски пола колѣна жгутъ, будто раскаленные плиты. Только и слышу — «молись, молись», — говоритъ. И вдругъ какъ возопитъ гласомъ пронзительнымъ:

— Безъ дѣлъ вѣра ваша мертва! Дѣла угодны Господу!

— Выходите, — сказалъ братъ Сергѣй, — ибо нисходитъ на него Господь.

Вышли мы и стало передъ нами такъ свѣтло, будто горитъ тысяча свѣчъ, и такое у насъ въ сердцѣ безпокойство, что ноги подкашиваются.

— Великую молитву нынче будетъ братъ творить, — сказалъ братъ Сергѣй, проведя насъ въ избу, — и сбудется по молитвѣ его, ежели сами не накличете бѣсовскихъ силъ. Ты, женщина, съ колѣнъ цѣльную ночь не вставай, а ты, отрокъ, блюди себя всю ночь, чтобы ни мыслію, ни сердцемъ, ни помысломъ во искушеніе не впасть. Великой молитвы ничѣмъ не оскверни, грѣхъ по чуланамъ бѣгаетъ, ему только щелку покажи — въ

шелку гремучей змѣей прогремить, Божью благодать отпугнеть. Много такъ отъ насъ неисцѣленныхъ ушли, съ проклятіемъ Божиимъ, съ пятномъ на сердцѣ нечистомъ. И нужны, женщина, щедрые дары, не отроку Никифору, а Богу.

Маменька тутъ же, еле переведа духъ, приказала мнѣ мѣшокъ размотать, отсчитать тысячу, и еще свой натѣльный крестъ, брилліантами осыпанный, положить подъ отрочи ноги. Братъ Сергѣй деньги и крестъ взялъ, осѣнилъ себя знаменіемъ, спряталъ ихъ, вставъ на табуретъ, за божницу, еще разъ осѣнилъ себя знаменіемъ и крикнулъ въ сѣни.

— Татьяна, горницу для молитвы убери.

Много во мнѣ было чувствъ всякихъ и потянуло меня въ лѣсъ. Дѣло шло къ вечеру, мычали близко коровы, мужики въ грязныхъ замашныхъ рубахахъ сидѣли на дубьяхъ, курили цыгарки и гуторили. Я прошелъ гумномъ, заглянулъ на варокъ, перелѣзъ черезъ городьбу и вошелъ въ сосны, прямая какъ кегли на городскомъ нашемъ кегельбанѣ. Вотъ этакъ могу день-деньской бродить, топча алюю костянику, черничный листъ, состегивая прутикомъ волчью ягоду, воображать себя отрокомъ святымъ, либо русскимъ царемъ императоромъ, къ народу милостивымъ и мудрымъ мудростью царственной. Я бы порфиры не надѣвалъ, ни мантии горностаевой, я бы въ сермяжкѣ ходилъ, въ тяжевыхъ порткахъ, бичевой-бы льняной подпоясывался, слушалъ бы, гдѣ народъ ропщетъ, гдѣ нужды и нищенство живутъ и Бога бы на русскую землю призвалъ. Ужъ такой въ осеннихъ соснахъ сладкій перезвонъ, ужъ такая-то на шелушенныхъ стволахъ ихъ закатная багряница лежитъ, ужъ такой-то парный духъ отъ смолы, отъ иглъ идетъ: пышна земля наша подъ Господомъ, Божій плодоносный огородъ, всѣ мы, люди, у Господа огородники.

Надышался я воздухомъ и, какъ солнце сѣло, вернулся до дому. Иду, и боязно мнѣ: маменька въ хатѣ ужъ на молитву стала, видно, и братъ Никифоръ на великую молитву въ своей клѣти сталъ, — какъ ночь сію проведу, не согрѣшу ли мыслію, не спугну ли серафимовыхъ крыль, исцѣленіе маменькѣ моей несущихъ? И въ слабости моей, въ моей духовной немощи порѣшилъ я ночь эту на копенкѣ поздней, что во дворѣ, у закуты,

крѣпко уснуть. Какъ скроешься на дно отъ діавола: мысль твою похотливую клубкомъ завѣтъ, руку на нечистое дѣло толкнешь, сердце злобою, какъ чашку пустую, наполнить. Во снѣ же стоитъ въ головахъ ангелъ мой хранитель, бережетъ.

На крыльцѣ, почесывая грудь, стоялъ братъ Сергѣй, уже темно было, не видно ни лица его, ни бѣльма на глазу. Слышу, сказалъ мнѣ шепотомъ:

— Ты въ избу не заходи, молитвы не слушай. Поди на сѣнникъ засни.

— Я въ копенкѣ, братъ Сергѣй.

— Ладно, спи съ Богомъ.

Посидѣлъ, поглядѣлъ на сиреневое небо и ушелъ въ хату. А ужъ сырость на землю пала, ночи къ концу августа въ нашихъ мѣстахъ не больно теплы. Подошелъ я къ копенкѣ, легъ на спину и руки раскинулъ, гляжу въ небеса: эхъ, звѣзды зажглись, райскіе свѣтлячки, лукавятся, играютъ, перемигиваютъ. Такъ подумаешь на какой разъ: спустить Господь лѣстницу со звѣздъ къ малой моей копенкѣ грѣшной: приди, скажетъ, въ царствіе Мое, ибо въ этой жизни ты малъ и сирь.

И привидѣлся мнѣ смутный сонъ. Закипѣла кровь моя, завеселилась душа, встала, крылья раскинула, гляжу, а она — грѣшная. И сладокъ грѣхъ ея, и веселье, и черенъ. Тянется къ чему-то — а къ чему, самъ не пойму. Что въ жизни сей не извѣдано? И грѣхъ во мнѣ непролитой водою лежитъ. Грѣхъ во мнѣ — а я не раскаянный. Тутъ примерещилось невозможное, охнулъ я, застоналъ, и сонъ отлетѣлъ отъ меня.

Ночь, видно, была поздняя, а ужъ тихо кругомъ — до звона, и небесная шапка надо мной вся золотыми булавками утыкана. А во мнѣ каждый суставъ дрожить, то ли отъ холода, то ли отъ сна... Въ закутѣ, слышно, боровъ вздохнулъ, Господи, съ нами Твоя святая сила!..

Всталъ, озираюсь дико, и вотъ такое чувство на душѣ, что на безуміе готовъ. Здѣсь услышалъ я голосъ ея лукавый, и покатилося сердце мое.

— Не спишь?

Чувствую, стоитъ рядомъ. Господи, не отойди отъ меня!

— Зачѣмъ ты здѣсь? — говорю, и не смотрю на нее, и голоса своего не слышу.

Засмѣялась.

— Прогуляться вышла. Тѣло на постели разомлѣло.

Стоитъ близко отъ меня, дыханіе ея слышу, жаръ тѣла ея слышу, мнѣ бѣжать бы, а не могу бѣжать.

— Больно ты тихій, желобаненькій ты мой.

— Уйди, — говорю, а голоса моего нѣтъ.

— Цалуешься-то, чай, сладко?

Смѣется. Тутъ поднялъ я глаза, ротъ ея пунцовый, жаркій увидѣлъ, и сила во мнѣ поднялась богатырская. Только охнула. Потонулъ въ грѣхъ до третьихъ пѣтуховъ.

Съ той поры и до сихъ послѣднихъ лѣтъ несу мой послухъ монастырскій. Не о себѣ Бога молю — молю Господа, чтобы маменькѣ моей слѣпенькой далъ Господь въ Царствіи своемъ зоркія очи, чтобы оттудова, отъ звѣздъ, отъ облаковъ бѣлоперыхъ увидѣла маменька сына своего и мукъ его на землѣ, какъ лучшей радости, порадовалась.

Александръ Дроздовъ.

И. Соколовъ-Микитовъ

ГДЪ ПТИЦА ГНѢЗДА НЕ ВЪЕТЪ.

І. СОЛНЦЕ.

Солнце — отраженное въ морѣ и въ мраморѣ, ослѣпительное, беспощадное солнце!

Я иду узкой мраморной стежкой, проложенной по аквадуку. Подъ моими ногами, прикрытый мраморнымъ плитнякомъ, бьется въ каменномъ руслѣ нагрѣтый солнцемъ ручей.

Впереди меня, легкой какъ хоръ, ходко бѣжитъ по горячему камню монашекъ. Я вижу его выгорѣвшую на лопаткахъ худую спину и болтающіеся по длиннымъ сухимъ ногамъ полы синяго подрясника, надѣтаго на голое тѣло. Онъ простоволосъ, его рыжеватые волосы заплетены на затылкѣ въ крысиный хвостикъ, мѣрно вздрагивающій отъ ходьбы.

По мраморному бѣлому плитняку шныряютъ ярко-зеленя, изумрудомъ шитыя, ящерицы и, поднявъ свои маленькія змѣиныя головы, висятъ надъ стежкой на колючихъ кустахъ обожженного вереска, точно неподвижные листья. Внизу и вверху, справа и слѣва, стоитъ неумолчный, все проникающій, сливающійся съ жестокой яркостью солнца, звонъ безчисленныхъ цикадъ.

Маслиновыя роши сухи и безтѣнны; заросли цвѣтущихъ олеандровъ тяжелы и неподвижны; мертвенно-застыды темныя кедры. А въ балкахъ, густо заросшихъ лавромъ, каштаномъ, букомъ и орѣшникомъ, у быющихъ изъ камня чистѣйшихъ и студенѣйшихъ ключей, дышитъ легкимъ дыханіемъ земля: густо обсыпаны плодами дикія сливы, груши и яблони, — стоитъ трянуть, и на голову падаетъ тяжелый дождь! — шуршитъ подъ ногою палый пахучій лавровый листъ; тѣнисто ширятся густо-

лиственные смоковницы и разрастаются коренастыя высокія шелковицы... Въ глубинѣ, гдѣ между каменными замшавѣлыми глыбами пробивается студеныи ручей, разросся дикій виноградъ, хмель и черная смородина, и по скользкимъ мокрымъ голышамъ бѣгають бочкомъ быстрые маленькіе крабы.

Внизу—синее море и двѣ бѣлыя точки въ немъ, вверху — уходящая въ небо мраморная гора. Ея бѣлая вершина, подобная огромной зажженной свѣчѣ, стоитъ надъ моремъ и берегами.

Тамъ, гдѣ застыло похожее на заблудившагося барашка облако, чуть видная бѣлѣетъ церковь, служба въ которой совершается единожды въ годъ. Когда-то, ослѣпительный и прекрасный, тамъ высился мраморный богъ солнца—Аполлонъ, и солнечное сверканіе его при восходѣ и заходѣ могли наблюдать изъ самой блистательной Трои. Толпы людей, одѣтыхъ въ легкія, отдуваемая вѣтромъ одежды, сходясь отъ солнечныхъ береговъ лазурнаго моря, поднимались на вершину, чтобы поклониться мраморному богу и вывѣдать судьбу у Оракула. А у подножія горы цвѣли пять прекрасныхъ языческихъ городовъ: Діонъ, Оливеокось, Эиссось, Клеоны и Акроеонъ.

Преданіе рассказываетъ, что великій завоеватель Александръ, увидя Гору, соблазнился мыслию высѣчь изъ нея одну огромную статую, которая была бы видна отъ всѣхъ береговъ моря. Нашѣлся, говорятъ, ваятель-безумецъ, взявшій на себя нечеловѣческую, невыполнимую задачу.

Нынѣ на мѣстѣ прекраснаго бога — куча мраморнаго щебня, мелко истертаго землетрясеніями, грозowymi ливнями и челоуѣческими ненавидящими руками. А подъ тѣнью кедровъ, буквѣ и маслинъ, затянутыя зарослями олеандровъ, лежатъ неприкосновенныя развалины древнихъ городовъ и великолѣпныхъ храмовъ. Человѣкъ-хищникъ и челоуѣкъ-ненавистникъ додѣлали то, чего не могли землетрясенія и ливни, но еще не ступала сюда нога челоуѣка-ислѣдователя и не касалась драгоцѣнныхъ остатковъ любовная рука.

По горячему камню мы не идемъ — бѣжимъ подъ солнцемъ. Я давно обливаюсь потомъ, который, мгновенно высыхая, покрываетъ рубаху налетомъ соли. Туго стучить, отдаваясь въ

вискахъ, сердце, но усталости нѣтъ, — вижу и море, и небо, и ослѣпительную вершину—цѣль нашего похода,—и выгорѣвшую спину монашка, убѣгающаго отъ меня привычнымъ шагомъ.

— Преподобный Аѳонасій, спасаясь въ сихъ мѣстахъ, бывшихъ безводными, возжаждалъ, и, возжаждавши, обратился съ горячею молитвою къ Покровительницѣ и Заступницѣ Святогорской, и былъ ниспосланъ ангелъ въ одеждахъ ослѣпительныхъ и, коснувшись, отверзъ скалу. Въ память сего названъ источникъ именемъ святого Аѳонасія. Навѣсь же и церковь, которую видишь, поставлены попеченіемъ Лавры. Здѣсь и отдохнѣмъ.

Спутникъ мой остановился, помочилъ голову изъ бьющаго холоднаго ключа, испилъ и поднялся по каменнымъ ступенямъ подъ навѣсь.

— Искушеніе, — говорилъ онъ, вынимая изъ кармановъ пару зеленыхъ огурцовъ и вяленую рыбу, — сію походную пищу примемъ съ молитвою.

Подъ деревяннымъ навѣсомъ, похожимъ на уѣздную бесѣдку, свѣжо и тихо. Журчитъ вода, выбиваясь изъ камня. Подъ крышей въ углу вьются осы, злыя и тонкія, строятъ гнѣздо.

Снизу по стежкѣ поднимаются двое. У одного подъ распахнутымъ подрясникомъ видна волосатая грудь и на груди, на толстомъ шнуркѣ, большой желѣзный крестъ.

Увидѣвъ меня, мою мірскую одежду, онъ съ изумленіемъ остановился, долго и пристально смотрѣлъ изъ подъ руки: мірской человѣкъ здѣсь удивленіе и рѣдкость.

— Нѣмецъ? — говоритъ онъ, подходя и опираясь подбородкомъ на дубинку, окованную желѣзомъ. — Въ Бога не вѣруешь? А коли безъ Бога знаешь, скажи: какая завтра погода будетъ?

Тянуло отъ него духомъ виннымъ.

Я посмотрѣлъ ему въ глаза и тихо произнесъ то *русское* несомнѣнное слово, которое уже не разъ выручало меня изъ положеній рискованныхъ и опасныхъ, и тотчасъ же увидѣлъ, какъ измѣнились его глаза.

— Нашъ? Русской!

— Нашъ! Нашъ! — сказалъ мой спутникъ.

— Нынче тутъ много всякихъ ходютъ, затоптали свято мѣ-

сто — носы длинные! Да ты за *имя* ли? — спросилъ онъ и уставился.

— Нашъ, нашъ! — опять сказалъ мой спутникъ.

— А Вѣрю знаешь?

— И Вѣрю знаю.

— Выпьемъ! — сказалъ онъ вынимая изъ кармана бутылку съ «ракичкой», — да скажи мнѣ твое святое имячко, чтобъ знать, какъ тебя, отца, величать. На послушаніе пріѣхаль?

— Какъ сподобить Господь.

— Оставайся, отецъ, — у насъ просторно, мѣста достанетъ. Ты по какой больше части? Ежели вольной человѣкъ, приставай къ нашему брату, къ бездомовому сиромуху, мы что птицы небесныя, не сѣемъ, не жнемъ, не собираемъ въ житницы, а Господь, видишь самъ, не оставляетъ. Въ монастырѣ тебя засушатъ. А будешь съ нами, не заскучаешь. У насъ всяческой людъ — по сердцу себѣ найдешь. Выпить любишь — и это можно. Богу мы не въ утружденіе молимся, Богъ и такъ насъ, безсребренниковъ, проститъ, а ходить по Горѣ, отецъ, милое дѣло, — сегодня у отца Георгія, завтра къ Петру Бѣлозерскому, — вездѣ поятъ, кормятъ, таковъ тутъ обычай. А къ грекамъ, чтобъ имъ пусто, и самъ не пойду. Благословляешь, что-ль?

Онъ хлебнулъ изъ теплой бутылки, остановился, прищурилъ глазъ, нацѣлился и поймалъ въ кулакъ большую зеленоглазую муху, сѣвшую на рукавъ его подрясника и дышавшую брюшкомъ, отколупнулъ тонкую щепинку, воткнулъ въ брюшко мухъ и пустилъ. Муха тяжело полетѣла кверху, поднялась выше росшей у навѣса смоковницы, унося непосильный грузъ.

II. СИЛЕНЪ ИСКУСИТЕЛЬ.

— По завѣту Заступницы и Покровительницы, избравшей Гору подъ свой пречистый покровъ, — птица гнѣзда не вьетъ и никакая тварь не плодится!

И не токмо женщ инѣ, — заступлень отъ вѣка вѣковъ на Гору ходъ женскому всяческому естеству: холостые пасутся по горѣ бараны, лѣнныя дремлютъ на погогахъ греческихъ каливъ холощенные сѣрые коты и одинокіе встрѣчаютъ восходя-

шее солнце пѣтухи-бобыли, давно разучившіеся биться. И самое слово *женщина* — запретное слово.

Гдѣ когда-то, обугая въ сандалію, попирала мраморный прахъ легкая нога, гдѣ звучали молодые на встрѣчу восходящему солнцу голоса, гдѣ, розовѣющія при восходѣ, высились колонны прекрасныхъ храмовъ, нынѣ, подобныя тюремнымъ, стоятъ зубчатая и темная стѣны.

На сѣрыя осиныя гнѣзда похожи низкіе куполы. Темны и насыщены запахомъ безлюдья, воска и еля нависшіе своды. Тяжелы древніе, червемъ источенные иконостасы. Жестоки черные, окованные въ серебряныя ризы, лики на древнихъ иконахъ. Вою погребальному подобно пѣніе и уныль и безконеченъ служебный уставъ киновій.

Сухи и мертвенны иноки, стоящіе по стѣнамъ въ обтертыхъ, населенныхъ клопами, темныхъ буковыхъ «формахъ». Чрезмѣрно худы или мучнисто раздуты ихъ вялыя лица и неприятны невѣрно-уклончивые глаза. Сухи и однообразны привѣтствія и суха рѣчь.

Силень искуситель, —
Какою силою станешь на него? —
Терпѣніемъ, постомъ и молитвою!

Въ трапезной монастырской на низкихъ сводахъ изображено житіе иноческое и козни бѣсовскія, инока одолѣвающія.

По долгой лѣствицѣ, ведущей къ вратамъ Петровымъ, вереницей поднимаются иноки. А внизу, въ языкахъ пламенныхъ, пляшутъ и кривляются бѣсы, держащіе въ когтистыхъ лапахъ длинныя крючья, достающіе иноковъ.

Множество искушеній уготовляютъ бѣсы иноку на его пути лѣствичномъ:

чревоугодіе, —
вкусившій еля и рыбы въ день запретный, соблазнившійся на домашнее питаніе.
— Бѣсъ на крюкѣ держигъ свиное ухо, а другой съ хохотомъ тащитъ инока въ геену.

жадность, —

скрывшій отъ братаи золото и серебро, таящій богатство и одежду, о мірскомъ благополучіи мечтающій.

— Бѣсы злорадно потрясають мощной лудиной и крючьями тащатъ инока въ огонь.

властолюбіе и гордыня, —

кто о славѣ, о власти, о земномъ, печется болѣе чѣмъ о небесномъ, кто ради *здѣшняго* на подвигъ идетъ.

— Схимнику бѣсы загоняють осиновый коль въ глотку.

грѣхъ плотскій, —

изъ всѣхъ грѣховъ — грѣхъ тягчайшій. —

— Съ послѣдней ступени лѣствицы оскаленный бѣсъ стаскиваетъ древняго старца, уже коснувшагося перстами порога вратъ небесныхъ.

Силенъ искустель и тяжекъ путь взявшаго на плечи крестъ иноческій.

Молчаніе — уста замкнутыя.

Постъ — невкушеніе елея и рыбы.

Заклепъ — отъ міра отреченіе.

Покореніе плоти — подвигъ величайшій.

Плотъ — стѣна тюремная, отдѣляющая душу отъ сладчайшихъ вратъ. Покореніе плоти — подвигъ величайшій и освобожденіе духа.

Веселію же преоборовшаго нѣсть конца.

III. ПРЕМУДРОСТЬ.

Въ обители великомучениковъ Тирона и Стратилата хранится чудесный жезлъ святого Саввы, открывающій скалы, и тамъ же — драгоцѣннѣйшее древнее евангеліе, писанное золотомъ по багряному пергаменту.

Въ монастырѣ, заложенномъ греческой царевной Пульхеріей, хранятся части мощей Лазаря воскрешеннаго и глава вѣтхозавѣтнаго пророка Исаи.

Въ нѣкоей келліи, въ прославленіе благодати, излитой надъ Горюю, творится изо дня въ день чудо, кое всякій ежедневно можетъ видѣть своими глазами. Братія сей келліи владѣтъ частицею Чудотворнаго Древа. Ежедневно, когда ставится для братіи хлѣбъ, старецъ-пекаръ трижды благословляетъ опару частицею Древа, и на глазахъ у братіи и гостей незаправленное дрожжами тѣсто начинаетъ быстро подниматься, и видящіе чудо прославляютъ премудрость, покрывающую Гору.

Въ монастырѣ святого Ксенофонта, возносящемъ надъ каменнымъ ушеліемъ свои неприступныя башни и стѣны, хранится чудотворная икона Георгія Побѣдоносца, на темномъ ликѣ котораго, на лѣвой ланитѣ, торчитъ прикипѣлый перстъ морского разбойника-атамана, въ давніе годы ворвавшася въ монастырь, безбожно кощунствовавшася, а впослѣдствіи пріившаго ангельскій чинъ и кончавшаго дни въ схимѣ и подвигѣ.

Преданіе рассказываетъ:

Въ далекіе годы Гора неотдышно страдала отъ налетовъ морскихъ разбойниковъ, населявшихъ острова, и потому такъ высоки и неприступны стѣны ея монастырей, выдерживавшихъ длительныя осады.

Въ сей монастырь, послѣ долгаго отстаиванія, ворвалась шайка, предводитель коей зналъ о хранимой братіей чудесной чудотворной иконѣ. Кощунственно, не скрывая окровавленнаго меча и не снимая шлема, вошелъ онъ въ храмъ, дерзко повернувшись и увидѣвъ чудотворную икону, ткнулъ въ нее перстомъ:

— Этотъ, что-ли!

И перстъ разбойника неотрывно прикипѣлъ къ лику мученика, гнѣвно нахмурившася. Никакія усилія не помогли разбой-

нику оторвать руку и, поднявъ мечъ, онъ отсѣкъ персть, увѣ-
ровалъ и, павъ передъ чудотворною иконою, молилъ о прощеніи.

Бывъ же прощенъ, принялъ святое крещеніе, а позже —
ангелскій чинъ подъ именемъ Георгія и черную схиму.

Велика премудрость, покрывающая Гору, слава и сила! Мно-
гія чудотворныя иконы хранятся въ монастыряхъ, прославившія-
ся повсеземно, многія совершаются и донныѣ по Горѣ чудеса,
множество святынь и великоцѣнныхъ древностей хранятся подъ
вѣковымъ монастырскимъ спудомъ, и нѣтъ къ нимъ ходу про-
стому мірскому человѣку.

У отца Герасима, скрытника и пещерника, въ дождевой ка-
менной ямѣ, прикованный накрѣпко, томится пойманный самимъ
старцемъ и закрещенный бѣсъ.

Отъ долгаго хожденія по цѣпи на днѣ ямы бѣсомъ высо-
бленъ камень. Виду бѣсъ сѣраго, малый и жухлый. Когда старецъ
читаетъ молитвы, бѣсъ жалобно отъ тоски подвываетъ.

Приходятъ паломники смотрѣть на шелудиваго плѣннаго
бѣса, харкаютъ въ яму, набравши слюны побольше, а онъ клу-
бочкомъ лежитъ на днѣ ямы, дрожить и жалобно стонеть.

— Заячью пищу приемлетъ! — говорятъ про него бого-
мольцы.

Неподалеку отъ ямы, у каменной пещеры, воздѣвъ горѣ ру-
ки и стоя голыми колѣнями на кучѣ остраго щебня, молится ста-
рецъ, — часъ и два и три, недвижно.

Ждутъ покорно богомольцы, когда станетъ старецъ и за-
говорить. Ждутъ часами, забавляясь отъ скуки бѣсомъ.

Тихую ведутъ между собой о старцѣ бесѣду:

— Въ мѣсяцъ одну просфору съѣдаетъ:

— Камня крѣпче.

— Сколько часовъ не шевельнется.

— Сила въ немъ.

Станетъ отшельникъ—не многого отъ него добьешься, рѣд-
ко вымолвить слово. А скажетъ, — не малое надо подумать.

Разъ сказалъ плакальщикамъ о хлѣбѣ:

—Русскимъ людямъ хлѣба не надобно, — сами себя ѣдятъ,
тѣмъ и сыты бываютъ!

И въ словахъ сихъ, накрѣпко запомнившихся, многіе узрѣли смыслъ сокровенный и пророчество.

Отецъ Паисій, старецъ сѣдой и легкой, восемнадцатый годъ не выходитъ изъ усыпальницы, хранителемъ коей приставленъ. Семнадцать лѣтъ не видѣлъ иного, кромѣ восковой свѣчи, свѣта и шестьдесятъ два года, какъ не видитъ міра.

Помѣщеніе его подъ главною церковью — просторный сухой подвалъ. У небольшого иконостаса неугасимая лампада и теплится ожерелье горящихъ свѣчъ. Вдоль стѣны, въ три ряда, протянуты узкія деревянныя полки, на которыхъ рядами разставлены желтыя мертвыя главы съ темнѣющими глазами и оскаленными зубами. Въ желтыхъ изборожденныхъ костяхъ отражается трепыхающій свѣтъ восковой свѣчи.

На каждой мертвой главѣ наклеена продолговатая бѣлая бумага и стариннымъ рассыпистымъ почеркомъ выведено точно:

іеромонахъ — —
Бѣлозерской келіи
... года ... мѣсяца ... числа.

На нижней полкѣ — пришлые, мірскіе, ангельскаго чину не воспріявшіе, животъ свой въ разные времена кончавшіе на Горѣ.

Въ самомъ углу двѣ мертвыя главы съ зіяющими отверстіями въ темной темной кости — иноки безымянныя, предавшіеся вину и дьяволу и въ дракѣ животъ свой непотребно положившіе.

На каменномъ полу у стѣны — вериги чернаго, на тѣлѣ обтершагося до гладкости желѣза и глухой желѣзныи шишакъ съ мертвою, въ немъ заключенною главою великаго скрытника и страстотерпца.

Крупныя, бедренныя и голенныя, кости лежатъ отдѣльно ровною грудкой, орошенныя елеемъ, запахъ котораго проникновенъ.

Мелкія кости и косточки свалены въ безпорядкѣ, праведныя и неправедныя: ребрышки, позіонки, подвздошнички.

Неслышно ходитъ о. Паисій неслышными шагами. Здѣсь молится, спитъ и принимаетъ пишу. Его глаза, семнадцать лѣтъ не выдавшіе дневного свѣта, слезятся. Трясутся слабыя руки и едва слышенъ голосъ:

— Сіи, — тихо говоритъ о. Паисій, восковой рукой каса-
ясь двухъ крайнихъ главъ, — сіи недавніе: послушникъ Гера-
симъ, умершій отъ язвъ, его съѣдавшихъ, и іеросхимонахъ Ам-
вросій, скончавшійся ста двѣнадцати лѣтъ, прожившій на Горѣ
восемьдесятъ годовъ и воздержаніемъ прославившійся. По обы-
чаю здѣшнему умершій покоится въ землѣ ровно три года, и
три года братія ежедневно возноситъ молитвы передъ Госпо-
домъ и передъ Покровительницей, прося объ отпущеніи усѣ-
пшему вольныхъ грѣховъ и невольныхъ. По истеченіи же срока
съ трепетомъ и надеждою приступаютъ къ отрытію праха. Ве-
лика радость братіи, если находятъ кости чистыя и персть со-
тлѣвшіею: свершилось реченное — «земля еси и въ землю оты-
деши». И возблагодаряютъ Царицу Небесную съ пѣніемъ и мо-
литвами, костные же останки приносятъ сюда на береженіе. И
горе братіи, ежели, отрывъ прахъ, увидятъ плоть нетлѣнной,
— съ плачемъ и уныніемъ вновь зарываютъ могилу и съ сугу-
бымъ усердіемъ возносятъ молитвы передъ Господомъ и Заступ-
ницей о спасеніи души великаго грѣшника.

Въ дебряхъ лѣсныхъ и каменныхъ, невидные и неслышные,
скрываются отшельники, въ подвижъ и заклѣпъ сокрушающіе
плоть. Бѣсъ не щадитъ и старцевъ столѣтнихъ: въ пещерахъ,
въ житіи подвижническомъ видятъ старцы видѣнія соблазнитель-
ныя, слышатъ слова непотребныя, вѣдомъ приносимыя ни от-
куда.

Не оставляютъ бѣсы самого отца Паисія:

— Вижу по ночамъ кривлянія бѣсовскія и наготу и волоса-
тость, — крикомъ и плачемъ истекаетъ передо мною бѣсъ. —

Старцу Онисиму, заклепнику карульскому, явилось видѣ-
ніе: въ бурю и мракъ, у подножія скалы, на коей спасался ста-

рець, разбился гонимый вѣтромъ корабль. Старець услышалъ въ ночи человѣческой вопль о помощи, плачь и крики. Зная хитрость бѣсовскую, старецъ палъ передъ Заступницей, моля о укрѣпленіи. Вопль же и крики слышнѣ доносились съ моря и, искусившись, старецъ оставилъ молитву и сошелъ со скалы къ бушующему морю.

На прибрежныхъ камняхъ, окатываемыхъ волной и пѣною, увидѣлъ онъ остатки разбитаго судна.

Призывавшій о помощи вопль смолкъ.

Творя молитву о упокоеніи душъ, здѣ безпокаянно погибшихъ, и помышляя о козняхъ, кои всегда и неотступно уготовляетъ иноку дьяволъ, отецъ Онисимъ спустился къ водамъ и узрѣлъ на камнѣ, пощаженномъ волною, ребенка прекраснаго и обнаженнаго и мокрые распущенные его волосы, колыхаемые водою.

Закрывъ лицо и проклиная дьявола, уготовившаго искушеніе столь злое, старецъ отвернулся и побѣждалъ въ пещеру, вбѣжавъ-же палъ на камень, въ долгихъ стояніяхъ колѣнями протертый, и возопилъ къ Заступницѣ.

Веселился бѣсъ за спиною старца и точилъ:

«Отче, по божьему ли поступаешь, оставляя дитя!»

Поддавшись искушенію и потерявъ чистоту молитвы, побѣждалъ старецъ къ морю. Вѣтеръ трепалъ одежды его, вѣялъ съдыми волосами и относилъ длинную бороду.

Охолодѣвшая грудь ребенка, когда припалъ къ ней старецъ, уже не испускала стоновъ.

Старець поднялъ дитя и, дыханіемъ своимъ отогрѣвая его уста, понесъ сквозь бурю въ каменную свою пещеру — — —

Нынче, гдѣ грудю лежатъ камни и обломки обрушенныхъ зсмлетрясеніемъ скалъ, у берега моря, зіяетъ въ камнѣ опаленная огнемъ и дымящая сѣрою темная щель.

На этомъ мѣстѣ провалился въ преисподнюю старецъ Онисимъ, искушенный дьяволомъ.

Сюда стекаются богомольцы узрѣть щель адову, понюхать адова сѣрнаго чаду и слушать, какъ отъ самага дна геены подымается скрежетъ зубовный и горькій плачь.

Гдѣ надъ моремъ, обрушенная землетрясеніями, нависла мраморная скала — съ вершины ея видно уходящее въ темно-зеленую глыбъ покатое, обваломъ засыпанное, морское дно. Въ полдень, когда по монастырямъ, келліямъ и каливамъ, задыхаясь отъ зноя, иноки отдыхаютъ отъ ночныхъ стояній, — солнце, стоящее надъ головою, проникаетъ морскую глыбъ. Въ этотъ часъ въ морской глубинѣ можно увидѣть мраморный городъ: высокія, обрушенныя землетрясеніемъ колонны, бѣлыя стѣны храмовъ, мраморныя изваянія и чуть услѣдимыя глазомъ груды каменныхъ домовъ и башенъ.

Здѣсь, погребенный моремъ, лежитъ въ зеленой глубинѣ языческой городъ.

Часть его, моремъ не скрытая, подъ моими ногами: мелкій, истертый въ прахъ мраморный щебень, въ которомъ скользить и хрупнетъ шагъ. Вокругъ остатковъ мертваго города разрослись высокіе кедры, — буйный красный лѣсъ, мелкая зеленая поросль орѣшника и по самому щебню непроницаемая чаща олеандровъ. Ослѣпительное отражается въ мраморномъ щебнѣ полуденное солнце.

Сіе мѣсто скверно, проклято и запретно.

Дабы не оскверниться прахомъ ристалищъ блудныхъ, иноческая нога сюда не ступаетъ. Здѣсь, по преданію, высился храмъ непотребной богини, здѣсь же во имя ея свершались блудныя пиршества и непотребныя игры. Обходя сіе мѣсто, инокъ обязанъ перекреститься и трижды плюнуть: знаменіе и молитва Заступницѣ, Непорочной Дѣвѣ, избравшей Гору подъ пречистый покровъ, плеваніе же — непотребной дѣвкѣ Венеркѣ и дьяволу, ея батькѣ.

Въ свѣтлыя іюньскія ночи, когда подъ весломъ вода огнемъ загорается, а надъ теплой землею, чертя темноту, толкутся летучіе свѣтляки, во время ночныхъ стояній не однажды видѣли отшельники со своихъ неприступныхъ скалъ — блудное дѣйство на мѣстѣ сквернемъ. Въ эти ночи свѣтомъ призрачнымъ свѣтился въ морской глубинѣ погребенный городъ, и на берегу, въ одеждахъ, наготу обнажающихъ, двигались люди, и въ самыя недоступныя, самыя высокія пещерныя обиталища подвижниковъ, вмѣстѣ съ дыханіемъ морского вѣтра и запахами цветущихъ олеандровъ доносилось отъ моря пѣніе и сладкіе иску-

шающіе женскіе голоса. Въ такія ночи слышнѣе былъ молитвенный шопоть, исходящій отъ обожженныхъ сухихъ устъ отшельниковъ, и злѣе злился бѣсъ искушающій, и соблазнительнѣе видѣнія, имъ наводимыя, и смѣхъ, и слова непотребныя.

Дабы не искустись на собственное тѣло, не можетъ инокъ видѣть наготы своей, и сказано ему носить одежду, не снимая до истлѣнія ея и не можетъ до скончанія дней быть въ банѣ. Только хворымъ и недужнымъ дается отъ настоятеля благословеніе на баню. По той же причинѣ, чтобы не искушать дьявола, — ликъ Заступницы и Покровительницы, *женщины* единственной, присутствующей на Горѣ невидимо и неустанно, пишется на иконахъ старческимъ, сухимъ, мужеподобнымъ.

И чѣмъ крѣпче инокъ, тѣмъ злѣе около него бѣсъ.

Нѣкая покровительница, дальняя и щедрая дарственница, не вѣдая о всей строгости уставной и желая порадовать дорогую ея сердцу братію, прислала въ подарокъ монастырю икону небеснаго ктитора монастырскаго, Цѣлителя и Великомученика Пантелеймона, выписанную письмомъ новѣйшимъ. Сей угодникъ, происхожденія царскаго юноша, обычно пишется въ ростъ, въ одеждахъ царскихъ, держащимъ въ лѣвой рукѣ врачевальный ларець, а въ правой лжицу. На иконѣ же дарственной былъ онъ выписанъ красками свѣтлыми, прекраснымъ и молодымъ, ликомъ женоподобный.

То ли дьяволъ затмилъ, или же побоялись огорченія щедрой дарственницы, — присланную икону помѣстили въ главномъ, имени Великомученика, храмѣ, бѣсамъ на великое, какъ оказалось, обрадованіе.

Той же недѣлей, на исповѣди, смиренный послушникъ-пѣвчій, юноша Евтихій, покаялся духовнику въ безсиліи своемъ стоять противъ козней дьявольскихъ . . .

И точно пламя, пушенное въ сухой терній, на великую радость дьяволу, розгорѣлся грѣхъ по всей Горѣ, оскверняя сердца и испепляя слабыя.

На послушника, первымъ поддавашагося дьявольскому искушенію, была наложена епитемья и заклепъ строжайшій, искусительную же икону убрали подъ глубокой спудъ. Но еще долго,

радуясь своей силѣ, дьяволь смущаль инокозъ видѣніями непристойными.

Въ Ильинскомъ скиту, въ садахъ зеленыхъ и глубокихъ, стоитъ одинокая калива инока Антонія, бѣжавшаго на гору отъ жизни свѣтской и блестящей, премѣнившаго высокое званіе мірское на смиренный монашескій чинъ. Неслышно жилъ на Горѣ Антоній годъ и два, а черезъ два года потрясъ монашество бѣсовскою ересью.

За Антоніемъ пошла монашеская голь, шать и темь, скитальцы и бездомовники, братья птичіе.

— Богъ суть не Богъ!

Въ Ильинскомъ скиту — гнѣздѣ ереси — смутьяны ворвались въ настоятелевы покои. Настоятеля же, старца почтеннаго и много потрудившагося на просіяніе обители, раздѣли до нага и безстыдно изгнали за монастырскія ворота въ непотребномъ видѣ. Сами же, избравъ Антонія игуменомъ и захвативъ казну, заперлись въ монастырѣ, выславъ ходоковъ по всѣмъ монастырямъ, келліямъ и каливамъ. Отъ пророка Иліи къ Андрею Первозванному, отъ Андрея на Русикъ новый и старый, — по скитамъ, келліямъ большимъ и малымъ, по одинокимъ каливамъ, минуя грековъ, пронеслась точно моръ, точно пламень, раздуваемый вѣтромъ, опалая сердца русскихъ иноковъ, бѣсовская безумная ересь.

— Богъ не Богъ! — Богъ — *имя* Божіе.

Великое радование выпало бѣсамъ, добычу не малую въ дни смуты уловившимъ. Не малое стало безпокойство властемъ предержащимъ, о благопристойствѣ обители пекущимся: прибылъ корабль военный и войско, и политіемъ изъ трубы пожарной были смирены иноки, бѣсамъ предавшіеся и, во избѣжаніе заразы новаго распаленія, увезены въ дебрь.

Тѣмъ закончилось величайшее, что могутъ запомнить долголѣтніе старцы, *дьявольское искушеніе*, на Горѣ и надолго остался въ сердцахъ, опаленіемъ тронутыхъ, смрадъ смуты.

Послѣ Георгіевской келліи, послѣдней келіи на трехдневномъ пути къ вершинѣ, можно по извивной крутой стежкѣ, до-ступной пѣшему и муламъ, спуститься къ морю на шлюпки, а кто посмѣлѣе, — идутъ на Карулю.

Живутъ на Карулѣ старцы, навсегда покинувшіе міръ — *каливиты*. Попастъ на Карулю — подвигъ: кто былъ на Карулѣ, тому и въ рай ближе.

Нужно взобраться на вершину отвѣсной, нависшей надъ моремъ скалы. Тутъ, скрытая въ кустахъ и каменіяхъ, начинается узкая тропа. Въ камень вклепаны цѣпи, и по цѣпямъ, повисая надъ полуверстной голубой бездной и едва касаясь ногами выдолбленныхъ въ камнѣ ступенекъ, храбрые и вѣрующіе спускаются къ обители строгихъ.

Маленькіе домики подвижниковъ, — *каливы*, — прикрѣпленные къ скалѣ на высотѣ полуверстной, подобны ласточкинымъ гнѣздамъ, — отсюда вѣчное видно море, а ночью — звѣзды.

Изъ всѣхъ подвижниковъ строжайшій — отецъ Павелъ. Слава отца Павла широка и неизмѣнна.

Къ открытой двери его каливы прислоненъ тяжелый надмогильный крестъ: такъ на Горѣ, вмѣсто замковъ и засобовъ, запираютъ жилище.

Самъ отецъ Павелъ, худой и высокий, съ длинной прямой бородой, тяжелой киркой долбитъ поодаль камень.

— Благослови, отче!

Онъ выпрямляется, тихо и молча благословляетъ, а гости цѣлуютъ его сухую, пахнущую ладаномъ и солнцемъ руку.

— Счастливъ видѣть! — говоритъ отецъ Павелъ, вводя гостей въ свое тѣсное, сложенное изъ камней жилище.

На его босыхъ ногахъ, обожженныхъ солнцемъ, видны вздутыя жилы, и сквозитъ подъ обтянутой кожей сухая кость. Онъ худъ и подъ загаромъ блѣденъ. Голосъ его слабъ и тихъ, движенія спокойны, а сѣрые глаза чисты и прозрачны. Онъ дѣвственникъ, а у дѣвственниковъ, подвижниковъ святогорскихъ глаза, какъ чистая влага.

— Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, — говоритъ онъ. — Славлю Господа Бога и Заступницу, открывшую мнѣ сей неизсякаемый источникъ. —

Отъ долгаго пути, отъ солнца, отъ встрѣчъ и ночныхъ видѣній сладко кружится голова, а душа, какъ струна.

Дикія пустынные скалы, синее море, звѣзды надъ моремъ и землю:

о сладкая, о щемительная мати-пустыня! Сладчайшему яду подобна любовь къ тебѣ, и разъ испившій отъ тебя, оторваться не можетъ!

— Радостна жизнь затворническая и сладко уединеніе и плоти закланіе. Любовію полнится сердце, и дивлюсь, какъ могъ жить въ міру и переносить мерзость. Одиночество суть съ Богомъ и ангелами его святыми сладчайшее общеніе, подвигъ и воздержаніе — пища духовная! Истинно, съ высоты горней на міръ смотрю и ничтожество свое принимаю: открыта жизнь и желанна смерть — горящимъ устамъ утоленіе, переселеніе въ міръ лучшей, подъ одежды легкія. Крестъ же иноческій преодолѣвшему — вѣнокъ, изъ легкихъ цвѣтовъ сплетенный.

Слушаемъ отца Павла трое: я, монахъ провожатый и мой другъ сердечный и спутникъ, тамбовскій плотникъ — старикъ, человекъ крылатый, исходившій свѣтъ Божій, коснувшійся старческими перстами своими земного пупа.

... — И увидѣли, — слабымъ и сладчайшимъ голосомъ говоритъ отецъ Павелъ, — и увидѣли отверстіе въ холмъ могильномъ, подобное кротовей норѣ. А изъ отверстія, вѣясь, выползла змѣя и скрылась. И поняли, какой страшный грѣшникъ лежалъ въ могилѣ.

Высыпали по небу звѣзды — безъ конца, безъ края, мы же, сидя на камняхъ, продолжаемъ слушать умильное слово отца Павла.

Позднюю ночью онъ укладываетъ гостей въ каливѣ, самъ же не спитъ, молится подъ звѣздою, и сквозь сонъ легкой и напряженный слышу, какъ тихо входитъ и покрываетъ лицо мое легкой сѣткой — отъ злыхъ москитовъ.

Въ два часа ночи насъ будить. Зажигаетъ у лика Заступницы теплое ожерелье свѣчъ.

Все такое же надъ моремъ засыпанное порошей небо.

— Радуйся, Заступнице Пречистая, краса изъ красотъ! Радуйся, Непорочная Дѣво, свѣтомъ дивнымъ освѣтившая міръ!

Радуйся! Отверзшая Райскія Врата, тихимъ сердцемъ Успокоительнице! — —

Такъ встрѣчаемъ солнце: сперва на вершинѣ горы загорается точка — храмъ Воздвиженья, а потомъ, глазомъ не мигнешь, поднимается надъ моремъ нестерпимый ослѣпительный свѣтъ.

И. Соколовъ - Микитовъ.

А. Черный

ДОКТОРША.

I.

Шумить, поеть и плещеть Виля.
Качается прибрежная пшеница...
У отмели — сырая колея,
А въ чашѣ домъ — приземистая птица.
Я поведу васъ узкою тропой, —
Вы не боитесь жабъ и паутины? —
Вдоль мельницы пустынной и слѣпой,
Сквозь заросли сирени и малины...
Вотъ здѣсь, за яблоней, уютно и темно:
Подъ сѣрымъ домою борть махровой мальвы.
Игрушка дѣтская уставилась въ окно,
А у порога щить съ привѣтомъ «Salve».
Скорѣ спрячьте въ яблоню лицо!
На пѣсню пчелокъ въ липовыхъ сережкахъ
Ребенокъ пухлый вышелъ на крыльцо,
Качаясь робко на невѣрныхъ ножкахъ.
Какъ хорошо жужжить въ травѣ родникъ!
Какъ много въ небѣ странной синей краски!
И вдругъ свиньѣ, взрывающей цвѣтникъ,
Смѣясь, грозитъ кистями опояски . . .

А мать сквозь садъ идетъ на шумъ въ овинъ,
Спѣшитъ, перелѣзаетъ черезъ тынъ, —
Хранить свое добро отъ мѣстныхъ братьевъ.
Грубѣютъ руки, сердце и душа:
Здѣсь садъ, тамъ хлѣвъ, и куры, и коровы.
Старуха нянька бродитъ, чуть дыша,
И все бубнить, вздыхая, о Тамбовѣ...
Мужъ палъ въ борьбѣ съ мужицкимъ сypнякомъ.
Одна среди полей и печенѣговъ,
Она, какъ волкъ, хранить дитя и домъ
Отъ злыхъ поборовъ и лихихъ набѣговъ...
Продастъ — обмануть, купить — проведутъ,
За каждый ржавый гвоздь тупая сваря, —
Звѣриный бытъ сжалъ сердце, словно спрутъ,
Всѣ дни въ грызнѣ — отъ кухни до амбара.
Но иногда, какъ свѣтлый добрый гость,
Зайдетъ кузнецъ иль тихая крестьянка —
И вотъ, стыдась, бѣжитъ изъ сердца злость...
Войдутъ, вздохнуть. Въ платочкѣ меду банка.
О мужѣ вспомнить: какъ онъ ихъ лечилъ.
Посѣтуютъ на новыя затѣи.
Кузнецъ серьезный, — руки въ сѣткѣ жилъ,
Тугой платокъ прильнулъ къ воловѣй шеѣ...
Комодъ раскроетъ, зазвенѣвъ замкомъ,
Дастъ кузнецу пакетъ грудного чая,
А гостѣ лифчикъ съ синимъ пояскомъ —
И вновь въ окно засмотрится, скучая.
Клубясь, плывутъ надъ садомъ облака.
Работа ждетъ: все злѣй торопить лѣто...
Въ стекло стучится дѣтская рука
Съ багряножелтой кистью бересклета.

II.

Уходитъ въ даль грядой литовскій лѣсъ.
Внизу полотна розовой гречихи.
Сквозь ключья сосенъ мрѣть глубь небесъ,
А въ бурой чащѣ бродитъ вѣтеръ тихій...
Клокочетъ ключъ, студеная вода.
На мшистомъ пнѣ, къ струямъ склонивши плечи,
Сидитъ она, сбѣжавши отъ труда,
И жадно ловитъ плескъ болтливой рѣчи.
Вода звенить о радости земной,
Вода шумить о вѣчности мгновенья.
На яркихъ мхахъ горитъ веселый зной,
И муравьи бѣгутъ у ногъ въ смятеньи.
У пня въ лукошкѣ пестрый кладъ грибовъ:
Лимонныя въ ѳборочкахъ лисички,
Моховики — охапки толстыхъ лбовъ
И вѣтка лакированной бруснички.
Она встаетъ, вздыхая, и идетъ:
Слѣзитъ сквозь лѣсъ къ полямъ и огороду,
Теленка приласкаетъ у воротъ
И броситъ въ будку хлѣба псу-уроду.
Табакъ подсохъ, на нижнихъ листьяхъ пыль,
Пора срывать, развѣшивать вдоль крыши...
Подъ грушу грузную, кряхтя, воткнетъ костыль,
Шугнетъ свиненка изъ балконной ниши...
Пройдетъ къ рѣкѣ и долго смотритъ въ даль:
Тамъ, далеко, за виленской землею,
Угрюмо бродитъ Русская Печаль,
Въ пустыхъ поляхъ, поросшихъ лебедю.
Тамъ близкіе: сестра и братъ и мать.
Но гдѣ? Но живы-ль? Нѣтъ путей оттуда...
Когда-бъ ихъ всѣхъ подъ этотъ кровъ собрать,
Вся жизнь вокругъ здѣсь расцвѣла-бъ, какъ чудо!
Проснулся-бъ сѣрый домъ и огородъ...
Что ей одной и кровля и избытокъ!
И трудъ бы сталъ ей радостью заботъ,
И плыль-бы день за днемъ, какъ свѣтлый свитокъ...

Она глядитъ: вдоль бора ожилъ путь,
Въ песокъ кляченки напрягаютъ ноги,
Плетутся бѣженцы. Въ глазахъ тупая жуть.
Въ телѣгахъ скарбъ, лохматый и убогій.
Такъ каждый день: какъ будто изъ могиль
Они бредутъ за шагомъ шагъ оттуда, —
И каждый ей желаненъ былъ и миль,
Какъ старый гость среди чужого люда.
Бѣжить, — разспросить... Горекъ ихъ отвѣтъ.
Телѣги завернетъ къ своей калиткѣ:
Идетъ въ чуланъ, и вмигъ готовъ обѣдъ,
И все, что есть, спѣша раздастъ до нитки...
И вотъ опять въ долину новыхъ бѣдъ,
Скрипя, ползутъ невзрачныя повозки.
Она стоитъ и молча смотритъ вслѣдъ.
Шумить рѣка. Качаются березки.

III.

Сѣдая ночь изъ сада смотритъ въ домъ.
Шуршать кусты, и сонно стонуть ставни.
Спираль обоевъ свѣсилась винтомъ,
Подъ ней на стѣнкѣ замокъ стародавній.
Горитъ свѣча. На тонкое лицо
Дрожащій свѣтъ упалъ косымъ румянцемъ.
На рваной скатерти домашнее винцо,
И чай, и сыръ, и булки съ темнымъ глянцемъ.
У докторши сегодня пиръ горой:
И домъ другой, и вся она другая —
Сегодня утромъ въ тишинѣ сырой
Къ ней постучалась путница чужая.
Съ большимъ мѣшкомъ на худенькихъ плечахъ,
Косясь сквозь садъ на алые амбары,
Она, сія въ утреннихъ лучахъ,
Спросила: «Гдѣ дорога въ Кошедары?»
И какъ-то такъ, какъ въ поѣздѣ порой,
Онѣ разговорились незамѣтно, —
Ребенокъ разсмѣшилъ ее игрой,
И яблони кивнули ей привѣтно...
И вотъ осталась. Въ поздній темный часъ,
Какъ двѣ сестры, онѣ шептались тихо,
И пальцы ихъ сплетались много разъ,
А ночь въ окно смотрѣла, какъ волчиха:
Россія — заушенье — боль — и стыдъ,
И лисье бѣгство черезъ сто рогатокъ,
И наглый бичъ безмысленныхъ обидъ,
И будущее — цѣпь нѣмыхъ загадокъ...
Вплетая въ шопоть все растущій плескъ,
Въ саду запѣлъ дорожный колоколецъ.
Безпечный смѣхъ — и черныхъ вѣтокъ трескъ,
И лай собакъ изъ всѣхъ глухихъ околицъ...
Трещить крыльцо. Влетаютъ впопыхахъ
Веселая, какъ буйныя цыганки,
Съ кулками и пакетами въ рукахъ
Три гости, три знакомыхъ хуторянки.

Подъ темнымъ небомъ толстый самоваръ
Опять гудить и мечеть къ звѣздамъ пламя,
А въ комнатѣ раздолье и угаръ, —
Хохочетъ докторша, трясется замокъ въ рамѣ...
Журчить - звенить болтливый разговоръ:
«Въ обмѣнъ на соль добыли двѣ холстины,
И возъ жердей купили на заборъ!
И засушили куль лѣсной малины!..»
Мужчины тамъ... Вернутся-ль вновь назадъ?
Воюють? Сгинули? Съ востока нѣтъ ни слова.
А жизнь не ждетъ — и хлѣвъ, и лугъ, и садъ
Зовутъ къ работѣ властно и сурово.
Ни книгъ, ни нотъ... Движенья ихъ рѣзки,
И руки жестче дланей амазонокъ...
Смѣются, пьютъ. Къ свѣчѣ летятъ жуки.
Въ сосѣдней спальнѣ кротко спитъ ребенокъ.

IV.

Проходятъ дни... Въ аллеѣ свѣтъ и тѣнь,
Подъ липами лѣниво пляшутъ блики.
Тяжелый жерновъ, вдвинутый на пень,
Обросъ вокругъ усами ежевики...
Въ концѣ аллеи сѣвшій на бокъ склепъ:
За ржавой грудью выгнутой рѣшетки
Портретъ врача, вѣнокъ, истлѣвшій крепъ,
И глазъ лампадки, розовый и кроткій.
Кричитъ пѣтухъ. Въ колодезной бадѣ
Полощатся лохматые утята.
Сквозь сѣтъ малины промелькнулъ въ ладѣ
Старикъ-кузнецъ, отчалившій куда-то.
Передъ крыльцомъ понурый пѣгій конь,
Въ телѣжкѣ куль: мука — одежда — птица...
Раскрыла двери смуглая ладонь,
И вышла докторша и новая жилица.
Опять на Западъ, къ новымъ берегамъ, —
Напрасно та всю ночь ее молила
Остаться здѣсь, гдѣ кровь и птичій гамъ,
Поля и трудъ и гладь рѣчного ила...
Нельзя! На Западъ! Гдѣ-то тамъ отецъ,
Она его напрасно ищетъ съ мая...
Ея знакомый, виленскій купецъ,
Видалъ его въ Дармштадтѣ у трамвая...
Возница влѣзъ на козлы и молчитъ.
Уходитъ гостя въ домъ обнять ребенка,
Вернулась, сѣла, — мягкій гулъ копытъ,
И вотъ въ кустахъ нырнула лошаденка...
Опять одна... Веранда спитъ въ лучахъ.
Въ окнѣ играетъ мирно съ нянькой Лиза.
Собака спитъ на старыхъ кирпичахъ,
И тминъ виситъ у пыльнаго карниза.
Пошла полоть въ дремучій огородъ,
За ней гурьбой вихлястые утята...
Но трудъ постыль, — и снова отъ воротъ
Идетъ въ поля на зовъ рѣки косматой.

Слетались галки къ отмели косою.
За Виліей штыки на солнцѣ блещуть...
Хлѣба подѣ вѣтромъ льются полосой,
И волосы изъ подѣ платка трепещуть.
Вдали у бора снова цѣпь телѣгъ:
Скрипятъ — ползуть печальнымъ длиннымъ рядомъ.
Безудержный, мятущійся набѣгъ
Изъ русскаго бушующаго ада.
Она стоитъ и смотритъ: не понять!..
Тучнѣетъ хлѣбъ въ томленіи лѣнивомъ,
Синѣетъ даль. Стрижей веселыхъ рать
Влетаетъ въ гнѣзда подѣ рѣчнымъ обрывомъ.
У отмели — сырая колея.
Ребята плещутся. Щенокъ за уткой мчится...
Шумитъ, поетъ и плещетъ Вилія,
Качается прибрежная пшеница.

А. Черный.

Ал. Амфитеатровъ

**В. О. КЛЮЧЕВСКІЙ,
КАКЪ ХУДОЖНИКЪ СЛОВА.**

В. О. Ключевскій,

какъ художникъ слова.

Рѣчь, произнесенная въ петроградскомъ Домѣ Литераторовъ на торжественномъ собраніи въ десятилѣтнюю годовщину памяти В. О. Ключевского, 1921. V. 26.

«Почти три десятка лѣтъ этотъ великанъ, безъ малаго трехъ аршинъ ростомъ, метался по странѣ, ломалъ и строилъ, все запасалъ, всѣхъ ободрялъ, понукалъ, бранился, дрался, вѣшалъ, скакалъ изъ одного конца государства въ другой. Такою безустанною дѣятельностью сформировались и укрѣпились понятія, чувства, вкусы и привычки Петра. Тяжеловѣсный, но вѣчно подвижный, холодный, но вспыльчивый, ежеминутно готовый къ шумному взрыву, Петръ былъ — точь въ точь, какъ чугунная пушка его петрозаводской отливки...»

«Государыня Елизавета Петровна была женщина умная и добрая, но женщина. Отъ вечерни она шла на балъ, а съ бала поспѣвала къ заутренѣ. Строго соблюдала посты при своемъ дворѣ и во всей имперіи никто лучше императрицы не могъ исполнить менуэта и русской пляски. Невѣста всевозможныхъ жениховъ на свѣтѣ отъ французскаго короля до собственнаго племянника, она отдала свое сердце придворному пѣвчому изъ черниговскихъ казаковъ. Мирная и беззаботная, она воевала чуть не половину своего царствованія и побѣдила перваго стратега того времени Фридриха Великаго. Основала первый насто-

ящій университетъ въ Россіи — Московскій и до конца жизни была убѣждена, что въ Англію можно проѣхать сухимъ путемъ. Дала клятву никого не казнить смертью и населила Сибирь ссыльными, изувѣченными пыткой и съ урѣзанными языками. Издавала законы противъ роскоши и оставила послѣ себя въ гардеробѣ слишкомъ 15.000 платьевъ и два сундука шелковыхъ чулокъ . . . »

«На русскомъ престолѣ всякіе люди бывали, всякихъ людей онъ видалъ. Сидѣли на немъ и многоженцы, и жены безъ мужей, и мужья безъ женъ, и выкресты изъ татаръ, и бѣглые монахи, и юродивые, — не бывало еще только скомороха. Но 25 декабря 1761 года и этотъ пробѣлъ былъ заполненъ. На русскомъ престолѣ явился скоморохъ. То былъ голштинскій герцогъ Карлъ Петръ Ульрихъ, извѣстный въ нашей исторіи подъ именемъ Петра III . . . »

Ровно сорокъ лѣтъ отдѣляютъ меня отъ тѣхъ часовъ въ Большой Словесной аудиторіи Московскаго Университета, когда впервые прозвучали эти характеристики изъ устъ незабвеннаго Василія Осиповича. Густой и толстый слой пестрѣйшихъ впечатлѣній налегъ за эти сорокъ лѣтъ на память и потускнѣла подъ нимъ далекая отгорѣвшая юность. А между тѣмъ, даже не закрывая глазъ, я какъ будто вновь слышу спокойно-ироническій, слегка козловатый, звонкій и сиплый вмѣстѣ, «духовенный» теноръ, которымъ онѣ произносились; какъ будто вижу спокойно-ироническое лицо съ умнымъ, пристальнымъ, но не навязчивымъ взглядомъ проницательныхъ глазъ, склоненное съ кафедры къ замершей во вниманіи аудиторіи. Она, какъ всегда у Ключевского, конечно, биткомъ полна слушателями, нахлынувшими и съ своихъ, т. е. филологическаго и юридическаго, и съ чужихъ факультетовъ.

Мы, студенты первыхъ курсовъ, увлекались Ключевскимъ, обожали Ключевского. Однако, сомнѣваюсь, чтобы многимъ изъ насъ было тогда ясно все огромное значеніе нашего любимаго профессора въ исторической наукѣ. Мы гордились тѣмъ, что слушаемъ общепризнанный научный авторитетъ, но принимали этотъ авторитетъ больше на вѣру, какъ аксіому, не требующую доказательствъ, и не онъ влекъ насъ, толпами, внимать

драгоценныя *verba magistri*. Осмѣлюсь даже предположить, что изъ тогдашнихъ слушателей и обожателей Ключевского большинство не удосужилось проштудировать ни его «Древнерусскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ», ни «Боярскую Думу древней Руси», ни, вообще, трудовъ, характерныхъ для него, какъ для тонкаго историческаго изслѣдователя, одареннаго въ равной степени и проникновеннымъ вдохновеніемъ интуиціи, и острою силою повѣрочнаго анализа. Мы были слишкомъ молоды и, при всемъ талантѣ Ключевского, какъ популяризатора, слишкомъ мало подготовлены среднею школою къ тому, чтобы понять и оцѣнить его съ чисто научной стороны творчества. Это пришло позже и даже значительно позже. Зато — едва ли не съ первыхъ же словъ первой же лекціи съ кафедры Ключевского повѣяло на насъ живительнымъ духомъ мощной художественности. Она говорила съ нашими молодыми душами языкомъ внятной и увлекательной убѣдительности, покоряла умъ и воображеніе и манила насъ къ познанію связи событій прошлыхъ и настоящихъ, какъ въ изящной словесности «Капитанская дочка» Пушкина и «Война и миръ» Льва Толстого, какъ въ живописи историческія полотна И. Е. Рѣпина, въ музыкѣ — композиціи Мусоргскаго и Бородина.

Несмотря на то, что первый обширный опытъ русской исторіи, карамзинская «Исторія государства Россійскаго» написана большимъ, по своему времени, художникомъ слова, художественность въ русской исторіографіи — рѣдкая птица. И, до послѣдняго времени, я сказалъ бы даже — птица гонимая. Карамзинъ художникъ, но онъ не говорилъ, а вѣщаль, не писалъ, а начертывалъ на скрижаляхъ, и создалъ риторскую традицію. Его преемники, ученики германцевъ, смѣшивали карамзинскую величавость и торжественность съ тяжеловѣснымъ педантизмомъ нѣмецкихъ геллертеровъ. Писать исторію важно, сухо и скучно было обычаемъ, равносильнымъ закону. Подъ гнетущее ярмо его покорно склоняли голову даже великаны художественной рѣчи, не исключая самого Пушкина. Ключевскій, которому принадлежитъ блестящая оцѣнка Пушкина, какъ историка, совершенно справедливо указывалъ на тотъ фактъ, что Пушкинъ, по преимуществу, былъ историкомъ тамъ, гдѣ не думалъ быть имъ, и не былъ имъ тамъ, гдѣ думалъ быть. Ключ-

чевскій убѣжденно утверждалъ, что въ «Капитанской дочкѣ», написанной между дѣломъ среди работъ надъ пугачевщиной, гораздо больше исторіи, чѣмъ въ «Исторіи Пугачевского бунта», которая кажется длиннымъ объяснительнымъ примѣчаніемъ къ роману». Но этотъ сухой тонъ «объяснительнаго примѣчанія» былъ тогда обязателенъ для автора, желавшаго, чтобы его трудъ былъ принятъ ученымъ міромъ и критикою не какъ даръ широкой публикѣ для легкаго чтенія, но въ серьезъ. Живость рѣчи, образность изложенія, драматическая яркость разсказа почитались смертными грѣхами. Николай Полевой едва ли не на этомъ, главнымъ образомъ, проигралъ возможный успѣхъ своей «Исторіи русскаго народа». Въ условіяхъ нѣсколько болѣе счастливой вольности почитались, «развращенные» французскими и англійскими образцами, еретики профессиональной историографіи, западники, посвящавшіе свои труды исторіи всеобщей. Но, даже и изъ ихъ числа, о лучшемъ, о томъ, кто далъ тонъ и пріотворилъ дверь художественности въ историческую науку, о Грановскомъ, Некрасовъ впослѣдствіи отмѣтилъ, что «говорилъ онъ лучше, чѣмъ писалъ». И это не только потому, что «писать не время было, почти что ничего тогда не проходило». А опять: даже такую эстетическую натуру, такую художническую голову, какъ Грановскій, одолѣвалъ страхъ, не оказаться бы слишкомъ литературнымъ въ ущербъ серьезности. Кудрявцевъ былъ не только историкъ, но и беллетристъ, писалъ недурныя повѣсти, владѣлъ техникою художественнаго письма. Въ своихъ популярныхъ «Римскихъ женщинахъ» онъ довольно энергично, хотя и въ чрезмѣрно статурной красавице, пересказалъ живымъ языкомъ нѣсколько сильныхъ эпизодовъ изъ Тацитовыхъ Анналовъ. Но возьмите его «Судьбы Италіи», возьмите его «Каролинговъ»: они писаны какъ будто другимъ авторомъ, умышленно погружающимъ интереснѣйшее содержаніе въ невылазную трясиину формальной скуки. Еще болѣе выразителенъ Соловьевъ. Ключевскій былъ его ученикомъ и преемникомъ по кафедрѣ. Онъ благоговѣлъ предъ памятью учителя и посвятилъ ей нѣсколько прочувствованныхъ рѣчей и статей, въ совершенствѣ освѣщающихъ значительную личность и громаднй трудъ автора «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ». Нечего и говорить о томъ,

что Соловьевъ — фигура огромная, исключительная, и 29 томъ его исторіи — вѣчный памятникъ, который, хотя бы и ветшалъ частями, никогда не утратитъ своего значенія совершенно. Но даже любви Ключевского приходится признать, что Соловьевъ имѣлъ «извѣстность сухого историка». Ключевскій защищалъ Соловьева отъ этого приговора, но съ большимъ усердіемъ оправдать любимаго, чѣмъ съ убѣжденіемъ. «Это былъ, — говоритъ онъ о Соловьевѣ, — ученый со *строгой*, хорошо воспитанной мыслью. *Черствой* правды дѣйствительности онъ не смягчалъ въ угоду *патологическимъ* наклонностямъ времени. Навстрѣчу *фельетоннымъ* вкусамъ читателя онъ выходилъ съ серьезнымъ, подчасъ *жесткимъ* рассказомъ, въ которомъ *сухой*, хорошо обдуманнй фактъ не приносился въ жертву хорошо рассказанному *анекдоту* . . . Въ его рассказѣ есть внутренняя гармонія, историческая логика, заставляющая забывать о *внѣшней беллетристичѣ* стройности изложенія». Мы смѣло можемъ отнести этотъ судъ Ключевского къ рѣдкимъ случаямъ, когда онъ, великій разрушитель исторически недвижныхъ традицій, самъ дѣлался жертвою традиціи. Вѣдь въ своей защитѣ Соловьева онъ въ 1904 году почти дословно повторилъ въ пространство тѣ же предразсудочныя обвиненія, что, за сорокъ лѣтъ предъ тѣмъ, старозавѣтные полемисты обрушивали на Костомарова. Включительно до злополучнаго «фельетонизма», — этого ужаснѣйшаго пугала, которымъ педантическое гелертерство искони застрашиваетъ мысль, слово и перо молодыхъ историковъ. И, къ сожалѣнію, успѣшно. Настолько, что уstraшенные имъ молодя дерзновенія, обычно, къ старости замираютъ и приносятъ покаяніе, если не прямое, то косвенное. Возьмите къ примѣру Костомарова въ его великолѣпныхъ «Сѣверныхъ народоправствахъ», молодомъ трудѣ, когда Погодинъ и другіе старовѣры именно и попрекали его «фельетонизмомъ», и ругали его «рыцаремъ свистопляски», — и Костомарова въ неудобочитаемой старческой «Руинѣ». Что касается Соловьева, то я потому и позволилъ себѣ задержать на немъ ваше вниманіе, что онъ, какъ бы ни заступался Ключевскій, является совершенно исключительнымъ героемъ самоотверженнаго засушенія своего слова, въ умышленномъ обнаженіи его отъ живой образности и картиннаго по-

лета, хотя этотъ высоко талантливый и умный человекъ, по натурѣ своей, былъ къ нимъ очень способенъ, какъ свидѣтельствуеть о томъ въ своихъ яркихъ, выпуклыхъ воспоминаніяхъ В. О. Ключевскій. Да и безъ свидѣтельствъ. Аскетическая выдержка Соловьева изумительна, но никакое насильственное воздержаніе не обходится безъ прорывовъ, и въ безграничной степи «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» имѣются, изрѣдка, страницы-оазисы, обличающія, что бѣсъ художественности обуялъ новыми сладкими искушеніями даже и эту подвижническую душу и внушалъ ей иногда прекрасныя незабываемыя грѣхопаденія, вродѣ хотя бы знаменитой характеристики «богатыря-протопопа Аввакума».

Любящій ученикъ Соловьева, В. О. Ключевскій, могъ апоеозировать своего учителя, но не итти по его слѣдамъ. Онъ весь — въ художественности, весь — въ ясномъ образѣ и мѣткомъ и непогрѣшимо опредѣлительномъ словѣ, рождающемся естественно и своевременно изъ неистощимо богатыхъ запасовъ русскаго языка, изученнаго въ совершенствѣ во всѣхъ его историческихъ періодахъ. Художникъ мыслить образами. Именно такова рѣчь Ключевского. Она всегда строго логическая цѣль образовъ, прямо вытекающихъ одинъ изъ другого, въ стройной послѣдовательности художественнаго эпоса, проходящаго, съ одинаковою силою, гамму за гаммою разнообразнѣйшихъ настроеній. Онъ весь въ предметномъ сравненіи, въ живописномъ параллелизмѣ или антитезѣ. На пути этомъ онъ смѣлъ до безбоязненности истиннаго мастера. Самъ онъ рѣшительно не остерегался «фельетонизма» и «анекдотичности», за отреченіе отъ которыхъ такъ восхвалилъ С. М. Соловьева. Тонкій и добродушный юморъ типическаго великорусса расширялъ его художественный охватъ до огромной растяжимости, находя себѣ пищу и созвучія во всѣхъ вѣкахъ и обстоятельствахъ тысячелѣтней русскаго исторіи. Недаромъ Ключевскій много занимался Пушкинымъ и любилъ его. Въ немъ самомъ жила та ясная и благожелательная полуулыбка, что такъ характерно сопутствуетъ пушкинскому творчеству — особенно, его позднѣйшей прозѣ — «Повѣстямъ Бѣлкина» и «Капитанской Дочкѣ». Къ нимъ В. Ос. былъ полонъ родственнымъ сочувствіемъ. Вспомните хотя бы защиту имъ столь характернаго для XVIII

вѣка типа «недоросля» противъ гениальной комедіи-карикуры Фонвизина, которая навсегда слила для насъ эту кличку съ нелѣпымъ и смѣхотворнымъ образомъ Митрофана Простакова. Защита эта (въ рѣчахъ Ключевского о Пушкинѣ и въ статьѣ «Недоросль Фонвизина»), на первый взглядъ, представляется какимъ то капризнымъ парадоксомъ: до такой степени мы привыкли къ одностороннему сатирическому внушенію полутора-вѣкового авторитета. Но Ключевскій заставилъ насъ заглянуть за завѣсу, которою сатирикъ задернулъ дѣйствительность обличеннаго быта, — и мы увидѣли съ удивленіемъ и съ удовольствіемъ, что за частною правдою обличенія отъ насъ скрылась, какъ лѣсъ за деревьями, другая, общая историческая, правда типа, той частной правдѣ почти что противоположная. Митрофанъ Простаковъ есть безспорный Митрофанъ Простаковъ, но и только. Исторически онъ оказывается обобщеніемъ по недостаточному количеству данныхъ. Онъ принадлежитъ къ числу «недорослей», но «недоросль» — отнюдь не то же, что Митрофанъ Простаковъ. «Въ исторической дѣйствительности, — говоритъ Ключевскій, — недоросль — не карриатура, не анекдотъ, а самое простое и всеневное явленіе, къ тому-же не лишнее довольно почтенныхъ качествъ. Это самый обыкновенный, нормальный русскій дворянинъ средней руки.» Почвенный слой сословія, оставшійся въ сторонѣ отъ шумной верхне-дворянской политики и гвардейскихъ переворотовъ XVIII вѣка. «Они всегда учились понемногу, сквозь слезы при Петрѣ I, со скукой при Екатеринѣ II, не дѣлали правительствъ, но рѣшительно сдѣлали нашу военную исторію XVIII вѣка. Это пѣхотные армейскіе офицеры и въ этомъ чинѣ они протоптали славный путь отъ Кунерсдорфа до Рымника и Нови. Они съ русскими солдатами вынесли на своихъ плечахъ дорогіе лавры Минихова, Суворовыхъ и Румянцевыхъ». Хотите вы видѣть настоящихъ житейскихъ «недорослей»? Обратитесь къ Пушкину. «Одинъ является въ Петрѣ Андреевичѣ Гриневѣ, невольномъ пріятелѣ Пугачева, другой въ наивномъ беллетристѣ и лѣтописцѣ села Горохина, Иванѣ Петровичѣ Бѣлкинѣ... Къ обоимъ Пушкинъ отнесся съ сочувствіемъ. Не даромъ и капитанская дочь М. И. Миронова предпочла добродушнаго армейца Гринева остроумному и знакомому съ французской литературой гвар-

действию Швабрину». «Историку XVIII вѣка, — заключаетъ В. Ос. — остается одобрить и сочувствіе Пушкина, и вкусъ Марьи Ивановны»

Подобныхъ мнимо парадоксальныхъ теоремъ, раскрывающихъ свою истинность чрезъ логическое доказательство, чрезвычайно много въ наслѣдіи В. О. Ключевского. Я даже сказалъ бы, что это наиболѣе частый его авторскій пріемъ: озадачить читателя, привычнаго видѣть на доскѣ исторіографіи закономѣрныя традиціи какъ бы шахматной игры, неожиданнымъ ходомъ, который, на первый взглядъ, является вопіющимъ преступленіемъ противъ теоріи и, слѣдовательно, обреченнымъ на немедленное крушеніе; а затѣмъ, выигравъ игру, доказать тѣмъ самымъ, что ходъ былъ не случайнымъ, но — лишь остроумно и вдохновенно найденнымъ и глубоко обдуманымъ, примѣненіемъ той самой теоріи, которой онъ, по видимости, противорѣчилъ, — однако, умъ творческій и оригинальный провидѣлъ въ ней возможности, закрытыя для ума ученическаго и подражательнаго. Мотивы къ подобнымъ смѣлымъ и удачнымъ ходамъ у Ключевского часто похожи на внезапное озареніе солнечнымъ лучемъ забытаго темнаго уголка, куда, по малой значительности его, никто не догадывался заглянуть, — а онъ, случайный лучъ, выявилъ, что тамъ лежитъ кладъ. Объ Евгеніи Онѣгинѣ русская критика и исторія литературы написали и напечатали многие томы цѣнныхъ комментаріевъ, разсужденій, трактатовъ психологическихъ, эстетическихъ, философскихъ, публицистическихъ. Всѣ выпуклыя мѣста типа, казалось бы, освѣщены и изслѣдованы, всѣ его глубины измѣрены и разносторонне описаны или догадливо предположены. Но вотъ подходитъ къ темъ историкъ-художникъ Ключевскій, обязанный произнести рѣчь въ торжественномъ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности по поводу исполнившагося пятидесятилѣтія со смерти Пушкина (1887 г.). Онъ доволенъ случаемъ. О Пушкинѣ ему, по собственному его признанію, «всегда хочется сказать слишкомъ много, — всегда наговоришь много лишняго и никогда не скажешь всего, что слѣдуетъ». Но что же именно выберетъ онъ изъ неизмѣримаго богатства Пушкинскихъ задачъ? Что — достойное Пушкина, своего собственнаго авторитета, важности поминальной даты и интеллигентной публики, собравшейся, что-

бы услышать изъ устъ любимаго оратора, конечно, не заѣзженныя и шаблонныя хвалы общепризнанному великому мертвецу, но новыя живыя слова? Ключевскій пробѣгаетъ въ своей огромно цѣпкой памяти «Онѣгина», зная его, конечно, наизусть. И — ему не приходится итти далеко. Уже во второй строфѣ первой главы:

Такъ думалъ молодой повѣса,
Летя въ пыли на почтовыхъ,
Всевышней волю Зевеса
Наслѣдникъ всѣхъ своихъ родныхъ —

четвертый стихъ, такой, казалось бы, незначительный, такой проходящій, такой житейски прозаическій, останавливаетъ вниманіе нашего художника... — Наслѣдникъ всѣхъ своихъ родныхъ?... «Такой наслѣдникъ обыкновенно послѣдній въ родѣ»... Значить, «у Онѣгина была своя генеалогія, свои предки, которые наслѣдственно изъ рода въ родъ передавали приобрѣтаемые ими нравственные и умственные вывихи и искривленія»... А ну-ка, посмотримъ ихъ... И вотъ, изъ случайнаго луча свѣта, упавшаго на вырванный изъ строфы стихъ, родится одинъ изъ самыхъ стройныхъ, логическихъ и поэтическихъ этюдовъ Ключевского — «Евгеній Онѣгинъ и его предки»...

Громадный діапазонъ освѣдомленности В. О. Ключевскаго о душѣ, языкѣ и жизни русскаго человѣка во всѣхъ періодахъ его исторіи какъ бы уничтожалъ для его художественной приглядки время и пространство, позволяя ему открывать психологическія сближенія событій и характеровъ, раздѣленныхъ цѣлыми вѣками, часто, казалось бы, въ непримиримой разности культуръ; а вотъ однако, — доказывалъ Ключевскій, — соединенныхъ несомнѣнною генетическою связью, которую онъ и выяснял незамедлительно съ неподражаемымъ мастерствомъ. Я живо помню шепотъ удивленія, зашелестѣвшій по актовому залу Московскаго университета въ публикѣ пушкинскаго праздника 6 іюня 1880 года, когда Вас. Ос. открылъ намъ, что перваго русскаго Онѣгина звали, двѣсти лѣтъ тому назадъ, А. Л. Ординъ-Нащокинымъ. Что этотъ администраторъ и дипломатъ Тишайшаго царя, дѣлецъ и умница XVII вѣка, подобно всѣмъ типическимъ сынамъ, внукамъ и правнукамъ своимъ, включи-

тельно до «последняго въ родѣ», скучающаго бездѣльно Евгенія, — былъ уже обреченъ трагикомедіи существованія «русскимъ человѣкомъ, который выросъ въ убѣжденіи, что онъ родился не европейцемъ, но обязанъ стать имъ». Трагикомедіи «типическаго исключенія», какъ нашель въ высшей степени мѣткое опредѣленіе Вас. Ос. Трагикомедіи смущать общество и свое и чужое, какъ явленіе, стороннее и тому, и другому, какъ «чудакъ опасный и печальный»: другой стихъ, изъ «Онѣгина», полюбившійся Вас. Ос. въ качествѣ руководящей нити.

Возьмемъ другой примѣръ смѣлаго сближенія въ вѣкахъ. Одна изъ самыхъ глубокихъ и содержательныхъ статей Ключевского о русской литературѣ носитъ заглавіе «Грусть». Посвященная памяти Лермонтова, она, въ особенности, полна столь свойственнымъ автору, озадачивающимъ мнимымъ парадоксализмомъ. Мы привыкли видѣть въ Лермонтовѣ разочарованнаго поэта-байрониста, отрицателя, бунтаря, богоборца, небезопаснаго воспламенителя юныхъ умовъ протестующимъ воплемъ міровой скорби. А Ключевскій весьма хладнокровно докладываетъ намъ: — Нѣтъ, это все вздоръ, научный миражъ, оптической обманъ; напротивъ, произведенія Лермонтова, какъ разъ, чудесный педагогическій матеріалъ для воспитанія юношества. «Послѣ старика Крылова, кажется, никто изъ русскихъ поэтовъ не оставилъ послѣ себя столько превосходныхъ вещей, доступныхъ воображенію и сердцу учебнаго возраста безъ преждевременныхъ возбужденій, и притомъ, не въ наивной формѣ басни, а въ видѣ баллады, легенды, историческаго разсказа, молитвы или простаго лирическаго момента». Шагъ за шагомъ уводитъ Ключевскій Лермонтова изъ демонической «стихіи собранія золь», лоскутокъ за лоскуткомъ сдираетъ съ его лица прилипшую байроническую маску, ударъ за ударомъ ампутируетъ его «гусарскій мефистофелизмъ», скептически отказываетъ ему и въ правѣ, и въ возможности разочарованія — и резюмируетъ выводомъ: «Лермонтовъ — поэтъ не міросозерцанія, а настроенія, пѣвецъ личной грусти, а не міровой скорби». Глубоко прочувствованная и мастерски изложенная классификація понятій скорби, печали и грусти, антитеза ихъ со счастьемъ — торжество Ключевского въ области психологическаго анализа. Искусно и твердо, стальною рукою въ бархатной перчаткѣ,

подводит онъ автора «Родины», «Выхожу одинъ я на дорогу», «Нѣтъ, не тебя такъ пылко я люблю», подъ уровень той свѣтло-грустной русской «резиньяціи», которая, въ нашемъ покладистомъ національномъ характерѣ, за отказомъ отъ невозможнаго и недостижимаго земнаго счастья, стала его замѣною, какъ улыбка сквозь слезы, а въ несчастіи — силою упованія, сдерживающею отчаяніе. Но вѣдь это же, раскрываетъ тогда Ключевскій карты свои, — грусть древнерусскаго христіанскаго общества — та самая практическая христіанская грусть, которую неподражаемо просто и ясно выразилъ истовый царь Алексѣй Михайловичъ, когда писалъ, утѣшая одного своего боярина въ его семейномъ горѣ: «И тебѣ, боярину нашему и слугѣ, и дѣтямъ твоимъ черезмѣру не скорбѣть, а нельзя, чтобъ не поскорбѣть и не прослезиться, и прослезиться надобно, да въ мѣру, чтобъ Бога наипаче не прогнѣвить». Что можетъ быть неожиданнѣе встрѣчи этакаго, западомъ воспитаннаго, революціонера духа, какимъ считалъ себя и насъ заставилъ считать Лермонтовъ, съ Алексѣемъ Михайловичемъ, Тишайшимъ царемъ, «лучшимъ русскимъ человѣкомъ XVII вѣка», по характеристикѣ того же Ключевскаго? И гдѣ же встрѣча? Въ храмѣ христіанской резиньяціи, съ начертанною на фронтонѣ формулою — «Да будетъ воля Твоя»! Ее Ключевскій почиталъ основною въ быту и исторіи русскаго народа и — по твердо провозглашенному мнѣнію его — «ни одинъ русскій поэтъ не былъ такъ способенъ глубоко проникнуться этимъ народнымъ чувствомъ и дать ему художественное выраженіе, какъ Лермонтовъ».

Я не знаю, обращалъ ли Вас. Ос. когда либо свою художественную мощь на чисто художественныя задачи, уклонялся ли онъ отъ научно-историческаго труда въ область историческаго романа, повѣсти, поэмы, какъ это дѣлалъ, напр., Костомаровъ. Печатныхъ трудовъ такого рода по немъ, во всякомъ случаѣ, не осталось. На страницахъ его произведеній мы нерѣдко встрѣчаемъ сожалѣніе автора, что то или иное событіе эпохи, та или другая историческая фигура, тотъ или иной общественный типъ не нашли себѣ художественнаго обобщенія, остаются не воплощенными словеснымъ искусствомъ. Я долженъ сознаться, что подобныя сожалѣнія Ключевскаго, обыкновенно, вызываютъ меня на недовѣрчивую улыбку. Потому что

— была ли то настоящая авторская скромность или ложная, съ нѣкоторымъ кокетствомъ себѣ на умѣ, но, словно нарочно, сожалѣнія всегда слѣдуютъ какъ разъ за самыми блестящими страницами его знаменитыхъ историческихъ характеристикъ. Въ силѣ, яркости и художественной внушительности ихъ, у Ключевского нѣтъ соперниковъ ни въ русской, ни въ европейской исторической литературѣ. Его часто сравнивали съ Маколеемъ, но, по моему, характеристики русскаго историка имѣютъ преимущество въ сжатости, въ умѣньѣ немногимъ сказать много, короткимъ выразить долгое. Ключевскій болѣе Маколея зналъ и помнилъ мѣру живописности и никогда не позволялъ ей овладѣть его перомъ до превращенія изъ средства въ самодовлѣющую цѣль, что у англійскаго историка—не въ рѣдкость. Когда мы, выслушавъ сожалѣніе Василя Осиповича, читаемъ затѣмъ его характеристики царя Алексѣя Михайловича, Петра Великаго, преподобнаго Сергія, Ульяны Осорьбиной, Федора Ртищева, предковъ Онѣгина, — невольнымъ является вопросъ: какой же еще художественности ищеть этотъ мастеръ послѣ рельефовъ, имъ отлитыхъ? Куда здѣсь идти еще дальше? и отъ кого онъ можетъ ее ждать больше, чѣмъ отъ самого себя? И, право же, сожалѣніе начинаетъ звучать скрытно насмѣшливымъ вызовомъ, тою типическою московскою хитрецою, что любить таки прикинуться простотою и смиренничаетъ, въ тайномъ сознаніи своей непобѣдимой силы. Сидитъ москвичъ, щуритъ невинные глаза, пощипываетъ козлиную бородку и поетъ скромнымъ голоскомъ: — «Мы люди маленькіе, ѣдимъ пряники не писанные, гдѣ ужъ намъ, дуракамъ, чай пить, такъ себѣ — кружимся полегоньку при своемъ ремеслѣ, — и за то скажи спасибо... А вотъ ежели бы вы, богатыри»... Но, если иной легковѣрный богатырь, плѣнившись лукавымъ московскимъ смиреніемъ паче гордости, приметъ вызовъ и ринется на предложенное ему состязаніе, — какъ же онъ обожжется, несчастный!

Область русской исторической словесности и поэзіи, включая и драму, вообще, очень пустынна и плоска. За исключеніемъ громадныхъ вершинъ Пушкина и Льва Толстого, мы въ ней даже и пригорковъ имѣемъ немного, а больше все ровная гладь. Отчасти этому причина, можетъ быть, та, что — по злему вы-

раженію В. О. Ключевскаго, которое отъ него перенялъ и любилъ повторять покойный М. М. Ковалевскій:

— Русскіе Вальтеръ Скотты, вообще, очень плохо знаютъ исторію. Исключеніе составляетъ только графъ Сальясъ. Онъ... совсѣмъ не знаетъ исторіи!

Однако, кандидатуру въ русскіе Вальтеръ Скотты выставляли иногда люди, которые исторію очень и очень знали, не хуже даже того, кто изрекъ этотъ насмѣшливый, но справедливый приговоръ. Вспомнимъ Костомарова съ его «Холумемъ», «Сыномъ» и «Кудеяромъ». Онъ то ужъ, конечно, обладалъ въ полной мѣрѣ тою привычкою переноситься памятью въ обстоятельства и воображеніемъ въ обстановку прошлаго, которая создаетъ историческаго романиста. Задатки художественности въ немъ также были, — недаромъ же смолоду его столько травили за «фельетонизмъ», т. е. общедоступную яркость его лекцій. Можетъ быть, когда въ старости Костомаровъ убѣдился этими нареканіями, что писать ученые труды надо скучно, а тайная потребность въ окаянномъ «фельетонизмѣ» въ немъ, все-таки, жила, онъ и сталъ избывать ее историческими романами и повѣстями. Но русскаго Вальтеръ Скотта и изъ него не вышло. Если онъ поднялся выше уровня Данилевскаго, Мордовцева, Сальяса, Всеволода Соловьева и тому подобныхъ, то лишь страницами любопытныхъ археологическихъ описаній. Художественности же въ его исторической словесности несравненно меньше, чѣмъ въ иныхъ молодыхъ трудахъ его же исторіографіи. Укажу хотя бы на главы о Мстиславѣ Удаломъ, о Васкѣ Буслаевѣ изъ «Сѣверныхъ народоправствъ». Такъ что, очевидно, не только въ знаніи здѣсь дѣло.

Я не охотникъ до гаданій и не задамся вопросомъ, могъ ли бы или нѣтъ Вас. Ос. Ключевскій сдѣлаться русскимъ Вальтеръ Скоттомъ, если бы пришла ему къ тому охота. Но знаю, что каждая характеристика, созданная Ключевскимъ, до такой степени заключенно и совершенно исчерпывала психологическое содержаніе личности, типа, эпохи, слагала такую цѣльную и неопровержимо убѣдительную фигуру, что вдвинуть ее въ романъ или драму, послѣ картины Ключевскаго, было бы непосильнымъ дѣломъ для

художника средней руки. Да! ужь чего же интереснѣе было бы видѣть и слѣдить, какъ короткія три-четыре странички Ключевского развиваются дѣйствіемъ на протяжении цѣлаго тома или четырехъ-пяти дѣйствій сценическаго представленія! Но, вѣдь, это почти то же самое, что требовать: напиши новую «Капитанскую дочку», «Войну и миръ», Шекспирову хронику, «Саламбо» Флобера, «Пармскую шартрезу» Стендаля. Мережковский сравнительно крупный пригорокъ на глади русскаго историческаго романа. Это писатель и талантливый, и знающій. Но я никому не посоветую готовиться къ прочтенію его «Петра и Алексѣя» по соотвѣтственнымъ лекціямъ и статьямъ Ключевского. Иначе, васъ постигнетъ, вмѣсто удовольствія, на которое вы въ правѣ рассчитывать, большое разочарованіе: историкъ-то показывалъ вамъ живыя лица, хоть рукою ихъ щупай, а романистъ (а тѣмъ паче драматургъ) показалъ только сработанныя опытною рукою «живули» — движущіяся фигуры-автоматы.

Отличительныя свойства характеристикъ Ключевского — простота средствъ, ясная стремительность темпа и быстрая находчивость въ образѣ — еще и еще сводятъ его съ Пушкинымъ. Ключевскій находилъ, что чуть ли не всѣ фигуры, сохранившіяся для насъ въ мемуарахъ XVIII вѣка, укладываются по категоріямъ въ галерею пушкинскихъ типовъ въ «Арапъ Петра Великаго», «Дубровскомъ», «Капитанской дочкѣ». Онъ пробѣжалъ эту галерею изъ конца въ конецъ на пятнадцати страницахъ «Евгенія Онѣгина и его предковъ», и, съ быстротою кинематографическаго фильма, успѣлъ, на такомъ короткомъ разстояніи, провести предъ нашими глазами всѣ фазисы и смѣны европеизаціи русскаго дворянина за двѣсти лѣтъ, — отъ первобытнаго «Нелюбъ Злобина, сына такого то» до «москвича въ Гарольдовомъ плащѣ». Безграмотный предокъ Нелюбъ-Злобинъ; сынъ его — выученикъ латинской школы Спасскаго монастыря на Никольской въ Москвѣ; внукъ — навигаторъ, племянникъ Петра Великаго; правнукъ — офранцузенный вольтеріанецъ; пра-правнуки, изъ которыхъ старшій братъ — сознательный патріотъ въ эпоху Наполеоновскихъ войнъ и будущій декабристъ; средній братъ—будущій бюрократъ-западникъ, который, отбывъ годы разочарованія въ патріотизмѣ при Александрѣ

I, успокоился въ казенномъ дѣлечествѣ при Николаѣ I; а третій, младшій братъ — «поэтическое олицетвореніе нравственной растерянности» — и есть Евгений Онѣгинъ. Въ смѣнахъ этихъ Ключевскій не далъ ни одного частнаго портрета; всѣ онѣ созданы въ порядкѣ художественнаго вымысла; для «типическаго исключенія» — типическое обобщеніе. Но какъ же изображены всѣ эти несчастные смѣнники, вѣчно и фатально учившіеся не тому, что впоследствии заставляла дѣлать ихъ быстро несущаяся жизнь, — почему они, со своимъ образованіемъ и воспитаніемъ некстати, неизмѣнно, изъ поколѣнія въ поколѣніе, не выходили изъ положенія того сказочнаго чудака, который пѣлъ «Со святыми упокой» на свадьбѣ и «Исаія ликуй» на похоронахъ, за что и претерпѣвалъ жестокія непріятности. Въ мягкомъ свѣтѣ любвеобильнаго юмора вымыселъ одѣлся въ плоть и кровь, вы принимаете его вообразенныхъ героевъ, какъ своихъ добрыхъ знакомыхъ и друзей, и вамъ неважно, что Ключевскій даже не заботится ихъ окрестить какими нибудь именами. Въ итальянскихъ картинныхъ галлеряхъ вы часто видите на полотнахъ художниковъ поздняго Возрожденія портреты неизвѣстныхъ лицъ, которые, однако, цѣнятся и знатоками искусства, и историками культуры больше, чѣмъ даже завѣдомые портреты лицъ историческихъ. Потому что эти изображенія невѣдомыхъ, начертанныя Тиціаномъ или Бордоне, утративъ свои имена и личность, перестали выражать индивидуальность въ эпохѣ, а сдѣлались какъ бы собирательнымъ зеркаломъ характерныхъ чертъ, портретомъ самой эпохи. Вотъ именно такова и словесная живопись въ анонимахъ Ключевскаго. Мнѣ очень жаль, что время не позволяетъ мнѣ возстановить въ вашей памяти цѣльностью одинъ изъ этихъ превосходныхъ отрывковъ. Вспомнимъ хоть вкратцѣ злополучнаго латиниста, котораго кievскій старецъ въ Спасскомъ монастырѣ наставлялъ, подъ батогами, по греческимъ и польско-латинскимъ; писаннымъ русскими буквами, словарькамъ великой премудрости, что «ликось» есть «волкъ», «луппа» — «волчица», «спириды» — «лапти» и т. д. Выучилъ писать хитрые вирши и предлагать въ нихъ акафисты и церковныя пѣснопѣнія. «Но время шло, разгоралась Петровская реформа, и чиновнаго латиниста съ его виршами и всею грамотичною мудростью назначили комисса-

ромъ для пріема и отправки въ армію солдатскихъ салогъ. Тутъ-то, разглядывая сапожные швы и подошвы, и помня государеву дубинку, онъ впервые почувствовалъ себя неловко со своимъ грузомъ кievской учености и со вздохомъ спрашивалъ: зачѣмъ этотъ кievскій нехай, учившій меня строчить вирши, не показалъ мнѣ, какъ шьютъ кожаные солдатскіе спириды?...» А птенецъ Петра Великаго, навигаторъ, воодушевленный идеями его реформы? Онъ имѣлъ несчастіе опоздать, — вернулся изъ заграницы въ Петербургъ, когда Петръ умеръ и до реформы уже никому не стало дѣла, но «высшее общество дорого платило нѣмцу за то, что «въ барабанъ билъ и на головѣ стоялъ». Неудачникъ мечталъ служить Россіи, а попалъ — въ бироновщину. «Разъ на святкахъ онъ отказался нарядиться и вымазаться сажей. За это его на льду Невы раздѣли до нага, нарядили чортомъ и въ очень прохладномъ костюмѣ заставили простоять на часахъ нѣсколько часовъ; онъ захворалъ горячкой и чуть не умеръ. Въ другой разъ, за неосторожное слово про Бирона его послали въ Тайную канцелярію къ Ушакову, который его пыталъ, билъ кнутомъ, вывертывалъ ему лопатки, гладилъ по спинѣ горячимъ утюгомъ, забивалъ подъ ногти раскаленные иглы и калѣкой отпустилъ въ деревню, гдѣ онъ, при малѣйшемъ промахѣ дворовыхъ, выходилъ изъ себя и, топоча ногами, безконечно повторялъ: «ахъ вы, растрепоганые, растрекоаянные, не пытаные, не мученные и не наказанные!» Впрочемъ, онъ былъ добрый баринъ, рѣдко наказывалъ своихъ крѣпостныхъ, читалъ вслухъ себѣ самому Квинта Курція «Жизнь Александра Македонскаго» въ подлинникѣ, занимался астрономіей, водилъ комнатную прислугу въ красныхъ ливреяхъ и напудренныхъ волосахъ; страдая безсонницей, съ гусинымъ крыломъ въ рукѣ самъ изгонялъ по ночамъ сатану изъ своего дома, окуривая ладаномъ и кропя святою водою нечистыя мѣста, гдѣ онъ могъ пріютиться, пѣлъ и читалъ въ церкви на клиросѣ, дома ежедневно держалъ монашеское келейное правило, но дружно жилъ съ женой, которая подарила ему 18 человѣкъ дѣтей, и, наконецъ, на 86 году умеръ отъ апоплексическаго удара. Однако, привезенныя имъ изъ Голландіи математическія и навигацкія познанія остались безъ употребленія... Какой твердый, ясный рисунокъ, господа! какая яркая и, вмѣстѣ съ тѣмъ, естественная

красочность! Развѣ это не тонъ большого природнаго романиста? Больше того: развѣ это не тонъ автора «Капитанской Дочки» и лѣтописца села Горохина?

Досюда мы говорили о крупныхъ, законченныхъ характеристикахъ нашего художника. Но, какъ въ мастерской Рѣпина безчисленные этюды часто бываютъ не менѣе, а иногда даже болѣе интересны, чѣмъ выработанная затѣмъ изъ нихъ картина, такъ точно и въ мастерской Ключевского чрезвычайно любопытно слѣдить за проходящими, какъ бы мелькомъ бросаемыми, случайными ударами и мазками кисти. Очень часто онъ отдѣляется отъ какой либо попутной исторической встрѣчи одною характерною фразою, кличкою, цитатою, въ два-три слова. Самимъ-ли Ключевскимъ остроумно измышленныя, мѣтко-ли заимствованныя имъ изъ лѣтописи, мемуара, литературнаго или законодательнаго памятника, они припечатываютъ то тотъ, то этотъ лобъ, какъ неизгладимыя клейма. «Обезьяна да нездѣшняя» (придворный Екатеринина вѣка); «припадочный челоуѣкъ» (самодуръ Троекуровъ въ «Дубровскомъ»); «просвѣщенные лунатики» (люди начала царствованія Екатерины II); «у м н ы й у м ѣ» (о Екатеринѣ II); «запоздалая татарщина» (эпоха Бирона); «иностранныя и враждебная колонія на Русской землѣ» (Петербургъ при Биронѣ); «богородное жестокое житіе» (о расколоучителѣ Капитонѣ); «наемная сабля, служившая въ семи ордахъ семи царямъ» (о генералѣ Патрикѣ Гордонѣ); «в о з н и ц а , который, что есть мочи, настегиваетъ свою загнанную исхудалую лошадь, а въ то же время крѣпко натягиваетъ возжи» (Петръ въ финансовой политикѣ); «многомысленная и безпокойная глава» (Петръ); «первый трагикъ странствующей драматической труппы, угодившій въ первые генераль-прокуроры» (сотрудникъ Петра, неистовый Ягужинскій); «Новая Паллада въ кирасѣ поверхъ платья, только безъ шлема, и съ крестомъ въ рукѣ вмѣсто копья, безъ музыки, но со своимъ старымъ учителемъ музыки Шварцемъ» (Елизавета въ ночь переворота); «принцесса совсѣмъ дикая» (Анна Леопольдовна); «генералиссимусъ русскихъ войскъ, въ мыслительной силѣ не желавшій отставать отъ своей супруги» (мужъ Анны Леопольдовны, Антонъ Ульрихъ Брауншвейгскій); «управляли и жезломъ, и пыркомъ, и швыркомъ» (Долгорукие при Петрѣ II); «старый Донъ Кихотъ

отпѣтаго московскаго боярства» (верховникъ Голицынъ); «самая веселая и пріятная изъ всѣхъ извѣстныхъ, не стоившая ни одной капли крови, настоящаа дамская революція» («петербургское дѣйство» 1762 г., низверженіе Петра III Екатериною II). И такъ далѣе. Всѣ эти короткіе отмѣтки золотыми иглами входятъ въ память и оставляютъ въ ней вышитый узоръ уже навсегда прочнымъ и нелиночымъ.

Разбросанные въ моемъ чтеніи отрывки даютъ намъ достаточный матеріаль для сужденія о языкѣ Ключевскаго. Какъ и пушкинская проза, это языкъ настоящаго, природнаго великорусса, одареннаго исключительно тонкимъ чутьемъ къ законамъ и требованіямъ своей родной рѣчи. А потому онъ чрезвычайно простъ и легокъ. По крайней мѣрѣ, повидимости. Потому что, въ дѣйствительности-то, какъ выразился однажды Вас. Осип. — «легкое дѣло тяжело писать и говорить, но легко писать и говорить — тяжелое дѣло, у кого это не дѣлается какъ то само собой, какъ бы физиологически. Слово — что походка: одинъ ступаетъ всей своей ступней, а шаги его едва слышны; другой крадется на ципочкахъ, а подъ нимъ полъ дрожить». Это физиологическая «гармонія мысли и слова» можетъ быть развита и изошрена научнымъ изученіемъ языка (въ чемъ, конечно, у Ключевскаго было тоже немного соперниковъ на Руси), но едва-ли искусственное приобрѣтеніе здѣсь въ состояніи когда-либо достигнуть уровня свободы и богатства владѣнія наслѣдственнаго, естественнаго. Въ настоящее время въ Россіи чрезвычайно много писателей изъ инородцевъ, которые, однако, изучили русскій языкъ лучше кровныхъ русскихъ, великіе знатоки грамматики и стилистики, чуть не наизусть выдолбили Далевъ словарь отъ аза до ижицы, и всетаки, за весьма рѣдкими исключеніями, — такими рѣдкими, что, по правдѣ сказать, я ихъ почти не знаю, — русское ухо слышитъ въ ихъ чистой, красивой, изошренной, щегольской рѣчи чуждый себѣ строй и звукъ. Что же касается литературнаго щегольства богатствомъ языка, то въ послѣднія два десятилѣтія это, — казалось бы, по существу, — несомнѣнное достоинство, мало по малу, начинаетъ обращаться въ весьма непріятный порокъ. Съ одной стороны школа послѣдователь Лѣскова, съ другой сильно развившаяся этнографическая

беллетристика наводнили литературный язык перегрузомъ безнужныхъ неологизмовъ, барбаризмовъ и, въ особенности, провинциализмовъ, — такъ что за ними совершенно исчезаетъ иногда естественное теченіе литературной рѣчи. Сейчасъ не диво встрѣтить разсказъ или повѣсть, для точнаго разумѣнія котораго русскій читатель долженъ, на каждой страницѣ, раза по два заглядывать въ толковый словарь Даля (академическій не въ помощь, потому что доведенъ только до половины алфавита). И это даже модно, именно этимъ создалось нѣсколько довольно громкихъ именъ. Въ дѣйствительности, такіе щеголи языка очень напоминаютъ тѣхъ франтовъ дурного тона, что унижаютъ перстнями съ брилльантами и самоцвѣтами (а то и стразами) невымытые пальцы и шикарнѣйшимъ костюмомъ по послѣдней модѣ прикрываютъ чуть не полное отсутствіе бѣлья. Это не богатство языка, а маскировка его скудости подложною выставкою, декоративно расчитанною на близорукость, неразборчивость и малое освѣдомленіе публики. Лѣсковъ хорошій писатель, но лѣсковщина — дѣло весьма плачевное, такъ какъ, обычно, ея представители, не унаслѣдовавъ ни одного изъ внутреннихъ литературныхъ достоинствъ покойнаго Николая Семеновича, наивно или умышленно принимаютъ за нихъ его внѣшніе недостатки, изъ нихъ же первыми были преднамѣренная вычурность и кривляніе словомъ. Но и тутъ орловца Лѣскова выручало, а иной разъ даже и оправдывало великолѣпное естественное знаніе и чутье великорусской рѣчи, тогда какъ маленькіе современные Лѣсковы танцуютъ свои словесныя па и колѣнца, не выучившись раньше тремъ позиціямъ. Нѣтъ ничего легче, какъ, вооружившись словаремъ Даля или какимъ нибудь областнымъ, либо древне русскимъ, механически хватать хлесткихъ и замысловатыхъ рѣченій и, подставивъ ихъ, гдѣ надо, въ порядкѣ синонимовъ, состряпать затѣйливую амальгаму, которою читатель «весьма изумленъ бываетъ» и добродушно принимаетъ ее за настоящую «стилизацію». Брилльанты и даже стразы слѣпятъ глаза, но истинно богатые и хорошаго тона люди не дѣлаютъ изъ себя брилльантовой выставки, а тѣмъ болѣе стразовой. Отчего знатоку не побаловаться иной разъ — не написать записки, письма, маленькой статейки, притчи, фельетона языкомъ Несторовой лѣтописи, Слова о полку Игоревѣ, Ко-

тошихина, Ломоносова, Карамзина, либо какимъ нибудь мѣстнымъ нарѣчіемъ? Подобныхъ фокусовъ въ архивахъ русской письменности не мало — и, къ слову сказать, покойный Вас. Осип. былъ на нихъ самъ великій мастеръ и большой цѣнитель этой способности въ другихъ. Я лично когда то, лѣтъ двадцать тому назадъ, имѣлъ удовольствіе развеселить его повѣствованіемъ о финансовыхъ неудачахъ графа Витте, изложенныхъ языкомъ Несторовой лѣтописи. Но посвятить себя такому словесному канатохожденію специально и предаваться ему съ серьезною и многозначительною миною священнодѣйствующихъ жрецовъ — цѣль и упражненіе болѣе, чѣмъ сомнительныя. Это даже не лѣсковщина, но — Лейкинъ наоборотъ. Богатство языка должно чувствоваться, какъ скрытый натуральный запасъ, въ фундаментѣ литературнаго зданія, а не лѣпиться по его фасаду безчисленными розетками и завитками аляповатыхъ украшеній. И вотъ это-то чувство мѣры въ пользованіи своимъ словеснымъ миллиономъ и есть коренное качество языка Ключевского. Несмотря на то, что, казалось бы, самый предмет толкалъ его, русскаго историка, ежеминутно къ излишествамъ — смотрите, какъ онъ экономитъ и сдержанъ, и, именно поэтому, каждый разъ, когда онъ являетъ свой словесный капиталъ, какъ онъ тогда эффектенъ и выразителенъ! Его архаизмы — никогда не франтовство, не фатовство, но — органическая потребность изложенія. Умѣстностью одного такого, изъ существенной глубины предмета выхваченнаго, словечка, Ключевскій наполняетъ колоритомъ картину въ нѣсколько страницъ, но онъ брезгуетъ «выѣзжать на колоритѣ». Очень рѣдко оставляетъ онъ внѣобычное слово безъ объясненія, откуда оно взялось и почему ему понадобилось. Почему нынѣшній «взглядъ на вещи», для масоновъ вѣка Екатерины, лучше опредѣляется тогдашнимъ словомъ «умоначертаніе»; почему развитіе характера Екатерины укладывается въ «самособранность»; что значитъ «огурство» недорослей XVII вѣка, когда они «въ службу поспѣли, а службы не служили» — «огурялись», «лыняли», какъ говорили тогда про служебныхъ дезертировъ и саботажниковъ, жившихъ девизомъ: «Дай Богъ великому государю служить, а сабли бѣ изъ ноженъ не вынимать». Такимъ экономнымъ, осторожнымъ, умѣлымъ и всегда мотиви-

рованнымъ вкрапленіемъ Ключевскій создалъ синтезъ языка — тысячелѣтнаго дерева, по которому растекается мыслью русское слово, сближая поверхность его съ глубинами, новую листву съ старыми корнями. Зачѣмъ чрезмѣрно обнажать старые корни? Съ того дерево только сохнетъ. Деревья говорятъ съ нами шумомъ листьевъ своихъ, а не торчаніемъ вверхъ вывернутыхъ корней. Но надо, чтобы шумъ листьевъ говорилъ чуткому уму о всей совокупности дерева — и о вѣтвяхъ, и о стволѣ, и о зарытомъ глубоко въ землю питателѣ-корнѣ. Вотъ этого то счастливаго результата и достигалъ Василій Осиповичъ.

Мы, русскіе, народъ, очень небрежный къ своимъ большимъ людямъ, плохо бережемъ ихъ при жизни, а по смерти ихъ удивляемъ міръ своей неблагодарностью къ ихъ памяти. Хорошихъ покойниковъ у насъ, обыкновенно, помнятъ, покуда колоколъ звонитъ да вдова плачетъ. Однако, Вас. Ос. Ключевскій, и въ этомъ случаѣ, оказывается счастливымъ исключеніемъ, что свидѣтельствуется уже вотъ этотъ переполненный публикой залъ собранія въ честь его имени; что свидѣтельствуется усердный спросъ на собраніе его сочиненій. Переизданное въ 1919 году Комиссаріатомъ по народному просвѣщенію въ огромномъ количествѣ экземпляровъ, оно уже опять обратилось въ библиографическую рѣдкость. Нѣтъ сомнѣнія, что, находишь мы въ сколько нибудь нормальныхъ типографскихъ условіяхъ, Ключевского можно было бы безстрашно издавать еще и еще, какъ издаются Пушкинъ, Толстой, Лермонтовъ, Чеховъ. Это очень утѣшительное явленіе, почти неожиданное въ грустныхъ условіяхъ нашихъ переживаній. Между нами и кончиной Ключевского легло десять лѣтъ, — и какихъ лѣтъ! Даже мрачное изъ мрачныхъ начало XVII вѣка, столь отчетливо изученнаго и изображеннаго покойнымъ историкомъ, уступало нашимъ временамъ по хаосу, разброду, нуждѣ, растерянности и общему ужасу жизни. Если мы, даже въ этакое апогеѣ смутнаго времени, не разучились помнить и любить Ключевского, значитъ, крѣпко онъ намъ нуженъ, значитъ, жизнь его среди насъ не кончилась могилой, но будетъ еще долга, можетъ быть, вѣчна. А это не только отраднѣйшій знакъ, но и отрадное знаменіе, —

въ своемъ родѣ, прорицаніе. Любить Ключевского, — въ его ли историческихъ идеяхъ, въ его ли художествѣ, — значить тянуться сердцемъ и умомъ къ національному чувству, къ національному самосознанію, къ національному творчеству. Безчисленныя и часто жестокія усилія употреблены политической современностью для того, чтобы низвести національную идею съ пьедестала, обратить ее въ безразличность, довести до упраздненія и забвенія. Самое слово «отечество» сейчасъ допускается не иначе, какъ съ эпитетомъ «соціалистическое», принципиальный интернационализмъ котораго стоитъ въ рѣзкомъ логическомъ противорѣчій съ идеей «отечества» и, слѣдовательно, обращаетъ ее въ неосуществимый абсурдъ. И вотъ — въ такое то время, въ такихъ то политическихъ и соціальныхъ условіяхъ, подъ дирижерскою палочкой такихъ то капельмейстеровъ нашего быта, — кто же, все-таки, оказывается властителемъ нашихъ думъ, желаннымъ учителемъ, любимымъ художникомъ? Человѣкъ, который былъ весь, душою и тѣломъ, чисто національная ткань; для кого полуотверженное слово «отечество» было святѣйшимъ исповѣданіемъ вѣры; кто въ мысли и дѣятельности своей бывалъ иногда, можетъ быть, даже слишкомъ националистомъ. Нѣтъ страницы у Ключевского, которая идейно могла бы быть пріятна интернационалисту, — тѣмъ не менѣе, третій интернациональ нашель необходимымъ переиздать его сочиненія чуть ли не въ первую очередь классиковъ. Нѣтъ страницы у Ключевского, въ которой бы онъ являлся угодникомъ западной Европы, однако западная Европа знаетъ, уважаетъ и высоко цѣнитъ Ключевского. Поскольку это зависитъ отъ научныхъ его заслугъ, выясняютъ вамъ сегодня другіе компетентные ораторы. Я же, подходя къ вопросу лишь со стороны художественной, вижу здѣсь торжество стараго, но вѣчно твердаго, хотя и парадоксомъ звучащаго, положенія, что въ искусствѣ интернациональнымъ дѣлается только то, что, по существу своему, совершенно національно. Ключевскій оправдываетъ эту истину вмѣстѣ съ Пушкинымъ, Толстымъ, Достоевскимъ, Мусоргскимъ, Бородинымъ. Вмѣстѣ съ ними, онъ — нашъ вѣчный спутникъ, своею національною оригинальностью растворяющій предъ нами двери въ международность. Громадный посмертный успѣхъ Ключевского — лестный аттестатъ не толь-

ко для совершеннаго имъ огромнаго подвига, но и для русскаго общества. Свидѣтельство того, что русскому человѣку, по прежнему, дорого его самосознаніе. Значитъ, не все еще вытравлено и размѣняно. Жива еще и властна въ насъ нѣкая внутренняя — великая и таинственная — церковь русскаго духа, и обаятельныя ея служенія — залогъ того, что завѣты ея могутъ замирать, но не умирать, и простоятъ она вѣчно, и «врата адовы не одолѣють ю».

1921. V. 26.

Ал. Амфитеатровъ.

А. Филипповъ

**НОВОЕ И НОВЫЕ
ВЪ НѢМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.**

Павшій на войнѣ талантливый нѣмецкій художникъ Францъ Маркъ гдѣ-то въ глухой лотарингской деревушкѣ, на жесткой койкѣ походнаго лазарета записывалъ послѣднія свои мысли... «Въ дни страшныхъ битвъ не одно человѣческое сердце останавливалось на какой-нибудь мигъ, и вновь, но уже по иному, начинало биться—на встрѣчу будущему. Это былъ мигъ тайнаго прощанія съ прошлымъ. Оно умирало въ каждомъ человѣческомъ сердцѣ. Какая святыня уцѣлѣла? Изъ того, что осталось позади, многое-ли намъ дорого теперь? Никто, никто изъ насъ не перейдетъ черезъ кровавую рѣку войны, всѣ мы уже безсильны жить въ прошломъ.»

Эти слова безвременно погибшаго большого художника до извѣстной степени опредѣляютъ пеструю хаотическую картину современной нѣмецкой литературы. Къ прошлому возврата нѣтъ. Будущее смутно, и въ тѣхъ формахъ, въ какихъ оно намѣчалось вскорѣ послѣ войны и ноябрьской революціи, оно исполнило отчаянія и смятенія германскую духовную знать, носителей старыхъ культурныхъ традицій. Уже въ 1920 году Томасъ Маннъ въ своей книгѣ «Размышленія не-политическаго дѣятеля» писалъ: «Занимается что-то новое, чему мы чужды. Созидаются новые каноны красоты и этики, для воспріятія которыхъ мы не прошли подготовительнаго внутренняго стажа». Писатели опредѣлившіеся, пользовавшіеся извѣстностью еще до войны, за по-

слѣдніе годы ничѣмъ значительнымъ себя не проявили. Опасеніе не попасть въ новый ладъ *новой* эпохи, не удовлетворить «новымъ канонамъ красоты и морали» глушило творческую отвагу. Иные, какъ Германъ Гессе, Яковъ Вассерманнъ, Вольдемаръ Бонзельсъ, какъ будто «перешли черезъ кровавую рѣку войны», но и ушли далеко отъ береговъ современной бурлящей дѣйствительности. Одинъ въ индійскую философію и мистику, которыя онъ умѣлымъ перомъ переводитъ въ повѣсти и рассказы, другіе замкнулись въ ультра-эстетичный индивидуализмъ. Изъ молодыхъ, подававшихъ большія надежды, многіе убиты на войнѣ. Безвременно погибли Георгъ Траклъ, недюжиннаго дарованія поэтъ, талантливый драматургъ Зорге, Штадлеръ, Закъ, Г. Ландауэръ и другіе.

Новые, уцѣлѣвшіе, воплощающіе собою настоящее — въ броженіи, въ процессѣ формированія, «*im Werden*», и такъ же, какъ и самое настоящее, съ трудомъ поддаются четкой характеристикѣ.

Рухнула казавшаяся несокрушимой твердыня, великая вѣра въ исключительность германской культуры, вѣра въ избранничество, въ гегелевскій, міровой разумъ, воплощенный въ прусскомъ строѣ. Не стало твердыни, которая для благороднѣйшихъ, для сильнѣйшихъ духомъ была также священна, какъ нѣкогда твердыня Монсальванъ для рыцарей духа. Безсознательно этой вѣрой жили всѣ, начиная отъ вѣрноподаннаго исполнительнаго шуцмана и кончая рафинированнѣйшимъ снобомъ, котораго можно было осчастливить, сравнивъ его съ парижскимъ парикмахеромъ, англійскимъ жокеемъ или американскимъ растакуэромъ. Со времянь Гейне повелось признакомъ хорошаго тона — возносить Парижъ и высмѣивать Берлинъ, нѣмецкую неуклюжесть, нѣмецкое филистерство. И нѣмецкіе писатели, художники и просто гастрономы жизни дѣлали это не за страхъ, а за совѣсть. Но достаточно было перваго пушечнаго выстрѣла, чтобы всѣ эти искренніе апологеты латинской или англійско-саксонской культуры и эстететствующіе снобы почувствовали себя нѣмцами и пламенными патріотами. Потребовалось большой внутренней ломки, чтобы перестроить себя подъ новый камертонъ, и лучшимъ, искреннѣйшимъ она далась, вѣроятно, не легко.

Марія Рейнеръ Рильке, авторъ отличной книги о Роденѣ, Вильгельмъ Уде, другъ Пикассо, написавшій нѣсколько превосходныхъ монографій объ Анри Ренье, о кружкѣ поэтовъ-аббейстовъ, о Парижѣ, о латинской культурѣ,—Рене Шикеле, который могъ только писать, и только и писалъ, въ Парижѣ, опарижанившійся и по внѣшности до полной иллюзіи, — Бернгардъ Келлерманъ, лучшіе романы свои—«Море» (посвященный Бретани) и «Безумецъ»—написавшій въ латинскомъ кварталѣ... Всѣ они, и многіе другіе, растерялись, опѣшили... Кто заговорилъ экзальтированныя, сбивчивыя рѣчи, кто молча ушелъ въ повседневную тяжелую работу, вызванную условіями войны и перваго времени послѣ войны, кто успѣшилъ закрѣпить въ художественной формѣ видѣнное, пережитое, но не отстоявшееся и не отложившееся въ пластическія формы, въ лучшемъ случаѣ томьясь сознаніемъ своего безсилія, которое только подкашивало силы и усугубляло смятеніе духа.

То, что писалъ Роменъ Ролланъ въ «Жанъ-Кристофѣ» — о настроеніяхъ, въ которыхъ росли люди его поколѣнія, послѣ катастрофы 70—71 г., отчасти отвѣчаетъ и настроеніямъ, овладѣвшимъ Германіей послѣ этой пятилѣтней войны. «Народъ, проигравшій войну, то же, что человѣкъ, потерявшій Бога. Фанатическій экстазъ вдругъ смѣняется тупой усталостью. Пламя, пылавшее въ милліонахъ сердець, опадаетъ сѣрымъ пепломъ. Обезцѣниваются всѣ цѣнности; подвиги, вчера казавшіеся героическими, сегодня кажутся ничтожными, и самая вѣра — мнится безуміемъ. Людьюми овладѣваетъ духъ наживы, выгоды, себялюбія, и безконечной усталостью разряжается взлетъ духовныхъ силъ».

Слова эти настроеніямъ современной Германіи отвѣчаютъ лишь отчасти, — отчасти потому, что духовное прошлое Германіи все-же слишкомъ огромно, культурныя традиции слишкомъ значительны, чтобы гнетъ унынія и бездѣйствія могъ долго надъ нею тяготѣть. Послѣ этихъ лѣтъ войны, навлекшихъ на нее много заслуженныхъ и искусственно-раздутыхъ обвиненій, Германія оказалась передъ внутренней необходимостью духовной реабилитаціи. А въ жизни народовъ эта внутренняя необходимость дѣйствуетъ также динамично, какъ инстинктъ самосохраненія. Это — «быть или не быть».

Къ тому же въ духовную напряженную жизнь народа вошелъ новый факторъ, котораго не было на лицо пятьдесятъ лѣтъ назадъ, и который аккумулируетъ всѣ его силы въ страстную творческую мощь. Это безпощадный процессъ индустриализаціи, который страшнымъ призракомъ стоитъ передъ человѣчествомъ и грозитъ превратить миллионы людей въ частички машинъ, если у нихъ не найдется внутренней духовной настойчивости, чтобы отразить угашающій духъ ударъ. И это опять тоже «быть или не быть».

Германія не могла долго предаваться унынію и бездѣйствію. И какъ сейчасъ вслѣдъ за возвращеніемъ съ фронтовъ войскъ, вслѣдъ за демобилизаціей арміи закипѣла работа на заводахъ, фабрикахъ, въ мастерскихъ, такъ закипѣла она и въ лабораторіяхъ, въ студіяхъ, въ незримыхъ покояхъ безвѣстныхъ еще художниковъ, поэтовъ и драматурговъ.

Въ литературѣ появились новыя имена. О нихъ заговорили съ надеждой, съ упованіемъ. Вотъ — началось! И какъ неизбежно бываетъ въ дни оскорбленнаго національнаго чувства, безъ достаточной осторожности, съ безсознательной переоцѣнкой несложившихся еще и неопытныхъ писателей. Точно заслуга съ ихъ стороны было уже одно то, что они уцѣлѣли и не лишили людей возможности надѣяться и уповать на возрожденіе нѣмецкой литературы.

Фрицъ фонъ Унру, Эрнстъ Толлеръ, Рейнгардъ Гейрингъ.

Фрицъ фонъ Унру, блестящій гвардейскій офицеръ, состоявшій чуть ли не въ свитѣ кронъ-принца, дебютировалъ написанной гладкими стихами драмой—протестомъ противъ войны, противъ «бойни», противъ идеи отечества, воспринимаемой съ династической точки зрѣнія, и за одно противъ строя общественныхъ условностей, тормозящихъ развитіе личности и ея счастье. Это было такъ ново: придворный офицеръ въ роли пишущаго и печатающагося бунтаря.

Слѣдующая пьеса была еще смѣлѣе—развѣнчаніе ореола, столько лѣтъ сіявшаго въ Германіи надъ военной каской. Слава и успѣхъ, какъ плющъ, обвивали молодого, прекраснодушнаго, гуманно-настроеннаго юношу, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ въ

траншеяхъ нашедшаго общій языкъ съ партійными лидерами и газетными репортерами.

Рейнгардъ Гейрингъ, по профессіи врачъ — побывалъ въ нѣсколькихъ морскихъ сраженіяхъ, и шумный успѣхъ стяжалъ пьесой «Морской бой» (поставленной въ 1919-омъ году у Рейнгарда) пьесой, въ которой изобразилъ, вѣрнѣе, только записалъ фразы, подслушанныя передъ боемъ, во время и послѣ боя. Дѣйствительность дала ему матеріалъ, какого не могла бы дать ему самая яркая творческая фантазія. Получился рядъ діалоговъ, полныхъ потрясающаго ужаса, лишавшихъ послѣдней иллюзіи тѣхъ, которые остались въ живыхъ и скорбѣли объ умершихъ за родину: ни тѣни героизма не было въ этой смерти — только животный ужасъ, только ненависть и ожесточеніе противъ тѣхъ, которые послали ихъ на смерть...

Больше Гейрингъ съ тѣхъ поръ ничего не написалъ, и врядъ-ли что-нибудь напишетъ. Онъ не писатель, какъ не художникъ и не поэтъ фонъ-Унру. Война, и вслѣдъ за тѣмъ революція вызвали новую гамму чувствъ и мыслей — у чуткихъ, гуманныхъ людей, не родившихся ни беллетристами, ни поэтами, ни драматургами, и книжный рынокъ въ Германіи затопили сборники незначительныхъ въ художественномъ отношеніи стиховъ, повѣстей и романовъ. Искреннія, добрыя чувства разрядились у однихъ хотъ какимъ-либо подобіемъ грозы, у другихъ — лишь скучной и скоро улегшейся пылью.

Эрнстъ Толлеръ, какъ и Леонардъ Франкъ — оба не бездарные люди, пали жертвами ослѣпившаго ихъ обманнаго «свѣта съ Востока.»

Леонардъ Франкъ до войны дебютировалъ прелестной книжкой «Разбойничья шайка» — повѣстью о дѣтяхъ, которыя дѣйствительность романтично и трогательно отождествляютъ съ зачаровавшими ихъ вымыслами Фенимора Купера и Майнрида. Все написанное имъ послѣ войны, немного, впрочемъ, двѣ жидкія книжки, — протесты противъ войны, противъ буржуазнаго строя, неумѣло-переложенныя въ рассказы передовицы изъ «Rote Fahne» — неубѣдительны, скучны, и ничего не говорятъ ни уму, ни сердцу.

Эрнстъ Толлеръ, сидящій и понынѣ въ крѣпости за участіе въ коммунистическомъ мюнхенскомъ «пучѣ», написалъ двѣ

пьесы «Wandlung», — и «Der Massenmensch». Если последняя представляет собою только наборъ фразъ, точно списанныхъ съ агитационной коммунистической ленточки, то первая вещь говоритъ о большой внутренней тревогѣ, о большомъ гуманномъ сердцѣ, съ особой остротою воспринявшемъ коллективныя и индивидуальныя человѣческія страданія въ годы войны и въ дни бессмысленно-кровавыхъ расчетовъ съ мнимыми виновниками катастрофы. Но опять-таки это, вѣрнѣ всего, голосъ, прозвучавшій лишь потому, что «не могъ молчать», въ силу внутренняго напора видѣнныхъ и отчасти пережитыхъ мукъ. Въ его образахъ не чувствуется руки ваятеля, въ языкѣ его нѣтъ очарованія новизны, и въ мысляхъ, изрекаемыхъ имъ, нѣтъ дыханія вѣчности. Врядъ-ли можно предположить, что имя Толлера долго продержится въ литературной хроникѣ Германіи.

Лишь трехъ художниковъ можно выдѣлить изъ несчетной массы именъ, красующихся на обложкахъ книгъ, изъ хаоса теченій, направленій и лозунговъ. Эти три писателя: Казиміръ Эдшмидтъ, Теодоръ Дейблеръ и Эльза Ласкеръ-Шиллеръ.

Казиміръ Эдшмидтъ — авторъ многихъ книгъ, романовъ, повѣстей, литературныхъ очерковъ и статей. Онъ — оправданіе экспрессионизма въ нѣмецкой литературѣ, какъ Пикассо — оправданіе крайняго теченія въ живописи. Его можно принять или не принять, но онъ убѣдителенъ, онъ волнуетъ, онъ злитъ, порою восхищаетъ, у него есть свое лицо, мимо котораго нельзя пройти.

Излагать содержаніе повѣстей или рассказовъ Эдшмидта такъ же невозможно, какъ нельзя рассказать, какъ стелятся, какъ бѣгутъ и разсыпаются морскія волны на протяженіи тысячь верстъ между одной частью свѣта и другой. Дѣйствіе у Эдшмидта всегда внѣ времени, внѣ пространства. Но люди — подлинныя живые люди, какими создалъ ихъ Богъ въ первый день сотворенія міра и какими они остались, продѣлавъ многовѣковую эволюцію разсудка и сердца. Въ каждомъ рассказѣ Эдшмидта — нагроможденіе всѣхъ мыслимыхъ рокамбольныхъ ужасовъ, но ужасовъ, которые дѣйствительно ужасаютъ и долгой сочувственной думой прикрѣпляютъ къ себѣ память читателя. Взрывы, дуэли, заговоры, убійства, мятежи, оккультизмъ, таинственные ритуалы, политическія интриги, царственная пыш-

ность и отвратительныя трущобы, святость и преступность — вотъ гамма темъ и фоновъ, на которыхъ эти темы развиваются напряженно, сжато и съ покоряющей правоподобностью. У Эдшмидта нѣтъ логики, во всякомъ случаѣ — логики сѣраго, трезваго дня. У него всегда есть логика таинственной ночи, дѣлающая невозможное — возможнымъ, и непонятное — близкимъ и яснымъ сердцу человѣческому.

Такія произведенія, какъ «Агатовые шары» — (Achatnen Kugeln) «Шесть истоковъ» (Sechs Mündungen) — «Неистовствующая жизнь» — (Das rasende Leben) не останутся только на поляхъ исторіи нѣмецкой литературы. Эдшмидтъ не создаетъ литературной школы — языку его подражать нельзя, какъ и нельзя повторить, — не сбиваясь на жалкое подражаніе, — его темъ. Онъ — Эдшмидтъ, и одинъ. Такимъ онъ и войдетъ въ литературу. Такъ особнякомъ стоялъ когда-то Гофманъ, за которымъ тоже не было школы, и не могло быть подражателей. Эдшмидтъ, впрочемъ, еще молодъ и отъ него, многого еще нужно ждать.

Теодоръ Дейблеръ — поэтъ и художникъ. Его «Гимны Италиі» — появившіеся въ 1918 году, — заставили даже академическую критику въ этомъ главарѣ экспрессионистической группы признать исключительное дарованіе. Дейблеръ, долгіе годы прожившій въ Италиі, въ горной глуши, въ забытыхъ итальянскихъ деревушкахъ, глубоко впиталъ въ себя итальянское солнце и почти языческую радость жизни. Но въ тоже время онъ — сынъ большого культурнаго народа, и онъ мечется между двумя полюсами — между наивной, дѣтской мечтой и порою перутонченной культурностью. Лучшій изъ его сборниковъ — «Гимны Италиі» — хмѣльная, пьянящая книга. Стихи здѣсь растутъ, какъ дикая трава, съ тропической пышностью. Каждое созвучіе естественно и легко рождаетъ новое, какъ одинъ всплескъ морской волны другой. У него какое-то первобытное благочестіе и простота, которыя подсказываютъ ему самоцвѣтныя слова для деревьевъ и звѣрей, для дѣтей и для старинныхъ храмовъ съ почернѣвшими образами.

Двѣ большихъ поэмы Дейблера — «Сѣверное сіяніе» и «Ра» — обнаруживаютъ въ немъ не только большого мастера стиха, но и глубокаго мыслителя, художника со сложными религіоз-

ними запросами и съ философскимъ воспріятіемъ явленій и событій.

Немногочисленныя прозаическія произведенія Дейблера заслуживаютъ такого-же серьезнаго вниманія, какъ и его стихи. Но, повидимому, воплощеніе сюжета и мысли въ стихахъ дается ему легче, чѣмъ въ прозѣ, которая черезъ каждыя десять строкъ сбивается на стихъ или ритмическую прозу.

«Венеціанскіе жемчуга»—книжка, которая обогатитъ и избалованнаго читателя и не заставитъ его пожалѣть о потраченномъ времени и усиліи, — потому что читать Дейблера не легко. Онъ ввелъ въ нѣмецкій языкъ много неологизмовъ, новые обороты и построенія фразъ, мѣстами напоминающія ритмическую прозу Ромена Роллана въ «Кола Брейньонѣ».

Эльза Ласкеръ-Шиллеръ старше Эдшмита и Дейблера. Она поэтъ, драматургъ, прозаикъ, эссэистъ, литературный критикъ и написала около пятнадцати томовъ стиховъ, поэмъ, сказокъ, пьесъ, литературныхъ очерковъ, и чего-то еще, не поддающагося никакому теоретическому опредѣленію, не подходящаго ни подъ одну литературную рубрику. И это, быть можетъ, самое прекрасное изъ всего, что до сихъ поръ написано ею.

Прогулка по Курфюрстендамму въ осенній день, полчаса на скамейкѣ въ скверѣ на Викторія Луизенъ-Платцъ, гдѣ играютъ дѣти, таящія въ себѣ такія большія радости и печали, о которыхъ не всегда знаютъ родныя матери.... Всеобъемлющая глубокая человѣчность Ласкеръ-Шиллеръ претворяетъ каждое впечатлѣніе, каждый осколокъ жизни въ самоцвѣтные камни, въ художественные алмазы, которымъ долго, вѣроятно, суждено излучать свѣтъ и красоту. У Ласкеръ-Шиллеръ — свой стиль, своя манера, но не манерность и не стилизація, и манера эта такъ же органически тѣсно спаяна съ ея писательскимъ обликомъ, какъ одна часть тѣла съ другою. И эта подкупающая простота и, пожалуй, еще простодушіе — при всемъ своеобразіи и исключительности литературныхъ формъ Ласкеръ-Шиллеръ, — давно заставили самыхъ неуступчивыхъ нѣмецкихъ критиковъ, блюстителей литературныхъ устоевъ и традицій, признать въ ней перворазряднаго поэта и отвести ей мѣсто въ красномъ углу литературы.

Эльза Ласкеръ-Шиллеръ — еврейка, выросшая въ патриархальной культурной семьѣ. Наслѣдіе трехъ тысячъ лѣтъ дало ей неизбывную печаль, трагическое воспріятіе міра, но вмѣстѣ съ тѣмъ и мощную восточную фантазію, которая пугающую ее дѣйствительность облакаетъ красотою правдоподобной сказки.

Ласкеръ-Шиллеръ перевоплощается въ принцессу — «сказочницу» Тино изъ Багдада и ведетъ за собою читателя въ сказочныя царства, которыя ей подвластны, показываетъ ему волшебныя картины, доступныя ея взору и заставляетъ слышать лютни и арфы, на которыхъ мысленно играетъ она. Ласкеръ-Шиллеръ — ѳиваидскій принцъ, воюющій съ невѣрными, и съ поля сраженія пишушій письма знакомымъ писателямъ въ Берлинъ и въ Мюнхенъ, письма въ стихахъ и въ прозѣ, и тѣ, и другія одинаково чарующія. Не вѣрить ея фантастическимъ вымысламъ-гротескамъ невозможно; слишкомъ глубоко вѣрить въ нихъ она сама.

Гордая традиція нѣкогда знатныхъ въ Испаніи еврейскихъ патриціевъ переплелась у нея и причудливо сочеталась, создавая вполне законченный и своеобразный, нѣсколько терпкій, но и вмѣстѣ мягкій узоръ.

Жизнь представляется Ласкеръ-Шиллеръ хаосомъ, «звѣзды на небѣ — мертвенно жуткими призраками, и черное око полуночи навѣваетъ на нее непобѣдимый ужасъ». Но она вѣритъ глубоко-внѣдренной старою еврейскою вѣрой — «есть Богъ въ небесахъ», — и его она зоветъ въ минуты растерянности въ хаосъ жизни: «О, Богъ, приди!»

Въ поэзіи Ласкеръ-Шиллеръ на лицо также и мотивы, рѣдко отсутствующіе въ клавиатурѣ глубокой творческой женской души. Неудовлетворенность, святая мечта о личномъ счастьѣ, томленіе своимъ одиночествомъ... Но скепсисъ и юморъ не даютъ лиризму перейти въ чувствительность и сентиментальность, и каждая громкая вспышка тайной печали и муки мгновенно глушится педалью легкой забавной шутки.

Для Эльзы Ласкеръ-Шиллеръ литература — не профессія, не путь къ стяжанію ненужныхъ ей лавровъ. Она пишетъ чудесные стихи, потому, что она не птица, и не можетъ, какъ птица, пѣть, что было-бы ей милѣй; она рассказываетъ сказки, не сочиняя ихъ вовсе: она и впрямь принцесса-сказочница Тино изъ

Багдада и родилась съ этими сказками въ душѣ. И Эльза Ласкеръ-Шиллеръ внѣ кружка, внѣ школы. Она стоитъ особнякомъ, случайно занесенная въ современность, пламенная и ласковая, наивная и мудрая восточная Сафо изъ «Cafe des Westens» которое она воспѣла и увѣковѣчила, и кафэ и его былыхъ завсегдатаевъ — берлинскую богему, въ одной изъ лучшихъ своихъ книгъ — «Мое сердце».

А. Филипповъ.

Вл. Сиринъ.

РУПЕРТЪ БРУКЪ.

Я видѣлъ ихъ; я любовался ими долго; онѣ, чуть вспыхивая, плавали, безъ устали плавали туда и сюда за стеклянной преградой, въ дымокѣ воды неподвижной, блѣдно-зеленой, какъ дрема, какъ вѣчность, какъ внутренній міръ слѣпца. Онѣ были огромныя, округлыя, красочныя: казалось, фарфоровую ихъ чешую расцвѣтилъ тщательный китаецъ. Я глядѣлъ на нихъ, какъ во-снѣ, очарованный тайной музыкой ихъ плавныхъ, тонкихъ движеній. Между этихъ мягко-мерцающихъ великановъ юркала цвѣтистая мелюзга, — крошечные призраки, напоминающіе нѣжнѣйшихъ бабочекъ, прозрачнѣйшихъ стрекозъ. И въ полумглистомъ аквариумѣ, глядя на всѣхъ этихъ сказочныхъ рыбъ, скользящихъ, дышущихъ, выпучившихъ глаза въ свою блѣдно-зеленую вѣчность, — я вспомнилъ прохладные, излучистые стихи англійскаго поэта, который чуялъ въ нихъ, въ этихъ гибкихъ, радужныхъ рыбахъ, глубокій образъ нашего бытія.

Рупертъ Брукъ... Имя это еще не извѣстно на материкѣ, а тѣмъ паче въ Россіи. Рупертъ Брукъ (1887—1915) представленъ двумя легкими томиками, въ которыхъ собраны около восьмидесяти стихотвореній. Въ его творчествѣ есть рѣдкая плѣнительная черта: какая-то сіяющая влажность, недаромъ онъ служилъ во флотѣ, недаромъ и само имя его означаетъ по англійски: ручей. Эта тютчевская любовь ко всему струящему-

ся, журчащему, свѣтло-студеному, выражается такъ ярко, такъ убѣдительно въ большинствѣ его стиховъ, что хочется ихъ не читать, а всасывать черезъ соломинку, прижимать къ лицу, какъ росистые цвѣты, погружаться въ нихъ, какъ въ свѣжесть лазореваго озера. Для Брука мѣръ — водная глубь, «зыбкая, измѣнчивая, дымчатая, въ которой колеблющіяся тѣни вздуваются и зіяютъ таинственно... Странная нѣжность глубины смягчаетъ потонувшія въ ней краски, раздробляетъ черный цвѣтъ на его составные оттѣнки, подобно тому, какъ смерть расчленяетъ жизнь. Вотъ алый сумракъ, таящійся въ сердцахъ розъ, вотъ синій лоскъ мертвыхъ беззвѣздныхъ небесъ, вотъ золотистость, лежащая за глазами, вотъ та невѣдомая, безымянная, слѣпая бѣлизна, которая является основнымъ пламенемъ ночи, вотъ тускло-лиловая окраска, вотъ матовая зелень, — тысячи тысячъ оттѣнковъ, цвѣтущихъ между тьмой и тьмой.» И всѣ краски эти дышутъ, движутся, образуютъ чешуйчатая существа, которыхъ мы зовемъ рыбками; и вотъ, въ тонко-жуткихъ стихахъ поэтъ передаетъ весь трепетъ жизни ихъ.

Въ полдневный часъ, лѣнливимъ лѣтомъ,
овѣянная влажнымъ свѣтомъ,
въ струяхъ, съ изгиба на изгибъ,
блуждаетъ сонно-сытыхъ рыбъ
глубокомысленная стая,
надежды рыбы обсуждая,
и вотъ значенье ихъ рѣчей:
«У насъ прудокъ, рѣка, ручей;
но что-же дальше? Есть догадка,
что жизнь — не все; какъ было-бъ гадко
въ обратномъ случаѣ! Въ грязи,
въ водѣ есть тайныя стези,
добро лежитъ въ ихъ основаньи.
Мы вѣримъ: въ жидкомъ состояньи
предназначенье видитъ Тотъ,
Кто глубже насъ и нашихъ водъ.
Мы знаемъ смутно, чуемъ глухо, —
грядущее не вовсе сухо!
«Изъ ила въ иль!», бормочетъ смерть;

но пусть грозитъ намъ водоверть, —
къ иной готовимся мы встрѣчъ...
За гранью времени, далече,
иная воды разлились.
Тамъ будетъ слизистѣе слизь,
влажнѣе влага, тина гуще...
Тамъ проплываетъ Всемогушій,
съ хвостомъ, съ чешуйчатой душой,
благой, чудовищно-большой,
извѣчно царствовавшей надъ иломъ...
И подъ Божественнымъ плавилоу
изъ насъ малѣйшія найдутъ
желанный, ласковый пріютъ...
О, глубь рѣки безмѣрно мирной!
Тамъ, подъ водою, въ мухѣ жирной
крючокъ зловѣщій не сокрытъ...
Тамъ тина золотомъ горитъ,
тамъ — иль прекрасный, иль пречистый.
И въ этой области струистой, —
ахъ, сколько райскихъ червяковъ,
безсмертныхъ мошекъ, мотыльковъ, —
какія плаваютъ стрекозы!
И тамъ, куда всѣ рыбы грезы
устремлены сквозь влажный свѣтъ,
тамъ, вѣрятъ рыбы, суши нѣтъ...

Въ этихъ стихахъ, въ этой дрожащей каплѣ воды, отражена сущность всѣхъ земныхъ религій. И Брукъ самъ — «грезящая рыба», когда, заброшенный на тропическій островъ, онъ общается своей гавайской возлюбленной совершенства заоблачнаго края, «гдѣ живутъ Безсмертные, — благіе, прекрасные, истинные, — тѣ Подлинники, съ которыхъ мы — земные, глупые, скомканые снимки. Тамъ — Ликъ, а мы здѣсь только призраки его. Тамъ — вѣрная беззакатная Звѣзда и Цвѣтокъ, блѣдную тѣнь котораго любимъ мы на землѣ. Тамъ нѣтъ ни единой слезы, а есть только Скорбь. Нѣтъ движущихся ногъ, а есть Пляска. Всѣ пѣсни исчезнуть въ одной Пѣснѣ. вмѣсто любовниковъ будетъ Любовь...» Но тутъ, спохватившись, поэтъ

воскликаетъ: «какъ-же мы будемъ плести наши любимые вѣнки, если тамъ нѣтъ ни головъ, ни цвѣтовъ? Господи, какъ мы станемъ жалѣть о пальмахъ, о солнцѣ, о югѣ. И ужъ больше, кажется, не будетъ поцѣлуевъ, ибо всѣ уста сольются въ единыя Уста..... Внемли зову луны и шепчущимъ благоуханьямъ, которыя блуждаютъ вдоль теплой лагуны. Поспѣши, положи въ руку въ руку человѣческую, сквозь сумракъ цвѣтущей тропы къ бѣлой полосѣ песка и въ мягкой ласкѣ воды смой пыль мудрованья. И до зари, подъ сіяющей луной, нагоняй въ беззвучно-глубокой водѣ чье-то мерцающее тѣло и тѣневые волосы, а то предавайся волнѣ полу-дремотно. Ныряй, изгибайся, выплывай, выглядывай изъ цвѣтовъ, смѣйся, призывай — пока уста наши еще не поблекли, пока у насъ на лицахъ не стерлась печать нашего «я»...

Ни одинъ поэтъ такъ часто, съ такой мучительной и творческой зоркостью не вглядывался въ сумракъ потусторонности. Пытаясь ее вообразить, онъ переходитъ отъ одного представления къ другому съ лихорадной торопливостью человѣка, который ищетъ спички въ темной комнатѣ, пока кто-то грозно стучится въ дверь. То кажется ему, что онъ, умеревъ, проснется «на широкой, бѣлесой, сырой равнинѣ, придавленной странными, безглазыми небесами» и увидитъ себя «точкой неподвижнаго ужаса... мухой, прилипшей къ сѣрой, потной шеѣ мертвеца», — то предчувствуетъ онъ безмѣрное блаженство. Предчувствіе это жарче всего бьется въ стихотвореніи «Прахъ».

Вотъ оно въ русскомъ переводѣ:

Когда, погаснувъ, какъ зарницы,
уйдя отъ дальней красоты,
во мглѣ, въ ночи своей отдѣльной,
истлѣю я, истлѣешь ты.

Когда замретъ твой локонъ легкой,
и тяжкій тлѣнъ въ моихъ устахъ
прерветъ дыханье, и съ тобою
мы будемъ прахъ, мы будемъ прахъ, —

— какъ прежде, жадные, живые,
не пресыщенные, — о, нѣтъ! —
блестя и рѣя, мы вернемся
къ мѣстамъ, гдѣ жили много лѣтъ.

Въ лучѣ мы пылью закружимся,
былыхъ не вѣдая оковъ,
и надъ дорогами помчимся
по порученьямъ вѣтерковъ.

И станетъ каждая пылинка,
блестя и рѣя тутъ и тамъ,
скитаться, какъ паломникъ тайный,
по упоительнымъ путямъ.

Не отдохнемъ, пока не встрѣтитъ,
за непостижную чертой,
одинъ мой странствующій атомъ,
пылинку, бывшую тобой.

Тогда, тогда, въ саду спокойномъ,
въ вечернихъ ласковыхъ лучахъ,
и сладостный, и странный трепеть,
найдутъ влюбленные въ цвѣтахъ.

И, средь очнувагося сада,
такое счастье, такой
призывъ воздушно-лучезарный
они почуютъ надъ собой,

что не поймутъ — роса-ли это,
огонь-ли, музыка, иль цвѣтъ,
иль флаговонье, или двое,
летящіе изъ свѣта въ свѣтъ.

И, съ неба нашего блаженства
испепеляющаго, крикъ
заставитъ вспыхнуть ихъ пустыя
и нищія сердца — на мигъ.

И въ расползающемъ мракѣ
они, блеснувъ, потухнутъ вновь,
но эти глупые людишки
на мигъ постигнуть всю любовь...

Между этихъ крайностей развертывается вереница болѣе спокойныхъ образовъ. Вотъ на берегахъ Леты, среди мифологическихъ кипарисовъ, поэтъ встрѣчаетъ свою умершую любовницу и она, безпечная Лаура эта, «вскидываетъ темно-русой очаровательной головой», такъ потѣшаетъ ее видъ древнихъ мертвыхъ — Сократъ курносый, щуплый Цезарь, завистливый Петрарка.

Вотъ взбѣжавъ на цвѣтущій холмъ — гдѣ-нибудь подъ Кэмбриджемъ, — Рупертъ, весело запыхавшись, восклицаетъ, что душа его воскреснетъ въ поцѣлуяхъ будущихъ влюбленныхъ. А то облака ласкаютъ его воображенье.

Ихъ сонмы облекли полночный синій сводъ,
тѣснятся, зыблются, волнуются безгласно,
на дальній югъ текутъ; къ таящейся, прекрасной
лунѣ за кругомъ кругъ серебрянный плыветъ.
Одни, оборотясь, прервавъ пустынный ходъ,
движеньемъ медленнымъ, торжественно-неясно
благословляютъ міръ, хоть знаютъ, что напрасно
моленье, что земли моленье не спасетъ.

Нѣтъ смерти, говорятъ; всѣ души остаются
среди наслѣдниковъ ихъ счастья, слезъ и сновъ...
Я думаю, онѣ по синевѣ несутся,
печально-пышныя, какъ волны облаковъ;
и на луну глядятъ, на гладь морей гудящихъ,
на землю, на людей туда-сюда бродящихъ.

Отсюда недалеко до полной примиренности со смертью, и дѣйствительно, — четырнадцатый годъ нашего вѣка внушаетъ Бруку пять цвѣтныхъ сонетовъ, озаренныхъ какъ-бы изнутри, чудесной лучистой кротостью.

Ихъ душу радости окрасили, печали
омыли сказочно. Мгновенно ихъ влекли
улыбки легкія. Вся радужность земли
принадлежала имъ, и годы ихъ смягчили.
Они видали жизнь и музыкѣ вдали
внимали. Знали сонъ и явь. Любовь встрѣчали
и дружбу гордую. Дивились. И молчали.
Касались щекъ, цвѣтовъ, мѣховъ... Они ушли.
Такъ вѣтры съ водами смѣются на просторѣ,
подъ небомъ сладостно-лазоровомъ, но вскорѣ
зима заморозитъ крылатую волну,
плясунью нѣжную, и развернетъ морозный
спокойный, слитный блескъ, нѣмую бѣлизну,
сіяющую ширь, подъ небомъ ночи звѣздной.

А вотъ другой сонетъ изъ того-же ряда. Черновикъ его хранится подъ стекломъ въ Британскомъ Музеѣ между рукописью Дикенса и записной книжкой капитана Скотта.

Лишь это вспомните, узнавъ, что я убитъ:
сталъ нѣкій уголокъ, средь поля, на чужбинѣ
навѣки Англій. Подумайте: отнынѣ
та нѣжная земля нѣжнѣйшій прахъ таитъ.
А былъ онъ Англій взлелѣянъ; обликъ стройный
и чувства тонкія Она дала ему,
дала цвѣты полей и воздухъ свой незнойный,
прохладу рѣкъ своихъ, тропинокъ полутьму.
Душа-же, ставшая крупницей чистой свѣта,
частицей Разума Божественнаго, гдѣ-то
отчизной данные излучиваетъ сны:
напѣвы и цвѣта, рой мыслей золотистый
и смѣхъ усвоенный отъ дружбы и весны
подъ небомъ Англій, въ тиши ея душистой.

Мнѣ хотѣлось показать на этихъ примѣрахъ разнообразіе
тѣхъ цвѣтныхъ стеколъ, сквозь которыя Брукъ, перебѣгая отъ
одного къ другому, глядитъ вдаль, стараясь различить черты
приближающейся смерти. Мнѣ сдается, что его такъ упорно

тревожить не столько мысль о томъ, что онъ найдетъ тамъ, сколько мысль о томъ, что покинетъ онъ здѣсь. Онъ любитъ землю страстно. Для него земная жизнь словно первая любовь и хоть онъ чувствуетъ, что за ней послѣдуютъ другіе романы, но всплески солнца, вопли вѣтра, уколы дождя, — сверкающее величіе и сверкающую боль этой первой любви, ему ужъ ничего не сможетъ замѣнить, — ни холодныя лобзанья небесныхъ звѣздъ, ни *садистическія ласки безносой смерти*, ни ангельскія серенады, ни призрачныя красавицы, блуждающія надъ Летой. Въ небольшой, очень тонкой поэмѣ о Дѣвѣ-Маріи мерцаетъ та-же мысль: Архангелъ Гавріилъ, какъ золотая точка, исчезъ въ небѣ, Марія впервые почувствовала въ тѣлѣ своемъ біенье второго сердца, — божественное біеніе, отдѣлившее Ее отъ міра, озарившее Ее горнимъ свѣтомъ, но... «воздухъ сталъ холоднѣе, сѣрѣе...» Въ этотъ мигъ Она, вѣроятно, поняла, что кончилась Ея земная жизнь, что больше ужъ никогда она не будетъ играть и лѣтъ и ласкать маленькихъ бѣлыхъ козъ, средь крокусовъ, подъ оливами.

Повторяю: Рупертъ Брукъ любитъ міръ, съ его озерами и водопадами, страстной, пронзительной, головокружительной любовью. Онъ желалъ-бы въ часъ смерти унести его подъ полой и потомъ, гдѣ-нибудь въ надсолнечномъ предѣлѣ, на досугѣ разглядывать, ошупывать безъ конца свое нетлѣнное сокровище. Но онъ знаетъ, что хоть и найдетъ онъ, быть-можетъ, невыразимо прекрасный рай, а все-таки свою влажную живую, яркую землю онъ покинетъ навсегда. Чую близкій конецъ, онъ пишетъ восторженное завѣщанье, — пересчитываетъ свои богатства, и, торопясь, составляетъ сумбурный списокъ всего того, что любилъ онъ на землѣ. А любитъ онъ многое: бѣлыя тарелки и чашки, чисто-блестящія, обведенные тонкой синью; и перистую прозрачную пыль; мокрая крыши при свѣтѣ фонарей; крѣпкую корку дружескаго хлѣба; и разноцвѣтную пищу; радуги; и синій горькій древесный дымокъ; и сіяющія капли дождя, спящія въ холодныхъ вѣнчикахъ цвѣтовъ; и самые цвѣты, колеблющіеся по зыби солнечныхъ дней и мечтающіе о ночныхъ бабочкахъ, которыя пьютъ изъ нихъ, подъ луной; также, — свѣжую ласковость простынь, которая скоро сглаживаетъ всякую заботу; и жесткій мужской поцѣлуй одѣяла; зернистое

дерево ; живые волосы, блестящіе, вольные ; синія, громоздящія тучки ; острую, безстрастную красоту огромной машины; благодать горячей воды ; пушистость мѣха ; добрый запахъ старыхъ одеждъ ; а также уютный запахъ дружескихъ пальцевъ, благоуханье волосъ, и пахучую сырость мертвыхъ листьевъ и прошлогоднихъ папоротниковъ; младенческой смѣхъ студеной струи, бьющей изъ крана или изъ почвы ; ямки въ землѣ; и голоса поющіе ; и голоса хохочущіе ; и тѣлесную боль, унимающуюся такъ быстро ; и мощно-пытящій поѣздъ ; твердые пески; и узкую бахромку пѣны, которая рыжѣетъ и таетъ, пока возвращается волна въ море; и влажные камни, яркіе на часть; сонъ; и возвышенныя мѣста; слѣды ногъ на пеленѣ росы; и дубы; и коричневые каштаны, лоснящіеся, какъ новые; и сучки, очищенные отъ коры; и блестящія лужи въ травѣ...»

И тутъ Брукъ находитъ мимолетное утѣшеніе въ мысли о славѣ: «мою ночь, говоритъ онъ, запомнятъ, благодаря одной звѣздѣ, превзошедшей блескомъ всѣ солнца всѣхъ человѣческихъ дней, ибо не увѣнчалъ-ли я безсмертной хвалой тѣхъ, которыхъ я любилъ, которые дали мнѣ свою душу, выпытывали вмѣстѣ со мной великія тайны и въ темнотѣ преклоняли колѣни, чтобы увидѣть неописуемое божество наслажденья?»

И снова, забывъ, что «смѣхъ умираетъ съ устами смѣющимися, любовь — съ сердцами любящими», поэтъ въ трепетныхъ ямбахъ сливаетъ жизнь и смерть въ одно пламенное упоенье.

Изъ дремы Вѣчности туманной,
изъ пустоты небытія,
надъ глубиною громъ исторгся:
тобою призванъ, вышелъ я,

Я расшаталъ преграды Ночи,
законы бездны преступилъ,
и въ міръ блистательно ворвался
подъ гулъ испуганныхъ свѣтилъ.

Распалось вѣчное молчанье...
Я пролетѣлъ, — и Адъ зацвѣлъ.
Какимъ-же знакомъ докажу я,
что, наконецъ, тебя нашель?

Иныя вычеканю звѣзды,
напѣвомъ небо раздроблю...
Въ тебѣ я огненной любовью
свое безсмертіе люблю.

Ты уязвишь сѣдую мудрость,
и смѣхъ твой пламенемъ плеснетъ.
Я именемъ твоимъ багрянымъ
исполосую небосводъ.

И рухнетъ Рай, и Адъ потухнетъ
въ послѣдней ярости своей,
и мгла прерветъ холоднымъ громомъ
стремленья міра, сны людей.

И встанетъ Смерть въ пустыхъ пространствахъ
и, въ темноту изъ темноты
скользя неслышно, убоится
сіянья нашей наготы.

Любви блаженствующей звенья
ты, Вѣчность вѣрная, замкни!
Одни надъ мракомъ мы, надъ прахомъ
боговъ низринутыхъ, — одни...

Но не всегда женщина является для Брука вѣчной спутницей, залогомъ безсмертія. Тамъ же, какъ и въ стихахъ, посвященныхъ «великому быть-можетъ», Брукъ въ своихъ изображеньяхъ женщины и любви зыбокъ, переменчивъ, какъ лучъ фонарика, освѣщающаго мимоходомъ то лужу, то цвѣтущій кустъ. Онъ переходитъ отъ дивнаго безумія, внушившаго ему «Прахъ» и «Призывъ», къ какимъ-то мучительнымъ чертежамъ, рисуя: «неутоленные, раскоряченные желанья... причудливый

образъ, льнувшій къ такому-же запутанному образу, личины ползущія, потерянные, извилистыя, вязнущія, уродливо сплетающіяся, безумно блуждающія по прихоти углубляющихся тропинъ и странныхъ выпуклыхъ путей.»

Брукъ еще кое-какъ мирится съ «причудливостью» человѣческаго тѣла, когда тѣло это молодо, стремительно, чисто, но что вызываетъ въ поэтѣ злобу и отвращенье, это — дряблая старость съ ея беззубымъ, слюнявымъ ртомъ, красными вѣками, поздней похотливостью... И доисторическій приѣмъ, — сопоставленье весны и увяданья, грезы и дѣйствительности, розы и чертополоха обновляется Брукомъ необычайно тонко.

Примѣромъ могутъ послужить слѣдующіе два сонета:

Троянскія поправъ развалины, въ чертогъ
Пріамовъ Менелай вломился, чтобъ развратной
супругѣ отомстить и смыть невѣроятный
давнишній свой позоръ. Среди крови и тревогъ
онъ мчался, въ тишь вошелъ, поднялся на порогъ,
до скрытой горницы добрался онъ неслышно
и вдругъ, взмахнувъ мечомъ, въ пріютъ туманно-пышный,
онъ съ грохотомъ вбѣжалъ, весь огненный, какъ богъ.

Сидѣла передъ нимъ, безмолвна и спокойна,
Елена бѣлая. Не помнилъ онъ, какъ стройно
восходитъ станъ ея, какъ свѣтеть чистый ликъ...
И онъ почувствовалъ усталость и, смиренно,
постылый кинувъ мечъ, онъ, рыцарь совершенный,
предъ совершенною царицею поникъ.

Такъ говоритъ поэтъ. И какъ онъ воспоетъ
обратный путь, года супружескаго плѣна?
Разскажетъ-ли онъ намъ, какъ бѣлая Елена
рожала безъ конца законныхъ гадъ и вотъ
брюзгою сдѣлалась, уродомъ... Ежедневно
болтливый Менелай бралъ сотню Трой межъ двухъ
обѣдовъ. Старились. И голосъ у царевны
ужасно-рѣзокъ сталъ, а царь — ужасно глухъ.

«И дернуло-жъ меня, — онъ думаетъ — на Трои
итти! Зачѣмъ Парисъ втесался?» Онъ порою
бранится со своей плаксивою каргой,
и, жалко задрожавъ, та вспомнить про измѣну.
Такъ Менелай пилилъ визгливую Елену,
а прежній другъ ея давно ужъ спалъ съ другой.

Еще рѣзче высказывается это отвращеніе къ дряхлости въ стихотвореніи «Ревность», обращенномъ, вѣроятно, къ ново-брачной. Въ немъ поэтъ такъ увлекается изображеніемъ грядущей старости розоваго, молодцеватаго супруга, котораго онъ уже видитъ и лысымъ, и жирнымъ, и грязнымъ, и Богъ знаетъ чѣмъ, — что только на тридцать-третьей, — послѣдней, — строкѣ спохватывается: «Вѣдь когда время это придетъ, ты тоже будешь старой и грязной...»

Мнѣ кажется, что и въ этомъ стихотвореніи, и въ другомъ, посвященномъ поразительно подробному и довольно отвратительному разбору морской болѣзни, явленья которой тутъ-же сравниваются съ воспоминаньями любви, Брукъ слегка щеголяетъ своимъ умѣньемъ зацѣпить и выхватить, какъ бирюльку, любой образъ, любое чувство, слегка чернить исподнюю сторону любви, какъ чернилъ (въ стихотвореніи о «мухѣ на сѣрой потной шеѣ мертвеца», упомянутомъ выше) видѣ загробнаго края. Онъ отлично знаетъ, что смерть — только удивленье; онъ пѣвецъ вѣчной жизни, нѣжности, лѣсныхъ тѣней, прозрачныхъ струй, благоуханій; онъ не долженъ былъ-бы сравнивать жгучую боль разлуки съ изжогой и отрыжкой.

Какъ ни какъ Брукъ не былъ счастливъ въ любви. Знамательно то, что полное безоблачное блаженство съ женщиной онъ можетъ представить себѣ только, перенеся и себя, и ее за предѣлъ земной жизни. Безконечно любя красоту міра, онъ часто чувствуетъ, что неуклюжая, нестройная страсть нарушаетъ своей прозаической походкой свѣто-тѣни и мягкія звуки земли. Это вторженіе гуся прозы въ садъ поэзіи выражено у него слѣдующимъ образомъ.

Моими дивными деревьями хранимый
лежалъ я, и лучи ужъ гасли надо мной,
и гасли одинокія вершины,
омытыя дождемъ, овѣянные мглой.

Лазурь и серебро и зелень въ нихъ сквозили;
сталъ темный лѣсъ еще темнѣй;
и птицы замерли; и шелесты застыли
и кралась тишина по лѣстницѣ тѣней.

И не было ни дуновенья...

И зналъ я въ это вѣщее мгновенье,
что ночь и лѣсъ и ты — одно,
я зналъ, что будетъ мнѣ дано
въ глубокомъ заколдованномъ покоѣ
найти сокрытый ключъ къ тому,
что мучило меня, дразнило: почему
ты — ты, и ночь — отрадна, и лѣсное
молчанье — часть моей души.

Дыханье затаивъ, одинъ я ждалъ въ тиши,
и, медленно, всѣ три мои святыни —
три образа единой красоты, —
уже сливались: сумракъ синій,
и лѣсъ, и ты.

Но вдругъ,
все дрогнуло, и грохотъ былъ вокругъ,
шумливый шагъ шута въ неискренней тревогѣ,
и трескъ и смѣхъ, слѣпя чьи-то ноги,
и платья сверстящій звукъ,
и голосъ, оскорбляющій молчанье.

Ключа я не нашель, не стало волшебства,
и ясно зазвучалъ твой голосъ, восклицанья,
тупья, пошляя, веселыя слова.

Пришла и близъ меня завакала ты внятно...
Сказала ты: здѣсь тихо и пріятно.
Сказала ты: отсюда видъ не плохъ.
А дни уже короче, ты сказала.
Сказала ты: закатъ — прелестень.
Видить Богъ,
хотѣль-бы я, хотѣль, чтобъ ты въ гробу лежала!

А то поэтъ жалуется, что возлюбленная его не понимаетъ: онъ просить у нея кротости, — она его цѣлуетъ въ губы, просить сокрушительныхъ восторговъ, — она цѣлуетъ его въ лобъ. Онъ самъ признается, что онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые «блуждаютъ въ туманахъ между раемъ и адомъ, зываютъ къ призракамъ, хватаютъ, и сами не знаютъ, любятъ-ли они вовсе, а если и любятъ, то кого, — даму-ли изъ старинной пѣсни, шута-ли въ маскарадномъ платьѣ, или привидѣнье, или свое собственное лицо отраженное во мракѣ». Одинъ изъ такихъ призраковъ ему однажды и явился.

Усталый, поздно возвратился
я въ сумракъ комнатки моей,
къ уюту бархатнаго кресла,
къ рубинамъ тлѣющихъ углей.

Вошелъ тихонько я и... замеръ:
быль женскій обликъ предо мной:
щеки и шеи свѣтлый очеркъ,
прически очеркъ тѣневой,
да, въ креслѣ кто-то незнакомый,
вонъ тамъ, сидѣлъ ко мнѣ спиной.

И волосы ея и шею
я напряженно наблюдалъ;
на мигъ застылъ, потомъ рванулся —
и никого не увидалъ.

Игра пустая, свѣтовая,
лишь окудесила меня, —
тѣней узоры, да подушка
на этомъ креслѣ у огня.

О вы, счастливые, земные,
скажите, могъ-ли я уснуть?

Слѣдилъ я, какъ луна во мракѣ
свершала, крадучись, свой путь, —
по стѣнкѣ, въ зеркалѣ, на чашкѣ...
Я въ эту ночь не могъ уснуть.

Порою-же Брукъ чувствуетъ, что какъ-будто собственное тѣло мѣшаетъ ему любить, и въ прекрасныхъ стихахъ изображаетъ ту странную внезапную холодность, за которую нѣкогда такъ обидѣлась венеціанка на робкаго Руссо. Онъ вкусилъ-бы полного счастья, если женщина была-бы цвѣтушимъ деревомъ, сверкающимъ потокомъ, вѣтромъ, птицей. Какъ только въ ней человѣкъ заслоняетъ богиню, какъ только визгъ дешевой скрипки нарушаетъ тишину сіяющей ночи, Брукъ страдаетъ, томится, проклиняетъ этотъ мучительный разладъ. И послѣдствіемъ его исканій, паденій, разочарованій, любовныхъ неудачъ, является чувство не только личнаго, но и космическаго одиночества, которое, впрочемъ, онъ ощущаетъ только въ глухіе часы безсонницы, когда сумракомъ скрытъ плѣнительный видимый міръ.

Было поздно, было скучно,
Было холодно, и я
звѣздамъ, — братіи веселой
позавидовалъ: Друзья
золотые, хорошо вамъ!
Не тоскуешь никогда
со звѣздой лучезарной
неразлучная звѣзда.

Свѣтомъ нѣжности взаимной,
свѣтомъ радостей живыхъ,
беззаботностью, казалось,
свыше вѣяло отъ нихъ.
Такъ, быть можетъ, и Создатель
смотреть съ вышины своей,
развлекаемый веселой
вереницею людей,
и не вѣдаетъ, что каждый
въ одиночествѣ своемъ,
какъ потерянный въ пустынь,
бродить въ сумракѣ нѣмомъ.

Я-то вѣдалъ, полюбилъ ихъ,
пожалѣлъ отъ всей души:
тамъ, въ пустыняхъ непостижныхъ,
въ угнетающей тиши,
тлѣли звѣзды одиноко,
и съ далекимъ огонькомъ
огонекъ перекликался
комаринымъ голоскомъ...

Отмѣтимъ, кстати, что Брукъ любитъ изображать Бога — съ бородой, въ мантии, на золотомъ престолѣ. (Точно также, какъ и рыбы представляютъ себѣ какого-то чешуйчатого, хвостатаго Юпитера, плавающего въ Райской Заводи). Но вотъ что однажды случилось:

Алмазно-крѣпкою стѣною отъ меня
Всесильный отдѣлилъ манящую отраду.
Возстану, разобью угрюмую ограду,
и проклянѣю Его, на тронѣ изъ огня!
Всю землю я потрясъ хулой своей великой,
но пламенемъ Любовь вилась у ногъ моихъ,
и, гордый, я дошелъ до лѣстницъ золотыхъ,
ударилъ трижды въ дверь, вошелъ съ угрозой дикой.

Дремалъ широкій дворъ; онъ полонъ солнца былъ
и полонъ отзвуковъ безплодныхъ. Мохъ покрылъ
квадраты плитъ сквозныхъ и началъ, неотвязный,
въ покои пыльные вползатъ по ступенямъ...
Внутри — пустой престоль; и вѣтъ вѣтеръ праздный
и зыблетъ тяжкія завѣсы по стѣнамъ.

Не совсѣмъ ясенъ смыслъ сонета этого: земная любовь-ли побѣдила и низвергла Бога, хотѣлъ-ли поэтъ выразить ту мысль, что внѣшній Богъ-Саваоѣ нераздѣльно связанъ съ Богомъ «внутри насъ» и потому исчезаетъ, какъ только человекъ начинаетъ его отрицать, или-же смыслъ заключается въ томъ, что Богъ просто умеръ и давно уже не правитъ міромъ? Темень и символъ другого стихотворенія, схожаго по духу съ вышеприведеннымъ сонетомъ.

По кругамъ нѣмымъ, къ бѣлоснѣжной вершинѣ земли
четыре архангела ровно и медленно шли:
огромныя крылья сложивъ, выдѣляясь на небѣ пустомъ,
несли они гробикъ убогій; ребенокъ покоился въ немъ,
да, вѣрно — ребенокъ (хоть склонны мы думать, что Богъ
не могъ-бы ребенка увлечь отъ весеннихъ дорогъ:
и въ хрупкой и жуткой скорлупкѣ смахнуть его прочь
въ пространства пустынный, въ тишь безконечную, въ ночь).

И внизъ они глянули, сбросивъ съ вершины крутой,
въ объятія невѣдомой тьмы, черный гробикъ простой,
и Господа жалкое тѣльце, свернувшись въ клубокъ,
лежало въ немъ, точно измятый, сухой лепестокъ.
Онъ въ безднѣ исчезъ, и въ молчаньи, одинъ за другимъ
архангелы грустно спустились къ равнинамъ пустымъ.

Оба эти стихотворенія относятся къ наиболѣе раннимъ произведеніямъ поэта (они написаны въ 1906-мъ году), и хоть сами по себѣ образны и величавы, но едва ли являются отличительными для Брука. Онъ такъ ярко чувствуетъ божественное въ окружающей природѣ, — на что ему эта бутафорская вѣчность, эти врубельскіе ангелы, этотъ властелинъ съ ватной бо-

родой? Пускай свѣтляки вѣрують въ электрической маякъ, стрекозы — въ монопланъ-антуанетъ, цвѣты — въ исполинскую викторію-регію, кроты въ слѣпое, бархатное чудище; пускай въ захолустномъ городкѣ добрые мѣщане, хныкая, приговаривая, сморкаясь въ огромные клѣтчатые платки, тѣснятся вокругъ тѣла умершей дѣвушки,—мимолетной возлюбленной странствующаго поэта: «они положили мѣдьяшки на твои сѣрые глаза, подвязали падающую челюсть, ихъ мысли, какъ мухи ползуть по твоей кожѣ...—а я, говоритъ поэтъ, я не буду на твоихъ поминкахъ, не буду съ ними ѣсть кутью» — и онъ изъ блага душнаго городишка уходитъ на вершину холма, исполненный ликующихъ воспоминаній, и тамъ, наединѣ со звѣздами и съ вѣтромъ, служить величавую панихиду... Онъ теперь счастливъ: его возлюбленная слилась съ той вѣчной, стоцвѣтной, стозвучной природой, которую онъ такъ жадно любить. Впрочемъ, и въ любви къ природѣ Рупертъ Брукъ прихотливо узокъ, какъ и всѣ поэты всѣхъ временъ.

Киплингъ говоритъ гдѣ-то: «сердце человѣка такъ невелико, что всю Божью землю онъ любить не въ состояніи, а любить только родину свою, да и то одинъ какой-нибудь ея уголокъ.» Такъ Пушкинъ любилъ «передъ избушкой двѣ рябины», а Лермонтовъ — «чету бѣлѣющихъ березъ». И Рупертъ Брукъ, говоря о своей любви къ землѣ, втайнѣ подразумѣваетъ одну лишь Англию, и даже не всю Англию, а только городокъ Гранчестеръ, — волшебный городокъ. Сидя въ берлинскомъ Кафэ-десъ-Вестенсъ, Брукъ, въ душный лѣтній день, съ упоеньемъ вспоминаетъ о той мглисто-зеленой, тѣнисто-студеной рѣчкѣ, которая протекаетъ мимо Гранчестера. И говоритъ онъ о ней точь-въ-точь въ такихъ-же выраженьяхъ, какъ говорилъ о благоуханной гавайской лагунѣ, ибо лагуна эта была въ сущности все та же родная, узкая рѣчка, окаймленная ивами и живыми изгородами, изъ которыхъ тамъ и сямъ выглядываетъ «неофициальная англійская роза.» Въ непереводаемыхъ журчащихъ стихахъ онъ заставляетъ сотню призрачныхъ викаріевъ плясать при лунѣ на поляхъ; фавны украдкой высовываются изъ листвы; выплываетъ наяда, увѣнчанная тиной; тихо свирѣлитъ Панъ. Съ глубокой нѣжностью поэтъ воспѣваетъ сказочный свой городокъ, гдѣ живутъ люди чистые и тѣломъ и душой, такіе мудрые, такіе утон-

ченые, что стрѣляются они, какъ только подступаетъ тусклая старость...

Я какъ-то проѣзжалъ на велосипедѣ черезъ Гранчестеръ. Въ окрестныхъ поляхъ мучили глазъ заборы, сложныя, желѣзныя калитки, колючія проволоки. Отъ грязныхъ, кирпичныхъ домишекъ вѣяло смиренной скукой. Вѣтеръ сдуру вздувалъ подштанники, развѣшанные для сушки, межъ двухъ зеленыхъ коловъ, надъ грядками нищенскаго огорода. Съ рѣки доносился тенорокъ хриплаго граммофона.

Я попытался въ общихъ чертахъ намѣтить поэтической обликъ Руперта Брука. Смерть, которую онъ такъ чутко подкарауливалъ, невзначай застала его въ лиловомъ Эгейскомъ морѣ, въ солнечный, гладкій день. Онъ недолго прожилъ, и разноцвѣтность его настроеній зависить отчасти отъ того, что онъ какъ-то не успѣлъ разобраться въ богатствахъ своихъ, не успѣлъ при жизни слить всѣ краски земли въ единый цвѣтъ, въ сіяющую бѣлизну. Но все-же не трудно различить основную черту его творчества: страстное служенье чистой красотѣ...

Вл. Сиринъ.

Андрей Левинсонъ.

ФРАНСИСЪ ЖАММЪ.

«Господи, Вы призвали меня въ среду людей. И вотъ я передъ Вами. Я страдаю и люблю. Я говорю тѣмъ голосомъ, что Вы вложили въ меня. Я писалъ тѣми словами, которымъ Вы научили мою мать и моего отца, чтобы они передали ихъ мнѣ. Я прохожу своимъ путемъ, словно нагруженный осель: надъ нимъ смѣются дѣти, и онъ опускаетъ голову. Я пойду, куда Вы велите, и когда Вамъ будетъ угодно.

Благовѣсть несется . . . »

Въ строкахъ этихъ заключено исповѣданіе поэта. Ими простодушно оправдываетъ первый свой поэтическій лепетъ ¹⁾ тишайшій Франсисъ Жаммъ.

Намѣреннымъ сравненіемъ, граціознымъ и умиленнымъ, онъ уподобилъ себя самому осмѣянному изъ животныхъ. Мысль эта особенна мила ему. Осель долгоухій страстотерпецъ, жертва всѣхъ баснописцевъ міра и мишень народной прибаутки, и позже остается для Жамма постояннымъ образомъ дивнаго смиренія, благословенной красоты: — символъ его собственнаго поэтического чувства. Когда же узкая межа привела его душистыми полями къ подножію креста, не встрѣтилъ-ли онъ и на страницахъ Евангелія четвероногого друга, склонившимъ морду надъ яслями младенца или несущимъ на покорной спинѣ благословляющаго Христа?

---

1) De l'Angélus de l'aube à l'Angélus de soir.

Намъ памятенъ не одинъ примѣръ столь же знаменательныхъ пристрастій. Если домашнимъ гениемъ Бодлэра служилъ котъ «могучій и нѣжный», а лирика Эдгарда По осѣнена чернымъ крыломъ ворона, на гербѣ Жамма должно по праву красоваться пыльное копыто сѣраго. «Люблю я осла, такого нѣжнаго», твердитъ онъ. «Подруга моя считаетъ его глупымъ, потому что онъ поэтъ ¹⁾».

Сегодня онъ усердно молится о томъ ²⁾, чтобы «войти въ рай вмѣстѣ съ ослами». Когда раздастся зовъ, «онъ возьметъ свою палку, пойдетъ большой дорогой и скажетъ осламъ, своимъ друзьямъ: я Франсисъ Жаммъ и иду въ рай . . . Придите, — продолжалъ онъ, — славные друзья синяго неба, бѣдные милые скоты». Такъ поэтъ предстанетъ предъ Господомъ со свитой тысячи ушей и будетъ просить о томъ, чтобы и самому стать подобнымъ осламъ».

Въ другой разъ, когда Жаммъ взвѣшиваетъ тщету и суетныя навожденія знанія, ему служитъ образомъ кошмаръ ученаго осла, подавленнаго пустотою чисель, «того осла, что изумилъ академію» ³⁾).

Въ стихотворномъ «заключеніи» къ одной изъ своихъ книгъ ⁴⁾ онъ вновь обращается къ двойнику своей музыки, «печальному ослику, нищему и сѣрому». Съ этимъ малымъ братомъ, что «умѣетъ быть поэтомъ съ такою тонкостью», онъ надѣется напиться когда-нибудь изъ единаго райскаго источника.

«Тогда насмѣемся мы, — воображаетъ онъ, — надъ тѣми, кто презиралъ насъ, тѣми, кто не понялъ, что нуженъ гений, чтобы пѣть или ржать на извѣстный ладъ».

Таково добровольное и сладостное отъ затаенной гордости униженіе, обрѣтенное Жаммомъ въ этомъ необыкновенномъ уподобленіи. Оно забавляетъ, конечно, но и трогаетъ своею правдой. Изъ всей убогой и святой твари, облюбованной поэтомъ, будь то «паршивая кошка, затаившаяся въ старомъ коридорѣ, бѣдное горбатое дитя или воробей въ клѣткѣ» ⁵⁾, онъ недаромъ

1) Ibid.

2) Quatorze prières.

3) Pensée des jardins.

4) Ibidem.

5) Elégies.

предпочель осла, «разбитаго на ноги». Вѣдь Жаммъ не уносится ввысь «на каменныхъ крылахъ безумныхъ соборовъ» (Верленъ), онъ мирно пасется на лугу поэзіи, хваля каждую былинку и всюду «обоняя» Бога . . .

«Господи, дайте мнѣ войти въ рай вмѣстѣ съ ослами».

* * *

Нетрудно связать воедино главныя положенія «поэтическаго искусства» Жамма. Лирика его полна интимныхъ изліяній. Онъ описываетъ собственныя чувства съ наивнымъ восхищеніемъ. Законъ его поэзіи инстинктъ, вдохновенная прихоть.

«Я дѣлаю то, что доставляетъ мнѣ удовольствіе», — признается онъ въ стихотвореніи: «Они сказали мнѣ» ¹⁾—«и мнѣ скучно думать, по каковой причинѣ. Я просто отдаюсь теченію, словно стебель мяты». Подобное «невѣжество» и всѣ упреки критиковъ интеллектуальнаго толка не смущаютъ его.

Тѣмъ не менѣе онъ проникнуть сознаниемъ святости своего призванія, важности взятой отвѣтственности. Приступая къ сельской поэмѣ «Жанъ де-Ноарье», онъ проситъ небо благословить его починъ ²⁾ :

«Господи, да научите меня порядку, необходимому для всякой поэтической и искренней страды . . . Я хочу, — ибо пора начинать, — не зря опустить перо мое въ чернильницу. Подобно ловкому каменщику, нагрузившему лопаточку цементомъ, я хотѣлъ-бы съ каждымъ приемомъ укрѣпить надежной работой стѣну своей хижины».

Это-то требованіе искренности и добротнаго мастерства дѣлаетъ достовѣрность переживанія единственнымъ мѣриломъ формы. «Форма моя слѣдуетъ за моимъ чувствомъ ³⁾», утверждаетъ онъ. Недаромъ искусство обращается для него въ функцію; оно возникаетъ произвольно. «Душа моя счастлива отъ того, что ей нечего сказать, я пишу эти стихи, почти не думая о нихъ . . .»

1) Le deuil des Primevères.

2) Le triomphe de la vie. Книга эта посвящена неизвѣстной старухѣ-калѣкѣ, которая заставила своего пса стать на колѣни передъ моей дверью и молиться за меня."

3) Предисловіе къ „Deuil des Primevères.“

«Никогда не поймешь, — говоритъ одинъ изъ обывателей о поэтѣ въ лирическихъ сценахъ «Жизни», — стихи-ли это или проза» ¹⁾). И въ самомъ дѣлѣ, въ первыхъ поэмахъ «Благовѣста» стихъ Жамма жужжитъ и смутно лепечеть, милый голосъ тонко, какъ ниточка. И если онъ охотно прибѣгаетъ къ свободному стиху, то не потому, что дыханію его тѣсно въ ухахъ правильнаго метра, а потому лишь, что рука его дрожить отъ сладостнаго волненія. Въ этомъ трепетѣ — вся музыка шаткихъ строфъ безъ размѣра и рифмы.

Лишь позже эта поэтическая паутина уплотняется въ прочную пряжу. Форма становится симметричной и закругленной; послѣдній-же обширный трудъ Жамма, — пѣсни «Христіанскихъ Георгикъ» — написанъ такими же парными александрийскими стихами, какъ нѣкогда подражанія древнимъ аббата Деллиля, а позже «Жослень» Ламартина.

Въ этой книгѣ итоговъ и завершеній Жаммъ включаетъ свое толкованіе поэмы и стиха въ текстъ первой пѣсни. Вновь Пиле Буало, Сентъ-Бева и Поля Верлена, но съ большой технической конкретностью, серафическій поэтъ разлагаетъ стопы и слоги стиха, опредѣляетъ роль рифмы, но то и дѣло поясняя дидактическія положенія черезъ символику восхитительныхъ иносказаній.

«Отнынѣ мнѣ нужно спокойствіе, чтобы писать; вѣдь борода моя сѣдѣетъ вокругъ моей улыбки», признается сорокалѣтній поэтъ. «Въ зрѣломъ возрастѣ предпринимаю я эту великую страду» . . . Многіе ранѣ меня пѣли эту землю . . . Источникъ, въ который глядѣлись Овидій и Виргилій, не тотъ же ли, что блешетъ въ этой глинистой скважинѣ? . . . Козленку, только-что отнятому отъ матери, кажется, что лѣсъ каждую ягоду производитъ впервые. Такъ, въ свою очередь, подобно этимъ великимъ предкамъ и козлику я видѣлъ рожденіе міра. И какъ многочисленны ни были бы поэты ржи, я тоже восхваляю ее и нимало не смущень».

Я передаю лишь остовъ понятій, облеченныхъ поэтомъ въ на диво размѣренную рѣчь, которую онъ самъ ближайшимъ образомъ опредѣляетъ и оправдываетъ.

1) Existences.

«Такъ я пользуюсь стихомъ вполнѣ классическимъ, лишь раскрѣпощеннымъ логикой. Послѣ большой схватки, въ которой бился и я, я смотрю и вижу, что разногласія были не велики. Ставь слишкомъ звонкимъ, слишкомъ легкимъ и вялымъ, чистый александрійскій стихъ, нѣкогда столь прекрасный, старчески повторяется. Свободный стихъ не давалъ намъ должнымъ образомъ почувствовать, гдѣ начинается и гдѣ кончается строфа. Но стремясь ко всѣмъ свободамъ, онъ отвоевалъ нѣкоторыя изъ нихъ».

Въ чемъ-же средній путь, предуказанный Жаммомъ? Сохранивъ равно сложность стиха, отказавшись отъ ассонанса, чередуя четы женскихъ рифмъ съ парами мужскихъ, онъ въ строеніи стиха руководится не орфографическимъ начертаніемъ словъ, а ихъ звуковымъ строеніемъ, слагаетъ рифмы не для печати, а для произношенія. Подвижность цензуры оживляетъ недвижимый *метръ* черезъ подвижной *ритмъ*. Допущеніе гіатуса иногда сводитъ приподнятую рѣчь къ обыденной. «Установивъ сіе краткое, но надежное поэтическое искусство, вдохновеніе вновь отрываетъ мнѣ свои врата» заключаетъ поэтъ.

Заявленія, казалось бы формальныя, (стружки со станка стихотворца), но сколь важныя. Черезъ соглашеніе между бунтарскимъ дерзновеніемъ и закоснѣлой традиціей убережено и обновлено преемство поэтической формы. Французская Академія, увѣнчавъ «Георгики», признала вмѣстѣ съ тѣмъ вкладъ двухъ послѣднихъ поколѣній — реформу стиха.

Каковы же чувствованія, облакаемая поэтомъ въ одеждѣ этой прозрачной формы, столь гибкой въ своей чрезвычайной простотѣ? Прежде всего — восторженное приобщеніе къ жизни природы, къ радостной обыденности бытія. Онъ не пѣвецъ грозныхъ стихій и потрясающихъ откровеній моря или горъ. Его кругозоръ ограниченъ зрѣлищемъ Ортеза, мѣстечка у подножія Пиреней; но въ этихъ тѣсныхъ предѣлахъ каждое чириканье вплетается въ музыку его стиховъ, въ многозвучное «Waldleben» его поэзіи. Подобно Авзонію, увидѣвшему вновь свою родину, онъ восклицаетъ при видѣ родной долины: *Natale solum* и полонъ такого большого чувства, что не въ силахъ высказать¹⁾.

1) Triomphe de la vie.

«Я хочу преклонить колѣни на родной землѣ, я хочу умереть отъ любви, узнавъ ее», — рвется и таетъ его сердце отъ избытка чувствъ. «Ты въ Ортезѣ. Здѣсь — счастье», напоминаетъ онъ въ другой элегіи другу Самэну. Среди гомона птичника и тѣплоты хлѣва онъ чувствуетъ себя, словно «миролюбивый король, воцарившійся, наконецъ, надъ завоеваннымъ царствомъ».

Таковъ соблазнъ удобныхъ формулъ, что Франсисъ Жаммъ можетъ прослыть пантеистомъ. Это было бы не точно. Онъ не вноситъ самовольно въ явленія природы одухотворяющаго и отвлеченнаго смысла. Нѣтъ, онъ самъ пронизанъ и упоенъ трепетомъ растительной жизни. Подобно Жанъ-Жаку Руссо, онъ страстный ботаникъ; каждый лепестокъ раскрываетъ передъ нимъ свою красоту и свой смыслъ, каждый камень поетъ свой внятный для него гимнъ. Въ лирическихъ сценахъ «Поэтъ и пташка» его собесѣдница-птица находитъ его «немного глупымъ»; но въ общемъ они понимаютъ другъ друга. Въ «Жизняхъ», реалистическихъ сценахъ «пошехонскаго быта», гдѣ благодушный сатирикъ мгновеніями смѣняетъ вольнаго пѣвца, даромъ рѣчи обладаютъ не одни лишь люди. Подаютъ голосъ и молотокъ башмачника и платанъ и избирательная афиша; тысяченожка вмѣшивается въ размышленія поэта, лягушка говоритъ «въ сторону», словно актеръ въ мелодрамѣ; даже коптящая лампа вставляетъ свое слово.

Каждый звѣрь ¹⁾ каждый злакъ, каждая вещь выражаетъ радостную полноту своего бытія; звуки и запахи изливаются въ образахъ. Прислушаемся къ бабочкѣ:

«Мои крылья нѣжны, какъ бархатная пыль. Я дивлюсь тому, что жива. Я смыслю немного, но я красива». — Или къ супу (въ сценѣ супружеской драмы въ домѣ рабочаго):

«Какъ странно, меня не снимаютъ съ огня, и я стыну. Между тѣмъ, восемь часовъ». — Или къ тропинкѣ:

«Я зѣваю, настолько мнѣ жарко» и т. д.

---

1) Увѣнчаніе „звѣриной“, лирики Жамма — его „Романъ Зайца“, гдѣ Св. Францискъ Ассизскій грядетъ, какъ избавитель, въ страну басень Лафонтена. Въ страницахъ этихъ умиленная иронія Анатоля Франса просвѣтлена ароматомъ Ассизскихъ „Цвѣточковъ“. Однихъ эпитетовъ и ключекъ, которыми Жаммъ надѣляетъ своего „героя“, хватило бы, чтобъ наречь его поэтомъ.

Поэтъ «безконечно малыхъ», съ зоркимъ взглядомъ и чуткимъ слухомъ, онъ показываетъ намъ отгѣнки и тайны глухой жизни природы сквозь увеличительное стекло убѣждающихъ образовъ. Въ пылинкѣ для него заключены разгадка и радостное утверждение жизни. Онъ пишетъ однажды размышленіе въ прозѣ «О капль росы»¹⁾. Эта особенность зрѣнія обращаетъ для него тѣсный уголокъ родной Наварры въ обширный, многообразный и торжественный міръ.

Если раствореніе личности въ сложности вселенской жизни, эта солнечная ванна для смирившейся души, остается первоисточникомъ неисчерпаемаго лиризма Жамма, — его поэзія питается также притокомъ иныхъ, хотя и смежныхъ, теченій.

Среди этихъ внятныхъ «обертонровъ» его буколической поэзіи первенствуютъ три мотива: очарованіе старины, тропическое вѣяніе далекихъ экзотическихъ странъ и жаркое дыханіе Эроса.

Жаммъ видитъ себя самого «юношей далекихъ временъ» («Элегіи»); его душа «составлена изъ старыхъ цвѣтовъ»; въ голосъ его замираютъ «дряхленькіе романы». Любовныя исторіи барышень изъ эпохи кринолиновъ, Альжанды д'Этремонъ, Клэръ д'Эльбездъ, Анисоваго Яблочка, всѣ эти трагическія и наивныя идилліи, что образуетъ его прозаическое твореніе²⁾, протекаютъ въ обстановкѣ старинныхъ усадебъ; «опечаленная радость», съ которой поэтъ взираетъ на воздушныя тѣни прошлаго, не напоминаетъ-ли «дома съ колоннами» и призрачный кругъ нашего Мусатова?

Что можетъ быть простодушнѣе, чѣмъ предметъ этихъ вымысловъ? Анисово яблочко любитъ Жоаннэса, надивопляшущаго хоту; Жоаннэсъ любитъ ея стройную подругу Люси. Анисово яблочко хроменькая; зовутъ ее собственно Лаурой, но прозвана она такъ изъ-за весушекъ, такъ шутки ради.

Вотъ скорбная повѣсть Клары д'Эльбездъ, считая съ трагическими воспоминаніями объ экзотической любви ея стараго дяди Жоаннсэна. То маловѣроятный анекдотъ, способный вызвать насмѣшку: исторія чистой и скрытной дѣвушки, убѣжденной, что забеременѣла отъ поцѣлуя юнаго Рожэ, и умирающей

1) Feuilles dans le vent.

2) Повѣсти Жамма собраны въ книгѣ „Le roman du lieu

отъ горестнаго сознанія своего грѣха. Съ саркастической остротой проникновенія въ тайну пробуждающагося пола Барбэ д'Оревилли затронулъ въ своиъ «*D i a b o l i q u e s*» близкую тему, взявъ для нея эпиграфомъ слова: «Лучшая закуска для дьявола — это невинность». Здѣсь все — чистота несказанная, въ началѣ дѣвственная бѣлизна лиліи, въ заключеніе душная и больная бѣлизна туберозы.

Третья повѣсть — объ Альмаидѣ д'Этремонѣ, любившей пастишка Пти-Гилема, который разбился въ горахъ.

Все это рассказы о минувшемъ и, можетъ быть, небываломъ, *échos du temps passé*, какъ назвалъ одну изъ своихъ картинъ славный русскій живописецъ. Но съ этимъ застланнымъ туманомъ легенды прошлымъ Жаммъ слить полнотою сладостныхъ и опечаленныхъ чувствованій, переживаніемъ, подобнымъ тоскѣ изгнанника по родинѣ, воспоминанію грѣшника о потерянномъ раѣ. Онъ «пришелъ слишкомъ поздно въ слишкомъ старый міръ».

«Вся моя юность», улыбается созрѣвшій поэтъ ¹⁾, — «была граціознымъ хороводомъ юныхъ дѣвъ, которыхъ касается и слегка обнажаетъ вѣтерокъ. Въ каждой изъ своихъ романтическихъ миниатюръ онъ видитъ, словно Бодлэръ въ своей «Прохожей», ту, которую онъ любилъ бы.

Въ посвященіяхъ героинямъ этихъ маленькихъ романовъ онъ съ «рыдающей улыбкой» изливаетъ свою запоздалую безъ надежды нѣжность. «Въ глубинѣ стараго сада, взываетъ онъ къ Кларѣ д'Эльбезъ, — сада полнаго тюльпановъ, о, чистая память, утѣшающая меня въ жестокой жизни, покойся . . . Я никогда не измѣнялъ тебѣ, и ты никогда не обманывала меня. Ты умерла прежде, чѣмъ я родился . . . О, мое дитя, моя подруга . . . не покидай меня . . . Возьми эту маленькую книгу. Она сдѣлана безискусственно . . . Я отдаю тебѣ свою душу. Положи ее къ стопамъ Господа» ²⁾

Не такъ же ли бесѣдуетъ онъ и съ милой тѣнью Альмаиды, съ ея старинной граціей и черными буклями? И не кажется-ли ему, что «она обвиняетъ его. съ неизмѣримой горечью и любовью за ошибку, которой онъ не совершалъ» ³⁾.

1) *Géorgiques chrétienne* .

2) *Le roman du lièvre*.

3) *Ibid.*

«Придите, моя возлюбленная придите, моя стрекоза»¹⁾), манитъ онъ изъ таинственнаго міра Анисово яблочко, хромоножку съ кожей лица, какъ пленка абрикоса. Такъ, греза о невозвратномъ всюду отождествляется съ дѣйствительностью, и грани времени стерты.

Жаммъ, поэтъ домосѣдъ, никогда не отчаливалъ на дѣлѣ отъ «старыхъ набережныхъ Европы». Но его неизмѣнно чаровало и томило воспоминаніе о далекихъ островахъ, откуда прибыли его дѣды-колонисты. Вѣтеръ, въ которомъ растворяется легкий благовѣстъ, не тотъ-ли самый, что «влекъ по зеленоватому океану его дѣда на пути къ цвѣтушимъ Антильскимъ островамъ?».

Старый сундукъ изъ камфарнаго дерева, на которомъ бабка стелила постель маленькому Франсису, донинѣ стоитъ въ жилищѣ поэта, какъ талисманъ или вѣщій фетишъ.

«Когда я засыпалъ на этомъ старомъ пахучемъ ящикѣ, — не сомнѣвается Жаммъ, тогда-то мое сердце и населилось нѣжными дѣвушками и индійскими деревьями, по которымъ ползутъ змѣи».

Его излюбленная книга — «Павель и Виргинія» этого «старога рѣзчика тростей» — Бернардена-де-Сентъ-Пьера; герой же его дѣтской и мужественной мечты — Робинзонъ Крузо; въ гаваняхъ Гамбурга и Антверпена ему чудится отплытіе англійскаго мореплавателя, рисуются возможности кругосвѣтнаго плаванія. Но эта жажда утоляется самой мечтой. Ортезскій отшельникъ останется въ своемъ сельскомъ домѣ, — скромный Робинзонъ, заблудившійся въ трехъ соснахъ.

Его патронъ — св. Францискъ Ксаверій, великій мореплаватель мученикъ, просвѣтитель далекаго Китая; но не ближе-ли къ нашему поэту другой Францискъ, смиренный *poverello* изъ Ассизи, проповѣдывавшій птицамъ?

«Сердце мое, радостное и все же печальное, подобно саду, полному юныхъ дѣвушекъ», признается Жаммъ. Эта ласковая близость томныхъ дѣвическихъ образовъ сообщаетъ пасторалямъ его лихорадочный трепетъ. Среди цвѣтущей природы — пышное цвѣтеніе тѣлесной любви. Любовь для «нераскаяннаго» еще Жамма — языческое «паническое» чувство, голосъ весны,

1) Feuilles dans le vent.

поющей въ крови. Цѣломудренное и хрупкое Анисово яблочко должно уступить мѣсто деревенской Венерѣ съ ея животной ясностью и крѣпкой красотой.

«Плоть моя страдаетъ словно отъ раскаленнаго желѣза, я желаю дѣвушку терпкимъ желаніемъ. Я желаю ее въ духотѣ крестьянской избы, съ ея прекрасными волосами на влажныхъ бедрахъ».

Она должна походить на Люси, возлюбленную Жана де Норрье : «Едва 17 лѣтъ, глаза, какъ цвѣтушій лень, щеки, какъ хлѣбъ, а волосы словно напудрены зерномъ». Соблазнъ неотразимъ, когда «всѣ птицы марта совѣтуютъ любить... Одинъ воровъ настаивалъ всемѣрно. Такъ какъ же быть?»

Драматическая поэма «Нагая дѣвушка» — все та же мечта объ утоленной страсти, объ упоеніи тѣла. Подобно Робинзону, поэтъ «стремить обезумѣвшее сердце къ далекому острову». И что же ?

«Островъ былъ заколдованъ и былъ лишь женщиной».

* * *

Намъ неизвѣстенъ тайный путь, приведшій поэта съ душой набожнаго фавна вспять къ твердой вѣрѣ дѣтскихъ лѣтъ. Потеря-ли любимой женщины, столь нѣжно имъ воспѣтой подъ именемъ усопшей Матоге, или кризисъ совѣсти, подобныхъ пережитому героями его драмы «Заблудшая овца», стали причиной его обращенія къ католицизму, — кто знаетъ ?

Вѣдь и дотолѣ вся его поэзія была гимномъ и славословіемъ. Суровый силуэтъ Креста не набросилъ на нее холодной тѣни. Онъ издавна чувствовалъ, «сколь благословенны вещи», и что ему достались отъ Бога тѣ смутныя гармоніи, что поднимаются изъ его сердца, «словно изъ кадила». 14 молитвъ, сочиненныхъ Жаммомъ, относятся къ «до-католическому» періоду. Но въ нихъ уже онъ ищетъ въ бѣдномъ сердце, еще плѣненномъ земными чарами, мужества, чтобы «подобно этой стрекозѣ . . . хвалить Васъ, Господи, скромно и достойно».

Жамму не нужно было измѣниться, чтобы стать католи-

ческимъ поэтомъ, замѣчаетъ одинъ изъ новѣйшихъ его критиковъ¹⁾, а только лишь преклонить колѣни.

«Небесныя опушки», книга, появившаяся десять лѣтъ тому назадъ, отразила переходъ поэта отъ смутнаго и восторженнаго чувства Божественнаго присутствія къ христіанской вѣрѣ. Цикль «Церковь, одѣтая листвою», весь полонъ новизной обрѣтенной благодати. Таинство причастія дивно преобразило поэта:

«Ибо теперь, когда его питаетъ несказанный хлѣбъ, казалось, что его глазамъ открылся новый міръ... То больше не кошмаръ, безумный и потѣшный, гдѣ вещи словно удивляются собственному бытію : теперь каждая вещь такова, какова она есть». Но это превращеніе языческаго хаоса въ христіанскій космосъ не протекаетъ безболѣзненно :

«Я вспахиваю твое сердце», говоритъ Господь. «Терпѣніе, дитя мое!». Цикль завершается «Розаріемъ»: пятнадцатью зернами поэтическихъ четокъ, славящими пятнадцать таинствъ житія Богородицы.

«Христіанская Георгики», капитальное произведеніе Жамма, проливаютъ на обычные мотивы поэта, подъявшего бремя соперничества съ древнимъ Вергиліемъ, свѣтъ христіанской истины; золотая пыль его юношеской лирики обращена въ тяжелый слитокъ.

Обнять совокупность мотивовъ этого Сельскаго эпоса трудно; то жужжащій улей, куда пчелы отовсюду сносятъ поэтической медъ, Лирической благодати сопрокосновенны хуторъ и его жители, полдень и вечеръ, пахота и покось, смерть бабки и обрученіе внучки, страда и отдыхъ. Хлѣбъ и вино вмѣстѣ съ тѣмъ плоть и кровь Христовы. Привычный жестъ сѣятеля и виноградяря вмѣстѣ съ тѣмъ—литургическое движеніе. Смирный, суровый или потѣшный бытъ поселянъ Беарна нечувствительно, неявно, но интимно пронизанъ тайнами католической символики. Но вѣдь и нигдѣ, какъ въ церковности не слиты такъ тѣсно языческа я идиллія и христіанскій аскетизмъ, Феокритъ и св. Павелъ. Такія мѣста, какъ хвалебный гимнъ вину съ перечнемъ мѣстныхъ винъ полны античныхъ воспоминаній. Между тѣмъ люди, звѣри и злаки непрерывно предстоятъ Богу; поэтъ и бѣднякъ, невѣдомые суровому

1) Robert Vallery-Rodet: Le réveil de l'esprit.

генію древнихъ, проходятъ вдохновенные черезъ весь разказъ. Все житейски подлинно прогрѣто теплотой укромнаго быта въ этихъ картинахъ четырехъ временъ года, развернутыхъ плавно и прозрачно, подобно фрескамъ Пювисъ де-Шаванна, но всюду отъ будничныхъ земныхъ стезей «недалека воздушная дорога».

* * *

Новѣйшее изъ крупныхъ произведеній Жамма, романъ «Le rosaire au soleil»¹⁾ всецѣло отвѣчаетъ задачамъ католическаго искусства. Онъ также построенъ по образцу Розарія ; главы его отвѣчаютъ пяти радостнымъ, пяти скорбнымъ и пяти славнымъ тайнамъ, о которыхъ надлежитъ размышлять, перебирая четки, послѣ каждыхъ десяти зеренъ.

Приблизить самые обыденные человѣческіе поступки къ евангельскимъ чудесамъ и страстямъ, распознать въ банальнѣйшихъ случайностяхъ путь Провидѣнія, — такова назидательная задача книги. Все дѣйствіе построено на чудесныхъ и знаменательныхъ совпаденіяхъ съ невозмутимымъ простодушіемъ и подавляющей механичностью. Когда героиня призвана немедленно совершить нужное доброе дѣло, у автомобиля тотчасъ же портится двигатель. Когда молнія ударяетъ въ терассу, безпричинный крикъ ребенка привлекаетъ ее въ безопасную комнату. Когда богсхульникъ, гонитель церковной школы, получаетъ постигаетъ — отъ тщеславной радости — апоплексическій ударъ.

Всѣ эти святія благоглупости терзаютъ самое доброжелательное вниманіе. Они не отвѣчаютъ самому строенію и размѣру романа. Если «духовные стихи» и новеллы Жамма продужены насквозь сладкой наивностью, словно кружевные платочки, въ романѣ слабый аромать испаряется съ первыхъ страницъ.

Между тѣмъ, нужно пробиться сквозь толщу прѣсныхъ умилений и благочестивыхъ назиданій послѣднихъ строкъ, одаренныхъ дивнымъ молитвеннымъ порывомъ. Здѣсь, въ циклѣ «Коронованіе Лѣвы» Жаммъ раскрываетъ какъ нигдѣ свою обновленную душу, славя Пресвятую за безцѣнный даръ :

1) Clairières dans le ciel.

«То Вы дали мнѣ эту горсть зеренъ въ годъ тысяча девять-
сотъ пятый, когда я узналъ истину. Я вспоминаю Бога въ саду
убѣжища, наивную фанфару, колыханіе жатвы подъ вѣтеркомъ...
Мой розарій прочитанъ. Я держу грубый крестъ его, чертя эти
строки. Я знаю, какую силу я почерпнулъ отсюда со дня, когда
я счелъ себя мертвымъ до того, когда, полонъ вѣчной жизни, я
прислушиваюсь безъ тревоги за себя къ вѣтру. Я видѣлъ, какъ
близкіе мнѣ возстали съ одра смерти. Я восхваляю моего Бога
и приложу передъ нимъ мое сердце къ землѣ. Эта горсть зеренъ,
о, Дѣва ! — вотъ скудный снопокъ, что она принесла. Но въ сере-
динѣ былъ смѣющийся макъ».

Война увеличила чувствительность за счетъ ума. Таковъ
послѣдній итогъ, подведенный умирающимъ Реми-де-Гурмономъ
состоянію французской души. Опытъ литературнаго творчества
военнаго времени подтверждаетъ приговоръ испытаннаго мыслителя.
Военная поэзія знаменуетъ торжество стихійныхъ, почвен-
ныхъ, преемственныхъ чувствъ. И такова прочность привычныхъ
сцѣпленій идей, что вмѣстѣ съ пафосомъ воинской доблести
вновь воспрянула и католическая экзальтація. Нерѣдко тревож-
ный набатъ заглушается торжественнымъ звономъ, звонъ доно-
сится изъ глухихъ глубинъ національнаго прошлаго, словно съ
подводныхъ колоколенъ сказочнаго града Иса. Единый поэти-
ческій порывъ отождествляетъ Церковь и Родину. Связь, ослаб-
ленная вѣками свободной мысли и десятилѣтіями радикальной
политики, мгновенно возстановлена вдохновеннымъ произволомъ
стихотворцевъ.

Подобная амальгама понятій божественнаго съ человѣ-
ческимъ, не должна, въ сущности, изумлять. Притязаніе на осо-
бое покровительство небесныхъ силъ не есть-ли одинъ изъ
обычныхъ признаковъ великой патріотической иллюзіи ? Кон-
цепція «своего стараго Бога» не являлась исключительной мо-
нополіей германскихъ идеологовъ войны. Католическая Франція
точно также сознавала себя избраннымъ свыше народомъ.
Старшая дочь церкви лишь возобновляла свой поединокъ съ
еретической страной, съ апокалипсическимъ звѣремъ.

Но такова кровавая иронія исторіи, что и въ Германіи са-
мый пламенный гимнъ борьбы и жертвы вознесся изъ большого
католическаго сердца ! Замѣчательный поэтъ, на короткій лишь

срокъ вызванный къ бытію войны, рабочій—котельщикъ Лершъ, павшій во время памятнаго сраженія въ Шампани, пѣлъ, бился и принялъ смерть во имя той же воинствующей церкви.

Предо мною маленькая изящная книга. На обложкѣ старинная деревянная гравюра — Агнецъ съ хоругвью въ медальонѣ. И это отнюдь не набожный маскарадъ. На оборотѣ мы находимъ сакраментальное *Nihil obstat* духовной цензуры и *Imprimatur* викарія парижской епархіи. Этимъ признается высшій авторитетъ безправныхъ и призрачныхъ учреждений. Авторъ книги, смиренно поступившійся свободой сужденія и печати, замѣнившій исканіе служеніемъ : Франсисъ Жамма.

«Пять молитвъ на время войны» Франсиса Жамма¹⁾ не просто лирическія варіаціи на религіозную тему : то нѣсколько новыхъ страницъ, вписанныхъ въ «римскій требникъ», нѣсколько новыхъ зеренъ четокъ въ рукахъ вѣрующихъ.

Грохотъ битвы не заставилъ однако, тихаго Жамма возвысить голосъ. Надъ скорбною прозой его пяти молитвъ вѣтъ все то же идиллическое дуновение. Первая изъ нихъ предназначена для самаго солдата, въ вечерній часъ, когда настаетъ несказанная тоска. Холодъ и сырость все болѣе завладѣваютъ околомъ. Этотъ самый часъ, когда тамъ малютки возвращаются изъ школы къ ужину.

Строки эти заполнены видѣніемъ покинутаго очага. Если воинъ воскрешаетъ въ своей одинокой молитвѣ образъ Христа, явившагося ученикамъ въ Эммаусѣ, жена солдата прибѣгаетъ къ неизмѣнной заступницѣ, Богоматери Лурдской, Дѣвѣ, Матери и Супругѣ. Къ ней она простираетъ руку, несущую кольцо. Но кому творить молитву устами Франсиса Жамма, если не дѣтямъ солдата ?

«Боже», твердитъ онъ отъ имени ихъ, «мы были довольны, потому что папа давалъ намъ больше игрушекъ и сластей, чѣмъ всегда. И мы гордились и намъ было весело при видѣ его мундира, нѣсколько дней передъ тѣмъ, какъ онъ уѣхалъ отъ насъ. Онъ держалъ насъ за руку на улицѣ и мама провожала насъ совсѣмъ печальная. Сосѣди спрашивали у папы : «когда вы ѣдете ?»; онъ отвѣчалъ : «скоро»!

1) Изд. „ Librairie de l'art catholique“.

«Мы пошли прощаться съ нимъ на желѣзную дорогу. Поѣздъ былъ длинный. Много людей смотрѣло на солдатъ. Мама плакала у папы на плечѣ. Тогда мы тоже заплакали. И папа сказалъ : «помолитесь Богу за меня, дѣтки, простите Его, чтобы я опять увидѣлъ васъ».

«Боже, мы хотимъ, чтобы нашъ отецъ вернулся . . .

. . . «И Вы отдадите его намъ, Господи, на землѣ и надолго или навсегда — на небѣ, потому что Вы какъ-будто нашъ отецъ и больше, чѣмъ нашъ отецъ, и Вы умѣете устроить все, какъ надо въ домѣ. Дá будетъ» . . .

Посгѣ ясныхъ альтовъ и тонкихъ дискантовъ дѣтскаго хора вступаетъ—молитвой отца солдата—торжественный голосъ старца. Онъ взываетъ къ Господу во имя «самой могучей любви челоуѣка, того, что наполняетъ наше сердце невыразимой радостью и скорбью, связи отца съ сыномъ». Онъ вспоминаетъ первые шаги своего мальчика, его открытія въ саду, фіалки, сорванные со слишкомъ короткимъ стеблемъ его маленькими пухлыми пальчиками. Нынѣ онъ отдалъ Господу десятину отъ своей жатвы : онъ далъ Ему своего сына, дабы исполнилась воля Его на землѣ, какъ и на небесахъ. Но это изгнаніе сына причиняетъ ему столько заботъ . . .

«Кто тотъ, что въ наши трудныя времена, сидя за столомъ, гдѣ ѣдятъ малютки, не вздрогнулъ-бы при мысли, что можетъ придти день, когда ихъ уста напрасно будутъ просить пищи ? Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесъ. Пусть солдатикъ мой не терпитъ ни голода, ни жажды ; пусть солнце разсѣетъ сырость его одежды, пусть причастіе подастъ жизнь его душѣ.

Я знаю, что мы заслуживаемъ смерти и что было бы справедливо, чтобы тотъ, кто родился отъ плоти моей, покоился въ общей могилѣ. Сжальтесь надъ нами» . . .

Отецъ заканчиваетъ свою молитву, примѣшивая къ тексту «Отче нашъ» слова и образцы дѣйствительности, воображая тотъ «благословенный день, когда, съ дрожью въ сердцѣ, мы подсторожимъ и вдругъ узнаемъ у двери въ окнѣ вагона того, кого Вы воскресили изъ могилы окоповъ».

Но въ этомъ сомнѣ молящихъ подъ скромнымъ сельскимъ кровомъ послѣднее слово принадлежитъ матери солдата и обращено оно къ Представительницѣ матерей, къ Сердцу, пронзен-

ному мечомъ. Она, тщетно искавшая Иисуса на дорогѣ и нашедшая Его во храмѣ среди мудрецовъ, не допуститъ, чтобы ея дитя числилось среди «пропавшихъ безъ вѣсти», чьи тѣни жестоко томятъ насъ. «Вы, что видѣли сына несущимъ свой крестъ и покрытымъ пескомъ потока, даруйте утѣшеніе моей мысли, прикованной къ грязному окопу, гдѣ мальчикъ мой, за котораго я прошу Васъ, становится ученикомъ Христа. Быть можетъ онъ изнемогаетъ подъ бременемъ!» . . .

Правда, Божественный Учитель предсказалъ гибель неблагодарнаго Іерусалима. «Но, заклинаетъ мать, есть Франція, о Дѣва! — что знаетъ часъ, когда Вашъ Сынъ посѣтилъ ее: то Франція, что изнемогаетъ вмѣстѣ съ Нимъ въ это многовеніе на крестѣ. Ибо дѣти наши распяты на крестѣ подобно Вашему Сыну, не пожелавшему сойти съ него» . . . Образами Страстей Господнихъ пытается мать солдата умолить Пресвятую.

«Но если, о Многострадальная Матерь, молитва моя не можетъ быть услышана . . . тогда придите и помогите мнѣ. Помогите мнѣ, потому что я никогда не смогу снести одна подобное бремя. Помогите мнѣ, потму что и Вамъ была подана помощь. Вы приведете богобоязненныхъ мужей, подобныхъ Іосифу Аримаѳейскому и Никодиму. Они снимутъ мое дитя съ его креста. И Вы сами, со святыми женами, отдадите его въ мои руки».

Слѣдуетъ еще включить «труды и дни» пѣвца новыхъ Георгикъ въ рамки хронологически отчетливыхъ фактовъ. Родился онъ въ 1868 году въ Турнэ (не томъ, что во Фландріи, а въ департаментѣ Высокихъ Пиреней). Дѣдъ его былъ врачомъ на Антильскихъ островахъ, отецъ его, чиновникъ, былъ ребенкомъ привезенъ во Францію. Франсисъ получилъ образованіе въ коллегіяхъ По и Бордо; позже онъ поступилъ въ качествѣ клерка въ контору нотариуса въ захолустомъ Ортезѣ, съ тѣхъ поръ ставшимъ его Тибуромъ. Спутниками его отрочества были двѣ книги: «Размышленія одинокаго путника», того Жанъ-Жака Руссо, съ которымъ такъ часто его сближаютъ въ наши дни, и въ мѣста, видѣвшіе зарю туманной юности котораго, онъ совершилъ набожное полонничество, ¹⁾ — и «Павель и Виргинія», каждая страница которой была проложена засушенымъ цвѣткомъ и бы-

1) Le roman du lièvre.

линкой (настолько каждое переживание Жамма магически было связано съ какой-либо аналогіей изъ растительнаго царства).

Первыя тоненькія книжки его — «Шесть сонетовъ» и «Стихи» (1891—92), проникшія въ Парижъ изъ провинціального далека, заставили кой-кого встрепенуться. «Отъ утренняго благовѣста до вечерняго» (1897, сборникъ стиховъ, обнимающій первые годы его поэтическаго бытія) сразу утвердили его смиренную славу. Литературный манифестъ одновременно обнародованный имъ въ журналѣ *Mercur de France* подъ названіемъ «Жаммизмъ», заключаетъ въ себѣ исповѣданіе «наивнаго» (въ Шиллеровскомъ смыслѣ) творчества. Воздѣйствіе Жамма на современниковъ, формальное и духовное, было велико.

* * *

Таковъ въ своей душевной простотѣ одинъ изъ двухъ великихъ католическихъ поэтовъ Франціи. Первый изъ нихъ, Поль Клодель, подобенъ огромному Архангелу изъ «Страшнаго Суда» Буаноротти, второй — вербному херувиму съ розовыми щеками : то осель съ опущенной головой, Божья коровка, вдохновенный сверчокъ — Жаммъ !

Андрей Левинсонъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ:

	Стр.
1. Л. Н. Андреевъ. Отъѣздъ. Странички изъ дневника	5
2. К. Бальмонтъ. Гобелэнъ	8
3. Г. Гребеншиковъ. На мертвомъ якорѣ	10
4. С. Маковский. Годъ въ усадьбѣ. Сонеты	31
5. А. Ремизовъ. Черная бабушка	47
6. Вл. Сиринъ. Дѣство	93
7. А. Даманская. Совѣтскіе поповичи	101
8. А. Дроздовъ. Отрокъ голубиный	123
9. И. Соколовъ-Микитовъ. Гдѣ птица гнѣзда не вьетъ	143
10. А. Черный. Докторша	163
11. Ал. Амфитеатровъ. В. О. Ключевскій, какъ художникъ слова	173
12. А. Филипповъ. Новое и новые въ нѣмецкой литературѣ	199
13. Вл. Сиринъ. Рупертъ Брукъ	211
14. А. Левинсонъ. Франсисъ Жаммъ	233
